

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические
правовые науки

Публично-правовые
(государственно-
правовые) науки

Частно-правовые
(цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые
науки

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Том 4, № 2, 2026

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки
- 5.1.5 – Международно-правовые науки

<i>Индексация и архивация:</i>	РИНЦ, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road
<i>Наименование органа, зарегистрировавшего издание</i>	Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
<i>Периодичность</i>	4 выпуска в год
<i>Адрес учредителя и издателя</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
<i>E-mail</i>	pravonauka2022@donstu.ru
<i>Телефон</i>	+7 (863) 2–738–372
<i>Сайт</i>	https://lawandorder-donstu.ru
<i>Дата выхода в свет</i>	30.06.2026

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 4, no. 2, 2026

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Conferring the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

- Theoretical and Historical Legal Sciences
- Public Law (State Legal) Sciences
- Private Law (Civil Law) Sciences
- Criminal Law Sciences
- International Legal Sciences

<i>Indexing and Archiving</i>	RISC, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road
<i>Name of the Body that Registered the Publication</i>	Extract from the Register of Registered Mass Media ЭЛ № ФС 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
<i>Periodicity</i>	4 issues per year
<i>Address of the Founder and Publisher</i>	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
<i>E-mail</i>	pravonauka2022@donstu.ru
<i>Telephone</i>	+7 (863) 2–738–372
<i>Website</i>	https://lawandorder-donstu.ru
<i>Date of Publication</i>	30.06.2026

Редакционная коллегия:

Главный редактор, Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора, Працко Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Выпускающий редактор, Филимонова Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Алексеева Анна Павловна, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Калининград, Российская Федерация)

Алексеева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет (Курск, Российская Федерация)

Берляевский Леонид Гарриевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова (Нальчик, Российская Федерация)

Биккинин Ирек Анасович, заслуженный юрист Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Бойко Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бондарь Николай Семенович, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Быстрова Юлия Викторовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Российская Федерация)

Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Волова Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

Дашин Алексей Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Долгополов Кирилл Андреевич, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Зиядова Дуря Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Иванова Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Российская Федерация)

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Клименко Таужан Микаиловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс», Северо-Кавказская государственная академия (Черкесск, Российская Федерация)

Комова Наталья Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Корецкий Данил Аркадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Небрятенко Геннадий Геннадиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета, Ростовский филиал Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рассказов Леонид Павлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Рыбак Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рыженков Анатолий Яковлевич, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация)

Савченко Марина Станиславовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Сагриян Инга Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сайдумов Джамбулат Хамидович, заслуженный деятель наук Чеченской Республики, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право и процесс», Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (Грозный, Российская Федерация)

Сапожникова Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

Смоленский Михаил Борисович, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Студеникина Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сынкova Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Донецкий национальный университет (Донецк, Российская Федерация)

Халифаева Анжела Курбановна, заслуженный юрист Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Цечоев Валерий Кулиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Еркинбаева Лаззат Калымбековна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры таможенного, финансового и экологического права Юридического факультета, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Ражабов Нариман Шарифбаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Токтобаев Болот Токтомышевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)

Узакова Гузал Шариповна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Цзи Хуа, PhD (международное право), доцент кафедры международного права, Китайский университет иностранных дел, Пекинский университет (Китай)

Лазарь Йовевски, PhD, действительный профессор юридического факультета, Юстинианус Примус Скопье (Северная Македония)

Мухаммет Джелал Кул, PhD (публичное право), доцент, Университет Болу Абант Иззет Байсал (Турция)

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Deputy Chief Editor, Gennady S. Pratsko, Dr.Sci. (Philosophy), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Executive Editor, Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anna P. Alekseeva, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law Department, Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Kaliningrad, Russian Federation)

Marina V. Alekseeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Valerii P. Belyaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Leonid G. Berlyavsky, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Bela B. Bidova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation)

Irek A. Bikkinin, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Aleksander I. Boyko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law and Criminology Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nikolai S. Bondar, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Municipal Law and Environmental Legislation Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Yulia V. Bystrova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Orel State University named after I.S. Turgenyev (Orel, Russian Federation)

Galina B. Vlasova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Larisa I. Volova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Marina L. Davydova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

Aleksey V. Dashin, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Private and Entrepreneurial Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana V. Deryugina, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Labour Law, Civil Procedure Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot' (Moscow, Russian Federation)

Kirill A. Dolgoplov, Dr.Sci.(Sociology), Cand.Sci.(Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law and Procedure Department, Institute of Law of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation)

Dureya Z. Ziyadova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Orenburg, Russian Federation)

Magomedsgaid A. Ismailov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Tauzhan M. Klimentko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, North Caucasian State Academy (Cherkessk, Russian Federation)

Natalya B. Komova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Danil A. Koretsky, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana I. Kuzina, Dr.Sci. (Political Science), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Boris Z. Malikov, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Gennady G. Nebratenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Inna A. Podroikina, Dr.Sci. (Law), Professor, Dean of the Law Faculty, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Leonid P. Rasskazov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Kalmykia, Professor of the Civil Law and Procedure, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation)

Marina S. Savchenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the State and International Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Inga G. Sagiryan, Cand.Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dzhambulat K. Saidumov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Chechen Republic, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Chechen State University named after A. A. Kadyrov (Grozny, Russian Federation)

Ekaterina Yu. Sapozhnikova, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nina Yu. Skripchenko, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

Mikhail B. Smolensky, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana V. Studenikina, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Elena M. Synkova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Administrative and Financial Law Department, Donetsk National University (Donetsk, Russian Federation)

Anzhela K. Khalifaeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Valery K. Tsechoev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Tatyana V. Shatkovskaya, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, South-Russian Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPa) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lazzat K. Yerkinbayeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Customs, Financial and Environmental Law Department, Faculty of Law, Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nariman Sh. Razhabov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Bolot T. Toktobaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Guzal Sh. Uzakova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Ji Hua, PhD in International Law, Associate Professor of the International Law Department, China Foreign Affairs University, Peking University (China)

Lazar Jovevski, PhD, Full Professor, Law Faculty, Justinianus Primus Skopje (Northern Macedonia)

Muhammet Celal Kul, PhD in Public Law, Associate Professor, Bolu Abant Izzet Baysal University (Turkey)

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Аганов А.А., Бондарев В.А.* Правовые особенности ликвидации иммигрантских коммун в Советской России в 1920-х годах (на примере коммуны «Калифорния») 9
- Берляевский Л.Г., Бондарев В.А.* Лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности в СССР в раннесоветский период 22
- Шумилина А.Б., Анциферова Н.А.* Организационная парадигма правового реализма в рамках прогрессивных подходов систематизации правовых ценностей 34

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Паламарчук Е.А., Лебедева Л.В.* Концептуализация принципа правовой идентичности в качестве механизма регулирования социального порядка 40
- Сизько И.А., Филимонова Е.А.* Избирательные цензы при реализации активного избирательного права: правовое закрепление и тенденции развития 47

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Елизаров И.В., Юренко А.А.* Нормативно-правовое закрепление принципов медиативного спороразрешения в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспективы развития 53

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Величко А.А., Левина Р.А.* Проблематика заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования в Российской Федерации 61
- Киселева А.Ж., Киселев Р.В.* Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой аспект 66
- Негреева Т.Ю., Юрьева А.В.* Уголовно-правовая оценка преступлений, совершаемых с использованием технологии синтеза реальности Deepfake: вопросы квалификации и законодательной регламентации в Российской Федерации 74
- Сагирян И.Г., Кузина С.И.* Правовая сущность кибертерроризма и его соотношение со смежными составами преступлений в уголовном праве России 80

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Aganov AA, Bondarev VA.* Legal Features of the Liquidation of Immigrant Communes in Soviet Russia in the 1920s (by the Example of the Commune “California”) 9
- Berlyavsky LG, Bondarev VA.* Disenfranchisement as a Constitutional Legal Liability Tool in the Early Soviet Period of the USSR History 22
- Shumilina AB, Antsiferova NA.* Organizational Paradigm of Legal Realism in the Context of Advanced Approaches to Systematization of Legal Values 34

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

- Palamarchuk EA, Lebedeva LV.* Conceptualization of Legal Identity Principle as a Mechanism of Social Order Regulation 40
- Sizko IA, Filimonova EA.* Electoral Qualifications in the Frame of Exercising the Right to Active Suffrage in the Russian Federation: Legal Enshrinement and Development Trends 47

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Elizarov IV, Yurenko AA.* Stipulation of Mediation as Dispute Resolution Principle in the Legal Framework of the Russian Federation: Topical Problems and Development Prospects 53

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Velichko AA, Levina RA.* Problematic Issues in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement at the Preliminary Stage of Investigation in the Russian Federation 61
- Kiseleva AZh, Kiselev RV.* Cybercrimes: Criminal Law Perspective 66
- Negreeva TYu, Yuryeva AV.* Criminal-Legal Evaluation of Crimes Committed Using Synthetic Reality (Deepfake Technology): Issues of Qualification and Legislative Regulation in the Russian Federation 74
- Sagiryay IG, Kuzina SI.* The Legal Nature of Cyberterrorism and Its Relationship with the Corpora Delicti of Overlapping Offences in the Criminal Law of the Russian Federation 80

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 340.15

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-9-21>

Правовые особенности ликвидации иммигрантских коммун в Советской России в 1920-х годах (на примере коммуны «Калифорния»)

EDN: TJWPUL

А.А. Аганов , В.А. Бондарев

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 aganoff.a@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование проливает свет на юридические особенности ликвидации иммигрантских коммун в Советской России в 1920-х гг. Поднимаемая научная проблема предполагает анализ юридических процедур ликвидации иммигрантских коммун, и в качестве примера была взята коммуна «Калифорния», которая не смогла построить эффективное хозяйство и распалась. Важность работы в современном научном контексте заключается в использовании неопубликованных архивных источников при установлении соотношения между процедурой ликвидации и нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность советских сельскохозяйственных объединений. Сохраняется нерешенная проблема юридического оформления внутреннего устройства иммигрантских коммун и их правового статуса в сравнении с местными колхозами. Цель статьи – выявить правовые особенности расформирования иммигрантских коллективных хозяйств в Советской России в 1920-х гг. на примере коммуны «Калифорния», исследуя неопубликованные архивные документы.

Материалы и методы. Источниковую базу исследования составили архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО), а также различные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность сельскохозяйственных коммун в СССР в 1920-х гг. В процессе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы: историко-генетический, историко-правовой, формально-юридический (догматический) и метод контент-анализа.

Результаты исследования. Осуществлена концептуализация советского аграрного законодательства о деятельности иммигрантских коммун. Проведен анализ ликвидации иммигрантской коммуны «Калифорния», которая проходила в конце 1926 г. – первой половине 1927 г. Дана оценка данному процессу с точки зрения действовавших на тот момент нормативных правовых актов. Установлено, что коммуна «Калифорния» была ликвидирована по инициативе ее членов в связи с невозможностью выплатить долги государственным кредиторам и бывшим членам коммуны без ее упразднения. Показано, что региональные земельные органы власти взяли под контроль ликвидацию коммуны, так как их главной задачей было обеспечение интересов государственных кредиторов, а интересы коммунаров стояли на втором месте. В результате ликвидационная комиссия, в которую вошли представители власти, сумела продать большую часть имущества коммуны и погасить все долги.

Обсуждение и заключение. Осуществленное исследование представляется значимым для современной российской юридической науки в связи с тем, что вводит в научный оборот новые прецеденты, которые расширяют представление о правовых особенностях ликвидации иммигрантских коммун в 1920-е гг. Результаты данного исследования, подробно анализирующего ликвидацию коммуны «Калифорния», могут выступать в качестве отправной точки по изучению законодательного регулирования сельскохозяйственных коммун в СССР в 1920-х гг.

Ключевые слова: коммуны, иммигрантские коммуны, коммуна «Калифорния», ликвидационная комиссия, И.Ф. Андреянченко, долги, Донское земельное управление, Северо-Кавказское краевое земельное управление, Земельный кодекс, советское право, устав

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Аганов А.А., Бондарев В.А. Правовые особенности ликвидации иммигрантских коммун в Советской России в 1920-х годах (на примере коммуны «Калифорния»). *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(2):9–21. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-9-21>

Original Empirical Research

Legal Features of the Liquidation of Immigrant Communes in Soviet Russia in the 1920s (by the Example of the Commune “California”)

Andrey A. Aganov , Vitaliy A. Bondarev
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
 aganoff.a@yandex.ru

Abstract

Introduction. The study elucidates the legal features of the process of immigrant communes' liquidation in Soviet Russia in the 1920s. The scientific problem raised envisages the analysis of legal procedures on liquidation of immigrant communes by the example of the commune “California” that had failed to build an efficient farming enterprise and had come to its dissolution. The significance of the article in the contemporary scholarly context lies in the study of the unpublished archival sources to establish the relationship between the liquidation procedures and the legal acts regulating the activity of Soviet agricultural associations. The problem of juridical establishment of the internal structure of immigrant communes and their legal status in comparison with the local collective farms remains unstudied. The aim of the article is to identify the legal features of the dissolution of immigrant collective farms in Soviet Russia in the 1920s by the example of the commune “California” based on the study of the unpublished archival documents.

Materials and Methods. The research was based on the archival documents stored in the State Archive of the Rostov Region (SARR), as well as various normative legal acts regulating the activity of agricultural communes in the USSR in the 1920s. General scientific and specific scientific methods were used within the research: historical-genetic, historical-legal, formal-legal (dogmatic), and content analysis methods.

Results. The article has conceptualized the Soviet agrarian legislation on the activity of immigrant communes. It has analysed the liquidation of the immigrant commune “California”, which took place in late 1926 — the first half of 1927. The process has been evaluated from perspective of legal and regulatory framework being in effect at that time. It has been ascertained that the commune “California” was liquidated at the initiative of its members due to the inability to pay off debts to the state creditors and former members of the commune except for through commune dissolution. It has been demonstrated that Regional land use authorities had supervised the commune liquidation, as their primary objective was to ensure the observation of the state creditors' interests, while the interests of the commune members mattered at the second place. As a result, the liquidation committee, which included the representatives of the authorities, managed to sell the major part of the commune assets and settle all the debts.

Discussion and Conclusion. The conducted research is significant for the contemporary Russian juridical science due to the introduction into the scientific discourse of the new precedents that expand our understanding of the legal features of immigrant communes' liquidation in the 1920s. The study presents a detailed analysis of the procedure of commune “California” liquidation, and can serve a starting point for the research on legal regulation of the activity of agricultural communes in the USSR in the 1920s.

Keywords: communes, immigrant communes, “California” commune, liquidation committee, I.F. Andreyanchenko, debts, Land Use Directorate of Don, North Caucasian Regional Land Use Directorate, Land Code, Soviet law, charter

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Aganov AA, Bondarev VA. Legal Features of the Liquidation of Immigrant Communes in Soviet Russia in the 1920s (by the Example of the Commune “California”). *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):9–21. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-9-21>

Введение. В начале 1920-х гг. первоочередной задачей большевиков, одержавших победу над многочисленными противниками в Гражданской войне, являлось скорейшее восстановление разрушенного народного хозяйства. В рамках выполнения указанной задачи лидеры коммунистической партии поощряли переселение в РСФСР (СССР) реэмигрантов и иностранцев, готовых внести свой вклад в построение социалистического общества в России. Уже 22 июля 1921 г. Советом труда и обороны (СТО) РСФСР было принято постановление «Об американской промышленной эмиграции», в рамках которого власти приглашали в страну американских рабочих

«в целях использования их для поднятия производительных сил страны»¹. Помимо промышленности, лидеры компартии призывали иностранцев, в частности американцев, принять участие «в организации советского коллективного аграрного производства» [1, с. 48]. Эти призывы нашли отклик за рубежом, где начали формироваться группы желающих переехать в Советскую Россию и оказать содействие в социалистических преобразованиях. Так, в 1922 г. в одном из штатов США – Калифорнии – при Обществе технической помощи Советской России была основана одноименная коммуна, членами которой стали американские рабочие-коммунисты и российский эмигранты, стремившиеся вернуться на родину [2]. В том же году первая группа коммунаров «Калифорнии» из 25 человек прибыла в РСФСР [3, л. 64]. Коммуна «Калифорния» стала одной из целого ряда иммигрантских коллективных хозяйств, возникших и действовавших в Советской России (СССР) в 1920-х гг.

В советской [4–9] и постсоветской [10–13] историографии неоднократно освещались вопросы возникновения, устройства и деятельности иностранных коммун в РСФСР и СССР. Если советские исследователи акцентировали внимание на классовой солидарности и той роли, которую иностранцы сыграли в развитии коллективных форм земледелия в СССР, то в постсоветской научной литературе анализируются организационно-хозяйственные особенности иммигрантских колхозов, их взаимоотношения с властью и местным населением, эффективность их функционирования. В последнем случае справедливо отмечается, что, хотя отдельные иммигрантские коллективные хозяйства достигли в своей деятельности выдающихся результатов (такова, в частности, была знаменитая коммуна «Сеятель» в Сальском округе Северо-Кавказского края), большинство из них не смогли адаптироваться к непривычным условиям и прекратили свое существование в сравнительно короткие сроки.

В ряде исследований освещались и особенности правового положения иммигрантских коммун в Советской России (Советском Союзе) [14–16]. В целом, однако, вопросы юридического оформления внутреннего устройства иммигрантских коммун, артелей и товариществ, их правового статуса в сравнении с местными колхозами и статуса самих иностранцев, освещены в научной литературе весьма фрагментарно. По-прежнему остается справедливым высказанное В.В. Гришаевым еще в 1976 г. замечание об отсутствии «сколько-нибудь серьезного исследования, в котором бы прослеживалась правовая сторона деятельности коммунаров от первых шагов в 1917–1918 годах до принятия в 1935 году "Примерного устава сельскохозяйственной артели"» [17, с. 50]. Современное состояние историографии позволяет говорить о научно-теоретической актуальности исследования правовых аспектов положения и деятельности иммигрантских коллективных хозяйств в Советской России в 1920-х – 1930-х гг. В частности, практически не изучались юридические процедуры при ликвидации тех иммигрантских коммун, которые оказались не способны наладить планомерную и эффективную деятельность, обанкротились и распались. К числу таких коллективных хозяйств относилась и коммуна «Калифорния», которая являлась одной из первых ликвидированных иммигрантских коммун на Юге Советской России в 1920-е гг. Ликвидация «Калифорнии» стала серьезной проблемой для региональных органов советской власти, которые не имели юридически выверенной программы действий на случай ее упразднения.

Тем самым, цель настоящего исследования заключается в том, чтобы, на примере коммуны «Калифорния», ликвидация которой началась в конце 1926 г. и заняла первую половину 1927 г., выявить правовые особенности расформирования иммигрантских коллективных хозяйств в Советской России в 1920-х гг. Достижение поставленной цели предполагает выполнение ряда задач, в число которых входит, во-первых, обзор советского законодательства, регулировавшего устройство и деятельность иммигрантских сельскохозяйственных коммун. Во-вторых, следует установить причины распада «Калифорнии» и рассмотреть сам процесс ее ликвидации. В-третьих, необходимо установить соотношение между ликвидационными процедурами и нормативными правовыми актами, лежавшими в основе деятельности советских колхозов (в т. ч. созданных иностранцами) в 1920-х гг. Выполнение обозначенных задач позволит расширить наши представления как о положении и деятельности коллективных хозяйств в советской деревне в период нэпа в целом, так и о специфике устройства, функционирования и ликвидации иммигрантских коммун.

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО). В нем находится фонд Северо-Кавказского краевого земельного управления (крайзу), который осуществлял контроль за деятельностью сельскохозяйственных коммун в регионе, регулировал их положение, оказывал им поддержку. Именно Северо-Кавказское крайзу взяло под свой контроль ликвидацию коммуны «Калифорния» в конце 1926 г. – 1927 г. Анализ делопроизводственных документов позволил авторам выявить юридические особенности ликвидации сельскохозяйственной коммуны «Калифорния» и соотношение таковых с теми или иными нюансами ликвидационных процедур. Помимо этого, авторами были проанализированы различные нормативные правовые акты, которые регулировали деятельность

¹ Об американской промышленной эмиграции. Постановление Совета Труда и Обороне РСФСР от 22.07.1921. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/125870?ysclid=mntaz34s8917238587> (дата обращения: 10.04.2026).

сельскохозяйственных коммун в 1920-х гг.: Земельный кодекс РСФСР 1922 г., декреты СНК РСФСР, документы Постоянной комиссии СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и реэмиграции.

В процессе исследования использовались общенаучные и специальные научные методы: историко-генетический, историко-правовой, формально-юридический (догматический) и метод контент-анализа. Использование историко-генетического метода позволило проследить процесс формирования и деятельности коммуны «Калифорния», одновременно установив причины ее последующего распада и ликвидации. С помощью контент-анализа удалось определить намерения и предпочтения представителей власти в процессе ликвидации коммуны, существенно расхоdivшиеся с интересами рядовых коммунаров. Формально-юридический метод лег в основу анализа разделов советского аграрного законодательства 1920-х гг., посвященных положению и деятельности сельскохозяйственных коммун, включая и иммигрантские. Особенности правового регулирования ликвидационных процедур в отношении иммигрантских коммун были выявлены путем применения историко-правового метода.

Результаты исследования. Как уже отмечалось, первая группа членов «Калифорнии» в количестве 25 человек прибыла в РСФСР осенью 1922 г. Это были переселенцы из Сан-Франциско и Ванкувера [3, л. 64]. Вопросами переселения и размещения иммигрантов, коль скоро таковые планировали работать в аграрной сфере, занимался Народный комиссариат земледелия (НКЗ) РСФСР [18]. Именно Наркомзем и подведомственные ему властные структуры (региональные земельные управления) координировали вопросы распределения земельных участков, создания коллективных хозяйств, подписания договоров о сотрудничестве и аренде земли с иностранцами.

Базовым документом, определявшим правовой статус иностранцев в России, выступала Конституция РСФСР 1918 г. Здесь содержались весьма либеральные положения о переселении иностранных граждан в страну победившей социалистической революции, о приобретении ими российского гражданства и о деятельности на новой родине. В Конституции указывалось (раздел 2, гл. 5, ст. 21), что РСФСР «предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся [в своих государствах] преследованию за политические и религиозные преступления». В той же главе (ст. 20) провозглашалось, что, «исходя из солидарности трудящихся всех наций», РСФСР «предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, право российского гражданства». Законодательство СССР в значительной мере сохранило либерализм первой советской Конституции в плане переселения иностранцев в страну Советов и получения ими советского гражданства «без затруднительных формальностей». Согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 3 сентября 1926 г. об иностранцах, имеющих временное пребывание или постоянное место жительства в Советском Союзе, таковыми считались граждане зарубежных государств. При этом domiciliрованными (постоянно проживающими) в СССР иностранцами являлись те, кто законно проживал в стране и не менее 18 месяцев занимался здесь промышленностью, торговлей, ремеслом «и тому подобными видами не воспрещенной законом деятельности»².

Как видим, переезд в Советскую Россию для иностранных граждан был, на первых порах, отнюдь не сложной задачей. Однако прибыв в РСФСР (СССР), иммигранты должны были в своих занятиях соответствовать действовавшему законодательству, требовавшему от них общественно полезного труда. По этому поводу Конституция РСФСР (раздел 2, гл. 5, ст. 18) прямо называла труд «обязанностью всех граждан Республики» и провозглашала лозунг «Не трудящийся, да не ест!». Иммигрантам, пожелавшим трудиться в аграрном секторе, советское государство предоставляло землю в аренду, но при этом требовало обрабатывать ее личным, а не наемным трудом. Это требование было зафиксировано и в Конституции 1918 г., и в Земельном кодексе РСФСР 1922 г. (ст. 9). В примечаниях к данной статье в Земельном кодексе специально подчеркивалось, что «наделение землею граждан, не имеющих возможности непосредственно приступить к ее обработке собственным трудом, не может иметь места», и поэтому ни советские граждане, постоянно живущие за границей, ни тем более иностранцы не имеют прав на трудовое землепользование. Если граждане РСФСР, вернувшись в страну, приобретали такие права автоматически, то права иностранных граждан на землю определялись особыми соглашениями между ними и правительством Советской республики.

Правительство РСФСР предусматривало предоставление иммигрантским коммунарам в аренду земли на долгосрочный период. Согласно договорам, иностранцы получали в трудовое пользование землю, в т. ч. земельные площади совхозов: так, заместитель начальника управления Уполномоченного Наркомзема на Юго-Востоке РСФСР Юркин в письме в комиссию СТО по промышленной и сельскохозяйственной иммиграции предлагал сдавать в аренду зарубежным переселенцам «небольшие совхозы» [3, л. 34]. В свою очередь, иммигранты

² *Собрание законов СССР*. 1926;(51). Отд. 1. Ст. 439. Москва: Государственное издательство «Советское законодательство»; 1936. С. 1035–1035.

должны были привезти на новое место проживания сельскохозяйственные машины и инвентарь на определенную сумму для эффективного хозяйствования.

Сходный договор по «эксплуатации земельных угодий» [12, л. 1–4] был подписан 9 сентября 1922 г. между НКЗ РСФСР и коммуной «Калифорния». Согласно данному документу, коммунары получили в аренду участок земли в 1 тыс. десятин рядом со станцией Целина в Сальском округе Донской области. В рамках договора коммуна обязывалась «вести рациональную сельскохозяйственную эксплуатацию всей отводимой ей земли» [19, л. 1]. Коммуна получала право пользоваться водными источниками «в качестве двигательной силы» [19, л. 1], заниматься «переработкой всех продуктов своего хозяйства» [19, л. 1] и могла, при наличии дополнительного соглашения, открывать на арендованном участке фабрики и заводы «для промышленной обработки сельскохозяйственных продуктов» [19, л. 1]. За использование арендованного участка коммуна должна была ежегодно отдавать советскому правительству 5 % валового урожая озимым зерном [19, л. 1]. При осуществлении сельскохозяйственной деятельности коммуна обязывалась вести книги учета доходов, расходов и прибыли. Коммуна не могла сдавать в субаренду переданные ей земельные участки, обязывалась уплачивать продналог и выполнять трудовую повинность. Движимое и недвижимое имущество коммуны не могло быть конфисковано государственными и местными органами власти, кроме случаев, связанных с выплатой долгов. Коммуне предоставлялась возможность получать кредиты в советских и иностранных банках без каких-либо ограничений и самостоятельно принимать решения при осуществлении хозяйственных операций. Заключенный с коммуной договор мог быть прекращен лишь по истечении срока договора или нарушения ею его условий. Все имущество по истечении срока соглашения должно быть передано государству в течение двух месяцев. Данное имущество необходимо было освободить от долговых обязательств, а хозяйство должно было быть «в полной мере обеспечено семенами и грубым фуражом на следующий год» [19, л. 4]. Можно утверждать, что условия договора являлись отнюдь не обременительными для коммуны. Получив крупный участок земли в пользование, коммунары обязывались передавать государству всего лишь двадцатую часть собранного урожая и пользовались практически полной свободой при осуществлении хозяйственной и финансовой деятельности.

По прибытии на место члены коммуны «Калифорния» разработали устав, являвшийся основным и базовым документом для их коллективного хозяйства. В рассматриваемый период уставы коммун изначально создавались самими коммунарами, а потом утверждались земельными органами [20, с. 72]. Согласно уставу, управление коммуной осуществляло общее собрание всех ее членов, а исполнительным органом являлся Совет [21, л. 9]. Кроме того, «для проверки отчетов и смет, фактической ревизии» [21, л. 9] в коммуне избиралась Ревизионная комиссия, срок полномочий которой ограничивался одним годом, после чего следовало провести ее перевыборы.

Устав определял, что коммуна «Калифорния» ставила своей главной целью «поднятие материального и духовного благосостояния своих членов» [21, л. 1] посредством совместного ведения сельского хозяйства на коллективных началах. Для этого коммуна получала право аренды земельных участков, возведения на них построек, приобретения имущества, заключения займов. Фактически она становилась субъектом гражданских правоотношений. Также в рамках устава коммуна могла подписывать договоры, продавать произведенные продукты, «вести культурно-просветительскую деятельность» [21, л. 2], распространяя сельскохозяйственные знания среди своих членов и населения через организацию соответствующих курсов и проведение лекций. Коммуна «отвечала всем своим имуществом и всеми капиталами» [21, л. 2] в случае взятия на себя определенных обязательств в рамках договоров.

Вступить в коммуны могли любые лица, достигшие 18 лет, которые должны были подчиняться требованиям устава, «участвовать в работах коммуны личным трудом» [21, л. 2] и внести свое имущество «для общего пользования» [21, л. 2]. Членство позволяло коммунарам участвовать в ее управлении и «распределении продуктов коммунального труда» [21, л. 2]. В случае выхода или исключения член коммуны получал «причитающуюся ему долю продуктов» [21, л. 3] и мог забрать с собой «предметы домашнего обихода» [21, л. 3], а в течение трех месяцев после утверждения годового отчета ему должны были вернуть внесенное им при вступлении в коммуны имущество. Также вышедший или исключенный член наделялся землей на участке коммуны. Следует подчеркнуть, что данные условия при экономических сложностях и массовом выходе членов могли привести коммуны к потенциальной ликвидации из-за уменьшения ее экономических возможностей.

Упомянутые сложности не замедлили появиться. Уже в самом начале своего существования «Калифорния» столкнулась с проблемами, которые могли поставить ее на грань исчезновения. Дело в том, что в Западно-Коннозаводском районе Донской области, на территории которого находилась коммуна, была распространена малярия, и целый ряд коммунаров стали жертвами этой болезни, на некоторое время лишившись трудоспособности. Кроме того, оказалось, что выделенный коммунарам участок неудобен для занятий земледелием. Все это привело к выходу многих членов из коммуны, а также поиску нового участка [3, л. 64]. В результате, в начале 1923 г.

коммуна получила в аренду бывшее имение донского помещика В.И. Денисова, которое располагалось в Кушевском районе, входящем тогда в состав Донской области [3, л. 12]. По этой причине в 1925 г. «Калифорнии» пришлось оформить новый договор аренды, хотя и на условиях, аналогичных вышеуказанным [3, л. 64].

Несмотря на получение новых земельных наделов, положение коммуны оставалось нестабильным. Уже в марте 1924 г. из нее выделилась группа молокан, образовавшая кооперативное товарищество «Звезда» [3, л. 38]. Выходили по различным причинам и другие лица, которые, согласно уставу, изымали из общего фонда внесенные ранее членские взносы. Восполнение ушедших из коммуны членов происходило за счет принятия в ее ряды части «рабочих совхозов» [19, л. 54], которые раньше трудились на участках, переданных коммуне в аренду. Происходило оно и за счет переселенцев из США. Однако состав прибывавших контингентов нередко приводил к новым конфликтам внутри «Калифорнии». Так, в 4–6-х группах переселенцев оказалось большое количество членов секты «Новый Израиль», которые держались от других участников коммуны «обособленно» [19, л. 54]. Более того, сектанты выражали недовольство приемом в коммуну бывших рабочих совхозов и даже высказывали сожаление о том, что внесли членские взносы. После приезда из США четвертой группы переселенцев в коммуне произошли перевыборы правления, по итогам которых большинство членов этого исполнительного органа составили сектанты [19, л. 54]. Это еще более обострило конфликты между членами коммуны.

Внутренние неурядицы естественным образом минимизировали трудовую активность и дисциплину в коммуне и подрывали ее экономическое положение. Отчетность в коммуне не велась в связи с тем, что в правлении преобладало мнение: «не надо нам держать дармоедов, которые будут сидеть за книгами» [19, л. 54]. Подобная бесхозяйственность потворствовала безнаказанному воровству средств и имущества коммуны при полном отсутствии контроля со стороны ревизоров. Еще до перевыборов правления «Калифорния» задолжала Юго-Восточному сельхозбанку (Ювсельбанку) 6 500 руб., а в амбаре коммуны хранилось 9 тыс. пудов зерна [19, л. 54]. После того, как правление перешло под контроль сектантов, долг коммуны возрос до 19 500 руб., амбар оказался пустым, вплоть до того, что отсутствовал даже семенной фонд [19, л. 54].

На этом фоне конфликты в коммуне усилились, поставив ее на грань распада. В конце декабря 1925 г. 12 недовольных коммунаров (в основном американцы) составили обращение на английском языке Общему собранию, в котором подвергли критике руководство «Калифорнии» за отсутствие финансового отчета о деятельности коммуны за истекший год [19, л. 123]. Недовольные считали, что коммуна постепенно приближается к своему краху, а в случае выхода из нее они смогли бы создать успешное хозяйство, способное производить больше продукции для продажи на рынке, а не для внутреннего потребления. Они предложили разделить коммуну на две части и созвать комиссию для решения данного вопроса. Результатом конфликта стал очередной отток коммунаров из «Калифорнии». Вышедшие из коммуны члены создали собственное объединение – коммуну «Пионер» [19, л. 97]. Новая коммуна забрала у «Калифорнии» в свою пользу большую часть паевого капитала – 39 988 руб. 64 коп. из 73 956 руб. 28 коп. [19, л. 98]. Имущество также было распределено между «Калифорнией» и «Пионером». В денежном выражении «Калифорния» получала имущества на сумму в 43 472 руб. 74 коп., а «Пионер» – 49 988 руб. 64 коп. [19, л. 98]. Правда, «Пионер» брал на себя обязательство уплатить долги кредиторам в размере 10 тыс. руб. и заплатить дебиторам 960 руб. [19, л. 98]. Но и в этом случае «Калифорния» оставалась должна кредиторам 8 110 руб. 24 коп., а дебиторам – 9 839 руб. 97 коп. [19, л. 98].

Массовый выход коммунаров существенно ухудшил состояние «Калифорнии». В феврале 1926 г. правление коммуны было вынуждено просить Северо-Кавказское крайзу расторгнуть пункты договора об аренде участка бывшего имения Денисова, поскольку таковой отошел «Пионеру» [19, л. 146]. Одновременно «калифорнийцы» просили крайзу разрешить им сдать 400 десятин земли в субаренду на 1 год своим соседям в связи с образовавшейся в коммуне нехваткой рабочих рук [19, л. 147].

Первоначально представители власти в Северо-Кавказском крае полагали, что «Калифорния» сможет преодолеть трудности [19, л. 86]. Такого же мнения придерживалось и правление коммуны. Ожидая в 1926 г. хорошего урожая, правление взяло кредит в размере 8 500 руб., планируя «возводить жилые постройки» [19, л. 187] и вернуть долги после уборочной страды. Однако летом 1926 г. случился неурожай, похоронивший надежды правления и подорвавший оптимизм властей относительно будущего «Калифорнии». В конце августа 1926 г. в коммуне было проведено обследование, результаты которого свидетельствовали об ухудшении ситуации [19, л. 189-190]. Задолженность «Калифорнии» составляла 27 863 руб. 23 коп. при балансе в 44 тыс. руб. Из них 18 142 руб. 23 коп. составлял долг государственным кредиторам [19, л. 187]. Оставшаяся часть долга приходилась на возврат членских взносов тем коммунарам, которые ушли из «Калифорнии». Уже осенью и зимой 1926 г. коммуна должна была заплатить 23 803 руб. [19, л. 187]. Денег не было, вышедшие члены начали подавать иски в суд с требованием выплаты паевых взносов. Коммуна оказалась на грани разорения.

В сентябре 1926 г. при Северо-Кавказском крайзупроизошло совещание, посвященное положению «Калифорнии» [19, л. 185-186]. Участники совещания высказывались за сохранение «Калифорнии», несмотря на кризисную ситуацию. Так, инструктор Донского областного земельного управления (ДОЗУ) А.Е. Осколков констатировал, что члены «Калифорнии» потеряли надежду на ее развитие и намеревались покинуть тонущее под грузом долгов и неурядиц хозяйство. На месте проживания планировали остаться лишь 4 члена коммуны [19, л. 185], бывшие красноармейцы, поскольку им просто некуда было идти. Вопреки настроениям коммунаров, Осколков высказывался за сохранение «Калифорнии» и полагал возможным найти некий компромисс, при котором «хозяйство [коммуны] пострадало меньше, и кредиторы получили полным рублем» [19, л. 185]. Хотя это было похоже на маниловщину, с Осколковым были согласны представители крайзупо «Техноимпорта» (соответственно, Астахов и Малой), а также председатель коммуны И.Ф. Андреянченко.

Более конкретен был представитель Северо-Кавказского крайколхозобъединения Карлов, отметивший, что имеются два сценария будущего «Калифорнии»: сохранить коммуну или ликвидировать ее, создав из бывших «калифорнийцев» новый коллектив [19, л. 185]. Высказываясь за сохранение «Калифорнии», Карлов предлагал дать коммуне отсрочку по долгам, поскольку в противном случае ее ожидало бы полное разорение. С этим мнением согласились сотрудники крайзупо Щербина и Волков. По итогам голосования было решено просить краевые власти дать «Калифорнии» отсрочку по выплате долгов государственным кредиторам и вышедшим членам. Тем самым представители власти пытались выиграть время для коммуны, надеясь на возможное улучшение экономической ситуации.

Но сами коммунары уже не хотели бороться за будущее своего коллективного хозяйства, считая борьбу проигранной. На общем собрании «калифорнийцев», состоявшемся 6 октября 1926 г., решительно возобладало мнение о необходимости ликвидации коммуны в связи «с тяжелым финансовым положением» [19, л. 199] и невозможностью дальнейшего существования при полном погашении долгов.

Порядок ликвидации сельскохозяйственных объединений в РСФСР (СССР) определялся рядом нормативных правовых актов. Согласно «Положению о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г., сельскохозяйственные коммуны могли быть распущены либо самими коммунарами, либо представителями власти. В первом случае требовалось решение общего собрания, утвержденное уездным земельным отделом. Второй сценарий наступал тогда, когда организация и деятельность коммун не соответствовали положениям Конституции или противоречили их уставам; либо же коммунары не выполняли указания и распоряжения Наркомзема или местных земельных отделов. Такие коммуны могли быть распущены решениями губернских или уездных земельных отделов³. Согласно ст. 92 Положения, для ликвидации дел коммуны создавалась ликвидационная комиссия под председательством заведующего уездным земотделом. Комиссия должна была содействовать сохранению хозяйства ликвидируемой коммуны вплоть до передачи такового вновь организованной коммуне или совхозу⁴. Переход к нэпу несколько скорректировал порядок ликвидационных процедур. Так, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» от 22 августа 1924 г., при выходе из кооперативного объединения (будь то товарищество, артель или коммунa) их члены имели право требовать возвращения паевых взносов и причитающейся доли прибыли⁵.

В уставах коммун Юга России процесс их ликвидации прописывался в соответствии с принятыми правительственными органами нормативными правовыми актами. Ликвидация коммуны могла произойти по постановлению общего собрания ее членов, по распоряжению органов советской власти, «в случае несостоятельности» и «если число ее членов будет менее пяти» [21, л. 10]. В первом случае коммунa должна была опубликовать объявление о своей ликвидации «в одной из местных газет» [21, л. 11]. Ликвидационная комиссия должна была выполнить взятые коммунной обязательства и продать все имущество. Только после погашения долгов коммунары получали право на возврат им паевых взносов. Такой же порядок был прописан и в уставе «Калифорнии». В соответствии с ним общее собрание коммунаров избрало ликвидационную комиссию (ликвидком) в составе Андреянченко, Синенко и Шевцова.

Однако, во-первых, в ликвидкоме не было представителей окружных или нижестоящих земельных органов, что противоречило действующему законодательству. Во-вторых, возникли вопросы о том, как быть с имуществом некоторых иностранцев, находившимся в коммуне. Сложность заключалась в том, что некоторые из членов «Калифорнии» не переселились из США в СССР, но при этом отправили часть своего имущества в коммуну. С подобной

³ О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 14.02.1919. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=196031508&page=1&rdk=0&intelsearch=%EF%E%EB%E%E2%E%E9++&link_id=2&ysclid=mqqne48gn1342598896#10 (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Там же.

⁵ История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917 – 1958 гг. В 2-х т. Т.1. 1917 – 1936. Москва: Госюриздат; 1959. С. 50.

ситуацией региональные земельные власти ранее не сталкивались. Поэтому Северо-Кавказское крайзупу 21 октября 1926 г. направило письмо в НКЗ РСФСР, пытаясь выяснить, как следует поступить с находящимися в СССР реэмигрантами-«калифорнийцами» и как быть с имуществом коммунаров, так и не приехавших на Дон [19, л. 204].

Еще не получив из Наркомзема ответа на свои запросы, руководство Северо-Кавказского крайзупу озабочилось расширением состава ликвидкома «Калифорнии» за счет государственных чиновников. 8 января 1927 г. крайзупу обратилось к Северо-Кавказскому исполкому с просьбой создать ликвидком, состоящий не только из «калифорнийцев», но также из представителя ДОЗУ и госкредиторов [22, л. 12]. А 10 января 1927 г. в крайзупу пришел ответ из Наркомзема РСФСР, в котором сообщалось, что комиссия Совета труда и обороны по сельскохозяйственной иммиграции утвердила порядок ликвидации коммуны «Калифорния». На крайзупу возлагалась обязанность контролировать данный процесс и предоставить соответствующие отчеты в Наркомзем и СТО. Наркомзем призывал крайзупу предоставить работу по специальности членам ликвидируемой «Калифорнии» и выделить им земельный участок в артели «Красный боец». Имущество не прибывших из США коммунаров следовало «ликвидировать» [22, л. 6], т. е. пустить на погашение долгов коммуны. Кроме того, Наркомзем требовал взыскать с коммуны «таможенные и всякие другие пошлины и сборы» [22, л. 6].

Получив четкие указания от правительственных органов, заместитель заведующего отдела мелиорации земель Северо-Кавказского крайзупу Коханов 14 января 1927 г. направил письмо в ДОЗУ, поручив его сотрудникам назначить их представителя в ликвидком «Калифорнии» для «принятия должных и обеспечивающих мер» [22, л. 5] по сохранению имущества коммуны и для установления возможных финансовых претензий со стороны государственных учреждений и других лиц. Другими словами, представитель ДОЗУ должен был следить за ликвидацией «Калифорнии», не допустив возможных хищений ее имущества отдельными коммунарами.

Процесс ликвидации «Калифорнии» проходил в обстановке ожесточенных споров между представителями власти, кредиторами и самими коммунарами, интересы которых зачастую противоречили друг другу. Кредиторы стремились любыми путями вернуть свои средства, тогда как коммунары желали получить причитающиеся им паевые взносы и доходы. Партийно-советские чиновники же пытались не только защитить интересы государственных кредитных организаций, но и обеспечить экономическую базу тем коммунарам, которые все еще хотели работать в сельском хозяйстве.

Ярким примером вышеозначенных разногласий служит совещание, организованное 30 декабря 1926 г. Северо-Кавказским крайзупу для согласования процедуры погашения долгов «Калифорнии». Открывая совещание, куда были приглашены представители государственных кредитных организаций, секретарь крайзупу Астахов объявил, что Северо-Кавказский крайисполком поручил присутствующим определить порядок погашения долгов коммуны и «провести ликвидацию с соблюдением интересов кредиторов и сохранением хозяйства» [22, л. 1]. После доклада Астахова кредиторы начали полемику, поскольку каждый из них стремился вернуть свои долги. Представитель «Севкавсельбанка» Киркель заявил, что банк «имеет в залоге весь живой и мертвый инвентарь» [22, л. 1] и хочет забрать его в рамках погашения долга. В ответ на это представитель Кредит-бюро «Техноимпорта» Ратнер потребовал, чтобы коммуна сначала вернула долги его организации. Представитель «Нефтесиндиката» Рапкин предложил компромисс: он указал, что раз уж «Севкавсельбанк» кредитует колхозы, то может полученное в счет уплаты долгов имущество «Калифорнии» передать другим организациям. Т. е. банк должен был изъять имущество ликвидируемой коммуны и стать вместо нее ответчиком перед «госкредиторами», а таковые готовы обеспечить «благоприятные условия расчета с ним» [22, л. 1-2]. Казалось, это был наиболее разумный сценарий, и участники совещания согласились с мнением Рапкина.

Одновременно сотрудники крайзупу выразили намерение просить Северо-Кавказский крайисполком «обязать всех кредиторов приостановить производство взысканий» [22, л. 3] с коммуны. Цель подобного намерения была все та же, что и раньше, – дать «Калифорнии» время для того, чтобы наилучшим образом рассчитаться с долгами и сохранить свой экономический потенциал. Отсрочка по кредитам позволила бы коммуне продать свое имущество не спеша, по рыночным ценам. Тогда «Калифорния» смогла бы не только удовлетворить требования кредиторов, но и сохранить часть имущества для нового коллектива, созданного на ее руинах.

Однако «Севкавсельбанк» отказался от «принятия на свой баланс пассива и актива» [22, л. 4] коммуны, считая такую операцию слишком рискованной. Руководство банка не доверяло оценкам правления коммуны, согласно которым на ее балансе находилось 27 тыс. руб. (а после раздела недвижимого имущества – 14 424 руб.) [22, л. 4]. Банковские работники считали, что ценностей в коммуне имеется не более чем на 6–8 тыс. руб., при том что долги «Калифорнии» перед государственными кредиторами на 1 сентября 1926 г. составляли 27 тыс. руб., а с задолженностью по паевым взносам – и вовсе 39 тыс. руб. Банк считал предложенную ему сделку убыточной и отказывался далее предоставлять какие-либо долгосрочные кредиты «Калифорнии» из-за отсутствия «внушаю-

щих доверие в смысле кредитоспособности» [22, л. 4] ее преемников. Единственным выходом руководство «Севкавсельбанка» считало немедленную ликвидацию коммуны в соответствии с законодательством. Законодательство же предусматривало, что, после выплаты государству налогов, банк должен был в первоочередном порядке получить в счет погашения задолженности «Калифорнии» ее живой и мертвый инвентарь «полным рублем» [22, л. 4]. Позиция банка стала основой того, что ликвидация коммуны развернулась «в общем порядке» [22, л. 4], т. е. «Калифорния» должна была полностью распродать свое имущество для погашения долгов.

18 января 1927 г. состоялось новое совещание кредиторов при Северо-Кавказском крайзупу «по вопросу о порядке ликвидации» [22, л. 17] коммуны «Калифорния». Секретарь крайзупу Астахов передал кредиторам просьбу ликвидкома не производить ликвидацию имущества коммуны «путем распродажи с торгов» [22, л. 17]. Просьба не нашла у кредиторов понимания и после бурного обсуждения они высказались за то, чтобы ликвидировать коммуну в 3-х месячный срок [22, л. 17]. На совещании был утвержден состав ликвидкома: председателем был назначен окружной смотритель госимущества С.И. Сосинович, а членами – представители «Калифорнии» И.Ф. Андреянченко, К.Г. Голубев, М.С. Шевцов [22, л. 15]. Ликвидкому поручалось продать имущество коммуны на наиболее выгодных для нее условиях, а вырученные от продажи средства положить на текущий счет в «Севкавсельбанке» [22, л. 32]. Также Сосинович должен был проверить выплату коммунной таможенных и пошлинных сборов.

Первоочередной задачей представителей власти, в т. ч. и вошедших в состав ликвидационной комиссии, стала ревизия имущества «Калифорнии» с целью выявить его количество и стоимость. Было установлено, что к 1 февраля 1927 г. в кассе коммуны имелось 1 212 руб. 33 коп. [22, л. 92] наличных средств. Поскольку же в документации коммуны не оказалось «надлежаще оформленных оценочных описей имущества» [22, л. 92] (очередное свидетельство бесхозяйственности, явившейся одной из важнейших причин краха «Калифорнии»), ее правление спешно приступило к проведению описи имущества. Согласно результатам описи, проведенной с 3 по 16 февраля 1927 г., общая стоимость имущества коммуны составляла 36 052 руб. 55 коп. [22, л. 92]. Это имущество и планировалось выставить на торги ради погашения долгов.

Вопросы распродажи «Калифорнии» обсуждались на первом заседании комиссии по ликвидации коммуны 27 февраля 1927 г. [22, л. 28]. На заседании было решено опубликовать в краевой газете «Молот» объявление о проведении публичных торгов по распродаже имущества «Калифорнии». Другое решение было направлено на поддержку «калифорнийцев»: ликвидком постановил оставить коммунарам часть зерна, которое хотели продать кредиторы для погашения долгов. Было решено оставить 44 членам коммуны 352 пуда зерна из общего количества 835 пудов, т. е. по два пуда в месяц на человека. Ликвидком полагал, что данная мера позволит коммунарам продержаться с марта по июнь 1927 г. – до нового урожая. Животрепещущими для ликвидкома вопросами являлись «порядок очередей удовлетворения кредиторов коммуны» [22, л. 28] и возможность продажи урожая коммуны 1927 г. в счет долгов. На совещании было решено обратиться за разъяснениями к Северо-Кавказскому краевому и Донскому окружному земельным управлениям.

Любопытно, что, помимо рассмотрения вопросов, связанных с расформированием «Калифорнии», ликвидком обратился в краевое и окружное земуправления [22, л. 28] с вопросами относительно самого себя. Члены ликвидкома просили вышестоящее руководство прислать письменную инструкцию, где были бы прописаны их обязанности. Также ликвидком интересовался, за счет каких средств будет оплачиваться работа его членов и деятельность ревизионной комиссии. Ответы на заданные вопросы ликвидком получил от ДОЗУ. Было объявлено, что в первую очередь следует погасить долги «Калифорнии» перед государственными кредиторами, а уж затем частным заемщиком. ДОЗУ распорядилось продать весь урожай 1927 г., а вырученные средства пустить на погашение кредитов. Относительно оплаты труда членов ликвидкома было объявлено, что средства для этого нужно изыскивать путем продажи имущества «Калифорнии» [22, л. 29]. Иными словами, от расторопности и предприимчивости ликвидкома зависела зарплата его членов. Но на первом месте находились не их потребности, а интересы государственных кредитных организаций.

Впрочем, продажа имущества «Калифорнии» с целью погашения ее долгов перед кредиторами оказалась отнюдь не легкой задачей. Объявленные в «Молоте» публичные торги фактически провалились из-за плохих погодных условий и, главное, по причине отсутствия у населения достаточных средств на покупку распродаваемого имущества по установленным ценам. Поэтому в марте 1927 г. ликвидком принял решение снизить цены на имущество «Калифорнии» [22, л. 35]. Безуспешными оказались попытки ликвидкома уговорить «Севкасельбанк» принять в рамках погашения долга 41 крестьянский пай [15, л. 37] на сумму в 410 руб. Банк интересовала не земля, а живые деньги, поэтому его представители предложили ликвидкому либо продать пай бывшим членам коммуны, либо сдать их банку «на комиссию» [22, л. 37]. Эти предложения не понравились уже ликвидкому, так

как бывшие члены «Калифорнии» не могли купить паи из-за отсутствия денежных средств, а передача земельных участков банку на комиссию привела бы к снижению «доверия к ценности и полезности пая» [22, л. 37].

Все же распродажа имущества «Калифорнии» продвигалась, пусть и не так быстро и выгодно, как того хотелось кредиторам. С 1 февраля по 10 июня 1927 г. было продано имущества на сумму 20 702 руб. 17 коп. [22, л. 92]. Удалось реализовать и вышеупомянутый 41 крестьянский пай, причем не за 410 руб., а за 727 руб. Кроме того, коммуна получила «разных поступлений» [22, л. 93] на 316 руб. 96 коп. Правда, не всегда имущество «Калифорнии» удавалось продать столь же выгодно, как в случае с крестьянскими паями. По оценкам ликвидкома, разница между оценочной стоимостью имущества коммуны и полученной на торгах выручкой равнялась [22, л. 92] 3 471 руб., поскольку ряд строений, сельхозмашин и инструментов был продан по более низкой цене, чем предполагалось изначально. Нераспроданным осталось имущество на сумму в 11 878 руб. 96 коп. [22, л. 92]. В результате коммуна собрала 22 641 руб. 46 коп. наличности для погашения своих долговых обязательств [22, л. 93]. Из полученных средств коммуна выплатила государственным кредиторам 16 432 руб. 39 коп. и после этого на ее счетах к 10 июня 1927 г. осталось 5 063 руб. 89 коп. [22, л. 94].

Означенной суммы не хватало для дальнейших расчетов, на сей раз по членским взносам. Общая сумма выплат по членским взносам составляла 25 942 руб. 64 коп. «за вычетом из них 16 % на покрытие убытков» [22, л. 94], из которых к 10 июня 1927 г. 44 членам «Калифорнии» следовало выплатить 21 172 руб. 05 коп. [22, л. 99]. Поскольку остаток средств на балансе «Калифорнии» был гораздо меньше, быстро решить эту задачу не представлялось возможным. Тогда ликвидком посчитал свою миссию выполненной (погасил долги коммуны перед государственными кредиторами) и 12 июня 1927 г. представил отчет о проделанной работе [22, л. 91] общему собранию коммунаров, которые тогда же его и утвердили. Через 10 дней отчет ликвидкома был утвержден ДОЗУ [22, л. 101], а 12 августа – Северо-Кавказским крайзуп [22, л. 106]. ДОЗУ назначило заведующего Куцевским районным земельным управлением Хлопова своим уполномоченным, поручив ему завершить ликвидацию коммуны, продав оставшееся ее имущество или распределив его между коммунарами [22, л. 90].

Документы свидетельствуют, что работа по удовлетворению законных интересов коммунаров «Калифорнии» продвигалась далеко не такими же быстрыми темпами, как в случае с госкредиторами. Несколько бывших коммунаров во главе с И.Ф. Андреянченко 16 августа 1927 г. направили письмо [22, л. 87] в ДОЗУ, жалуюсь, что до сих пор вопрос о разделе между ними имущества ликвидированной коммуны не решен, и просили разрешить его как можно скорее. Руководство управления не оставило просьбу без ответа, отдав распоряжение Хлопову о распределении оставшихся финансовых средств между бывшими членами коммуны, о чем и отчиталось 25 августа 1927 г. перед Северо-Кавказским крайзуп [22, л. 105]. В свою очередь, 15 сентября 1927 г. крайзуп дало разрешение членам коммуны «Калифорния», не вступившим в кооперативное товарищество «Ферма», дать землю «на общих основаниях из расселенческого фонда Донокруга» [22, л. 89] для дальнейшего занятия сельским хозяйством. Эти распоряжения должны были обеспечить законные запросы бывших «калифорнийцев» и дать им возможность обустроить свою жизнь после крушения их коммуны.

Обсуждение и заключение. Иммигрантские коллективные хозяйства, создававшиеся переселявшимися в Советскую Россию иностранцами и реэмигрантами, стали уникальным явлением в советской деревне 1920-х гг. Лидеры большевиков были заинтересованы в привлечении таких переселенцев в страну, причем не только потому, что иммигрантские колхозы отличались высоким уровнем материально-технического обеспечения и могли сыграть важную роль в восстановлении сельского хозяйства, но и по идеологическим и пропагандистским соображениям. Ведь, принимая иммигрантов, готовых участвовать в построении социализма, РСФСР, а затем и СССР подкрепляли свой статус бесспорного лидера международного коммунистического движения.

Советское правительство предоставляло иммигрантским колхозам выгодные условия ведения хозяйственной деятельности. В юридическом плане иммигрантские коллективные хозяйства действовали, по большей части, в соответствии с положениями советского аграрного права. Коммуна «Калифорния» не являлась исключением, будучи устроена по образцу местных колхозов: управлялась общим собранием коммунаров, имела правление (исполнительный орган) и ревизионную комиссию, и подчинялась местным органам власти, прежде всего – земельным управлениям, от районного до Донского окружного и Северо-Кавказского краевого. Вместе с тем наличие среди членов «Калифорнии» иностранцев, граждан США, которые создали коммуны на советской земле, но за счет собственных средств и имущества, придавало ей особый статус, юридически оформленный договорными отношениями с советским правительством.

Несмотря на особый статус иностранцев-колхозников, в отношении иммигрантских коммун сохранялся призмат советского законодательства, что ярко проявилось в ходе ликвидации коммуны «Калифорния». Основанная при действовавшем в США Обществе технической помощи Советской России, коммуна просуществовала почти 5 лет, но из-за внутренних неурядиц оказалась в тяжелом финансово-экономическом положении. Не сумев

преодолеть трудности, члены «Калифорнии» на исходе 1926 г. приняли решение о ликвидации своего коллективного хозяйства, действуя в рамках Устава коммуны и, в целом, в рамках советского аграрного права. Представители партийно-советского руководства Северо-Кавказского края, на территории которого располагалась «Калифорния», осознавали неизбежность ликвидации коммуны и согласились с решением общего собрания коммунаров распустить коллектив. Однако, взяв процесс роспуска «Калифорнии» под контроль (в т. ч. путем введения государственных чиновников в состав ликвидационной комиссии), краевое руководство четко продемонстрировало, что его главнейшей задачей является защита интересов государственных кредиторов. Интересы коммунаров, включая иностранцев, рассматривались как второстепенные. Об этом, в частности, свидетельствует санкционированное властями решение продать с торгов имущество тех иностранцев, которые передали его коммуне, но сами не успели переехать в СССР из США.

Проведенное исследование представляется значимым для современной российской юридической науки, поскольку вводит в научный оборот новые прецеденты, расширяющие знания о правовых особенностях ликвидации иммигрантских коммун в 1920-е гг. Результаты данного исследования могут выступать в качестве отправной точки по изучению законодательного регулирования сельскохозяйственных коммун в Советском Союзе в 1920-х гг.

Список литературы / References

1. Супоницкая И.М. Американизация советской России в 1920 – 1930-е гг. *Вопросы истории*. 2013;(9):46–59. Suponitskaya IM. Americanization of Soviet Russia in the 1920s – 1930s. *Voprosy istorii (Issues of History)*. 2013;(9):46–59. (In Russ.)
2. Петаченко Г.А., Шабасова М.А. Эволюция форм советско-американского экономического сотрудничества в 1920-х – начале 1930-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2023;(4):63–72. Petachenko GA, Shabasova MA. The Evolution of the Soviet-American Economic Cooperation in 1920s – Early 1930s. *Journal of the Belarusian State University. Historical Sciences*. 2023;(4):63–72. (In Russ.)
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.р-1390. Оп. 1. Д. 498. State Archives of the Rostov Region (GARO/SARR). Archive Fund No p-1390. Inventory No 1. File No 498. (In Russ.)
4. Мужиков И.П., Каниметов А.К., Маречек Р. *История чехословацкого кооператива «Интергельпо»*. Фрунзе: Киргизгиздат; 1957. 126 с. Muzhikov IP, Kanimetov AK, Marecek R. *History of the Czechoslovak Cooperative "Intergel'po"*. Frunze: Kirgizgoizdat; 1957. 126 p. (In Russ.)
5. Рейхберг Г.Е., Шапик Б.С. Об участии американских рабочих в восстановлении народного хозяйства Советской республики. *История СССР*. 1961;(1):144–154. Reichberg GE, Shapik BS. On the Participation of American Workers in the Restoration of the National Economy of the Soviet Republic. *Istoriya SSSR (History of the USSR)*. 1961;(1):144–154. (In Russ.)
6. Коновалюк О.И. Иммигрантские сельскохозяйственные коммуны на Северном Кавказе. В: *Авторефераты научно-исследовательских работ за 1961 год*. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ; 1962. С. 76–113. Konovalyuk OI. Immigrant Agricultural Communes in the North Caucasus. In: *Abstracts of Research papers for 1961*. Rostov-on-Don: RSU Publ.; 1962. P. 76–113. (In Russ.)
7. Тарле Г.Я. *Друзья страны Советов: Участие зарубежных трудящихся в восстановлении народного хозяйства СССР в 1920-1925 гг.* Москва: Наука; 1968. 371 с. Tarle GYa. *Friends of the Country of Soviets: Participation of Foreign Workers in the Restoration of the National Economy of the USSR in 1920-1925*. Moscow: Nauka; 1968. 371 p. (In Russ.)
8. Поташев Ф.И. (отв. ред.). *Ленинский путь донской станицы*. Ростов-на-Дону: Книжное издательство; 1970. 275 с. Potashev FI (Ed.). *Lenin's path of the Don Village*. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1970. 275 p. (In Russ.)
9. *Очерки истории партийных организаций Дона (1921-1971). Часть II*. Ростов-на-Дону: Ростиздат; 1973. 761 с. *Essays on the History of Party Organizations of the Don (1921-1971). Part II*. Rostov-on-Don: Rostizdat; 1973. 761 p. (In Russ.)
10. Аверьянов А.В. Иммиграционные коммуны и колхозы на Дону и Кубани в 1920-е гг. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2019;(3):30–38. Averyanov AV. Immigration Communes and Collective Farms in the Don and Kuban in 1920s. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities*. 2019;(3):30-38. (In Russ.)
11. Wesson RG. *Soviet Communes*. New York: H. Wolff; 1963. 275 p.
12. Дюран Д. *Коммунизм своими руками: образ аграрных коммун в Советской России*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета; 2010. 240 с. Duran D. *Communism with Our Own Hands: The Image of Agrarian Communes in Soviet Russia*. St. Petersburg: European University Publ.; 2010. 240 p. (In Russ.)

13. Романов В.В., Николашин В.П. Американские иммигрантские коммуны Кирсановского уезда Тамбовской губернии 1920-х – 1930-х гг.: основные источники и особенности изучения. *Вестник архивиста*. 2024;(4):1070–1082. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-4-1070-1082>

Romanov VV, Nikolashin VP. American Immigrant Communes of Kirsanovsky Uyezd, Tambov Province, 1920s-1930s: Main Sources and Peculiarities of the Study. *Herald of an Archivist*. 2024;(4):1070–1082. (In Russ.) <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2024-4-1070-1082>

14. Белковец Л.П. Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917 – 1939-е гг.). *Юридические исследования*. 2013;(5):296–350. <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.5.796>

Belkovets LP. Foreigners in Soviet Russia (USSR): Regulation of Legal Status and Procedure of Stay (1917–1939). *Legal Research*. 2013;(5):296–350. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2305-9699.2013.5.796>

15. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Иммигрантские коммуны в Советской России (СССР) 1920-1930-х годов: организация, функционирование, взаимоотношения с властью. *Новая и новейшая история*. 2021;(6):66–79. <https://doi.org/10.31857/S013038640017182-8>

Berlyavskiy LG, Bondarev VA. Immigrant Communes in Soviet Russia (USSR) of the 1920s–1930s: Organization, Functioning, Relations with the Authorities. *Novaya i noveishaia istoriia (New and Contemporary History)*. 2021;(6):66–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013038640017182-8>

16. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Становление государственно-правовых основ советского аграрного строя. Москва: Юрлитинформ; 2020. 383 с.

Berlyavsky LG, Bondarev VA. *Formation of the State and Legal Foundations of the Soviet Agrarian System*. Moscow: Yurlitinform; 2020. 383 p. (In Russ.)

17. Гришаев В.В. *Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929*. Москва: Мысль; 1976. 188 с. Grishaev VV. *Agricultural Communes of Soviet Russia 1917–1929*. Moscow: Mysl; 1976. 188 p. (In Russ.)

18. Цинцадзе Н.С. Природа на службе у социализма: социоестественные аспекты деятельности народного комиссариата земледелия в 1917–1939 гг. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020;(67):68–79.

Tsintsadze NS. Nature in the Service of Socialism: the Socio-Natural Aspects of the Activities of the People's Commissariat for Agriculture in 1917–1939s. *Tomsk State University Journal. History*. 2020;(67):68–79. (In Russ.)

19. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.п-1390. Оп. 11. Д. 87.

State Archive of the Rostov Region (ГАРО/SARR). Archive Fund No p-1390. Inventory No 11. File No 87. (In Russ.)

20. Родионова Т.Н. Реорганизация сельского хозяйства и строительство коммун в первые годы советской власти в преддверии образования СССР. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*. 2023;(1(85)):69–73.

Rodionova TN. Reorganization of Agriculture and Building Communities in the First Years of Soviet Power on the Eve of the Formation of the USSR. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 2023;(1(85)):69–73. (In Russ.)

21. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.п-1775. Оп. 1. Д. 740.

State Archive of the Rostov Region (ГАРО/SARR). Archive Fund No p-1775. Inventory No 1. File No 740. (In Russ.)

22. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.п-1390. Оп. 11. Д. 138.

State Archive of the Rostov Region (ГАРО/SARR). Archive Fund No p-1390. Inventory No 11. File No 138. (In Russ.)

Об авторах:

Андрей Анатольевич Аганов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института сквозных технологий Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), Aganoff.a@yandex.ru

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Аганов: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

В.А. Бондарев: методология исследования (философско-правовые методы), обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Andrey A. Aganov, Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), Aganoff.a@yandex.ru

Vitaliy A. Bondarev, Dr. Sci. (History), Professor of the History and Cultural Studies Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Claimed Contributorship:

AA Aganov: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

VA Bondarev: research methodology (philosophical and legal methods), review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 22.05.2026

Принята к публикации / Accepted 28.05.2026

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 340.15

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-22-33>

EDN: TUQKLC

Лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности в СССР в раннесоветский период

Л.Г. Берлявский^{1, 2} , В.А. Бондарев¹

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 berlg@yandex.ru

Аннотация

Введение. Согласно принятой в 1918 г. Конституции РСФСР, отдельные лица и отдельные группы населения, представлявшие угрозу для советской власти, лишались избирательных прав. Так в Советской России возникла политически и социально неполноправная группа так называемых «лишенцев», существовавшая до 1936 г. Если в советской научной литературе лишенцы оставались за пределами исследовательского внимания, то в постсоветский период этой теме была посвящена масса работ. Тем не менее в рамках историко-юридического подхода недостаточно освещены такие вопросы, как соотношение правовых установлений о лишенцах, закрепленных в Основном законе и конкретизировавшихся в инструкциях ВЦИК, а также подзаконных нормативных правовых актах; трансформация законодательства о лишенцах в 1920-х – первой половине 1930-х гг.; отражение дискриминационных норм о лишенцах в отраслевом законодательстве. Исходя из вышеизложенного, цель настоящей публикации – исследовать лишение избирательных прав как меру конституционно-правовой ответственности в Советской России в 1918–1936 гг.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составил комплекс нормативно-правовых документов 1918–1936 гг., а также опубликованные и архивные документы из Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Таганрогского филиала Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Методология исследования представлена общенаучными и специальными методами, в числе которых историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический).

Результаты исследования. Доказано, что основную массу лиц, лишенных избирательных прав согласно Конституциям РСФСР 1918 г. и 1925 г., составляли не преступившие советский закон или недееспособные члены социума, а оппозиционно настроенные и потенциально опасные для большевистского режима лица: эксплуатирующие чужой труд, живущие на нетрудовые доходы, занимающиеся торговлей, а также священнослужители, бывшие полицейские, жандармы и т. п. Тем самым советское государство узаконило дискриминацию определенных групп населения, оправдывая это борьбой за построение социализма. На протяжении 1920-х гг. к лишенцам добавлялись все новые категории населения (бывшие белогвардейские офицеры, чиновники Белой армии, члены семей лиц, лишенных избирательных прав, и т. д.), в результате чего численность лишенцев к концу 1920-х гг. достигла 3,7 млн человек. Лишение избирательных прав не только отстраняло граждан от выборов в органы местного самоуправления, но и в целом сильно осложняло жизнь.

Обсуждение и заключение. Лишение избирательных прав, предусмотренное Конституциями РСФСР 1918 г. и 1925 г., правомерно характеризовать как меру конституционно-правовой ответственности. В 1920-х – первой половине 1930-х гг. в законодательстве о лишенцах существенно варьировалась суровость применявшихся к ним санкций, что предопределялось колебаниями внутривнутриполитического курса большевиков. В конечном итоге целенаправленное государственное давление на лишенцев привело к резкому снижению их численности, что позволило законодателю отказаться от этой меры конституционно-правовой ответственности и уже не упоминать о ней в Конституции 1936 г.

Ключевые слова: лишенцы, избирательные права, конституционно-правовая ответственность, конституционное право, РСФСР, СССР

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности в СССР в раннесоветский период. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(2):22–33. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-22-33>

Original Empirical Research

Disenfranchisement as a Constitutional Legal Liability Tool in the Early Soviet Period of the USSR History

Leonid G. Berlyavsky^{1,2} , Vitaliy A. Bondarev¹

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russian Federation

 berlg@yandex.ru

Abstract

Introduction. According to the RSFSR Constitution adopted in 1918, certain individuals and groups of the population who posed a threat to the Soviet power were deprived of their voting rights. Thus, in Soviet Russia, there appeared a group of people with political and socially impaired rights, the so-called “disenfranchised”, which existed until 1936. Although in the scholarly literature of the Soviet period, the “disenfranchised” remained beyond the scope of scientific interest, in the post-Soviet period, the number of publications addressing this topic became huge. However, in the frame of the historical-legal approach, the following issues remained insufficiently studied: the relationship between the legal provisions regarding the disenfranchised persons enshrined in the Fundamental Law and then detailed in the directives of the All-Russian Central Executive Committee, as well as in the by-law regulatory legal acts; the transformation of the disenfranchisement laws in the 1920s and first half of the 1930s; and implementation of the discriminatory norms towards disenfranchised into the sectoral laws. Based on the above, the aim of the article is to study the disenfranchisement as a tool of constitutional legal liability in Soviet Russia in 1918–1936.

Materials and Methods. The empirical basis of the study was formed by a set of legal documents of the 1918–1936 period, as well as by the published and archival documents of the Russian State Archive of Socio-Political History (РГА СПИ /RSA SPH), the State Archive of the Krasnodar Territory (ГА КК/SA КТ), the Taganrog branch of the State Archive of the Rostov Region (ТФ ГАРО/TB SARR). The research methodology included the general scientific and specific scientific methods, such as: historical-genetic, comparative-historical, historical-legal, legalistic (dogmatic) methods.

Results. It has been proved that the majority of people deprived of their voting rights under the RSFSR Constitutions of 1918 and 1925 were not those who had violated the Soviet Law or legally incapable (incapacitated) members of the society, but rather those who had the oppositional views and posed potential danger to the Bolshevik regime: the ones exploiting other peoples’ labor, living on unearned income, engaged in commerce, as well as the clergy, former police officers, gendarmes, and the like. Thus, the Soviet state had legitimized discrimination against certain groups of the population for the sake of struggling to build socialism. During the 1920s, new categories of the population (former White Guard officers, White Army officials, family members of the disenfranchised, etc.) were added to the disenfranchised persons, as a result, the number of disenfranchised reached 3.7 million by the end of the 1920s. Disenfranchisement not only prevented citizens from participating in local government elections, but greatly complicated their whole life.

Discussion and Conclusion. Disenfranchisement, as stipulated in the RSFSR Constitutions of 1918 and 1925, can rightfully be characterized as a tool of constitutional legal liability. Within the disenfranchisement laws of the 1920s and first half of the 1930s, the severity of sanctions applied to the disenfranchised could vary significantly depending on the changes in the internal Bolsheviks’ policy. Eventually, targeted pressure of the state on the disenfranchised persons led to a dramatic decline in their numbers, which allowed the legislators to abandon this tool of constitutional legal liability and no longer include it in the Constitution of 1936.

Keywords: disenfranchised, voting rights, constitutional legal liability, constitutional law, RSFSR, USSR

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Berlyavsky LG, Bondarev VA. Disenfranchisement as a Constitutional Legal Liability Tool in the Early Soviet Period of the USSR History. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):22–33. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-22-33>

Введение. Согласно принятой в 1918 г. Конституции, Российская Советская Республика (РСФСР) провозглашалась «свободным социалистическим обществом всех трудящихся России», которым и принадлежала полнота власти в стране. В Конституции декларировались равные права граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности, в том числе и при выборах в органы власти – городские и сельские советы. Однако в том же Основном законе указывалось, что правительство РСФСР, действуя «в интересах рабочего класса», лишает «отдельных лиц и отдельные группы [населения] прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции»¹. Так в Советской России появилась политически и социально неполноправная группа так называемых «лишенцев», существовавшая до 1936 г.

В советской научной литературе лишенцы оставались за пределами исследовательского внимания, однако в постсоветской историографии возникли прямо противоположные тенденции. Данной категории населения посвящен массив разнообразных диссертаций, монографий, публикаций как обзорного характера [1–3], так и посвященных отдельным аспектам проблемы: использованию большевиками лишения избирательных прав как метода давления на оппозиционные общественные группы (зажиточных крестьян, торговцев, священнослужителей и т. д.) [4–7]; преследованию лишенцев в тех или иных городах и регионах страны [8–11]; способах борьбы лишенцев за возвращение статуса полноправных граждан [12, 13].

Лишенцы являются предметом исследования и в современной юридической литературе. В ряде публикаций анализировались нормы советского законодательства, служившие основанием для лишения тех или иных граждан СССР избирательных прав; освещалось правовое положение лишенцев; рассматривался процесс разработки Конституции 1936 г., упразднившей данную неполноправную категорию населения; предпринимались попытки выяснить причины этих трансформаций [14–16]. Однако процесс научного осмысления проблемы появления и существования в советском обществе такой категории, как лишенцы, еще далек от завершения. В частности, в рамках историко-юридического подхода недостаточно освещены такие аспекты указанной проблемы, как соотношение правовых установлений о лишенцах, закрепленных в Основном законе (в Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г.) и конкретизировавшихся в инструкциях ВЦИК, а также подзаконных нормативно-правовых актах; трансформация законодательства о лишенцах, наблюдавшаяся в 1920-х – первой половине 1930-х гг.; отражение дискриминационных норм о лицах, лишенных избирательных прав, в отраслевом законодательстве, в частности, в советском аграрном праве. Отмеченные обстоятельства наделяют проблематику лишенчества в советском законодательстве научно-теоретической актуальностью. Присуща ей и практическая актуальность, обусловленная необходимостью тщательного анализа предшествующих этапов законотворчества при разработке тех или иных норм права в Российской Федерации.

Цель настоящей публикации – исследовать лишение советских граждан избирательных прав как меру конституционно-правовой ответственности в СССР в период 1918–1936 гг. Наше внимание сконцентрировано на том, как конкретизировались положения Конституций РСФСР 1918 г. и 1925 г. о лишенцах в различных актах конституционного значения, иных нормативных правовых актах, принимавшихся органами власти на протяжении отмеченного исторического периода.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составил комплекс нормативно-правовых документов, принятых органами власти РСФСР и СССР в 1918–1936 гг., в которых излагались правовые основания для причисления тех или иных категорий населения к лишенцам и устанавливались связанные с данным статусом правовые и социальные ограничения. В первую очередь, речь идет о двух Конституциях РСФСР, принятых соответственно V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. и XII Всероссийским съездом Советов 11 мая 1925 г. Именно этими Основными законами были установлены правовые основания для лишения избирательных прав определенных категорий населения Советской республики. Не менее важны инструкции Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) о порядке выборов в городские и сельские советы, поскольку ими конкретизировались положения Основных законов о лишении тех или иных советских граждан избирательных прав. Нами был проанализирован и ряд других нормативных актов, которыми предусматривались дополнительные правовые ограничения для лишенцев: «Основные начала уголовного законодательства СССР» 1924 г.; «Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях», утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР 14 марта 1927 г.; «Общие начала землепользования и землеустройства», принятые ЦИК СССР

¹ *СУ РСФСР*. 1918;(51):582.

15 декабря 1928 г.; постановление Совнаркома СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г., и др.

Важными компонентами источниковой базы являются также исторические документы, как опубликованные, так и хранящиеся в архивах. В частности, в настоящей работе были использованы документы из таких архивных хранилищ, как Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО), Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Изученные нами материалы содержат информацию о настроениях лишенцев, их реакции на законодательно установленное ущемление в правах, их отношении к советскому политическому режиму. Анализ зафиксированных в источниках общественных настроений необходим для понимания мотивов тех изменений, которые наблюдались в 1920-х гг. в инструкциях ВЦИК о порядке проведения выборов в городские и сельские советы.

В концептуальном плане исследование опирается как на общенаучные, так и на специальные исторические и юридические методы, в числе которых следует отметить историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический). В частности, путем применения историко-генетического и историко-правового методов удалось проследить ведущие тенденции развития советского законодательства о лишенцах на фоне социально-политических и экономических трансформаций в Советской России в 1918–1936 гг. Сравнительно-исторический метод позволил выявить колебания внутривластного курса советского партийно-государственного руководства и обусловленные этими колебаниями изменения в содержании нормативных правовых актов, определявших основания для отнесения советских граждан к числу лишенцев.

Результаты исследования. Краеугольным камнем советского законодательства о лишенцах выступает Конституция РСФСР 1918 г. Принятая в условиях нарастающей Гражданской войны, участники которой вовсе не были намерены идти на компромисс и щадить друг друга, Конституция провозглашала основной задачей советской власти не только «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы», установление социалистической организации общества и «победы социализма во всех странах», но и беспощадное подавление эксплуататоров (раздел 1, гл. 2, ст. 3). Исходя из этого, в Основном законе указывалось, что в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами последним «не может быть места ни в одном из органов власти» (раздел 1, гл. 4, ст. 7). Поскольку городские и сельские советы трактовались Конституцией 1918 г. как «высшая в пределах данной территории власть» (раздел 3, гл. 11, ст. 60), эксплуататоры и другие враждебные делу социализма лица не допускались к электоральному процессу.

В разделе 4 Конституции РСФСР 1918 г., где излагались нормы активного и пассивного избирательного права, перечислялись (гл. 13, ст. 65) следующие категории лиц, не допускавшихся к выборам в советы и не могущих быть выбранными в эти органы власти: а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.); в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Если отстранение от выборных процедур лиц, означенных в пунктах «е» и «ж», являлось общепринятой практикой, то распространение этих ограничений на представителей «эксплуаторских классов», торговцев, священнослужителей, бывших полицейских и т. д. являлось новацией большевиков, нацеленной на ослабление оппозиции их режиму и укрепление советской власти. Как видим, лишенцы представляли собой «достаточно пеструю группу, в которую входили люди разного социального происхождения, возраста, рода прежней и настоящей деятельности» [17, с. 612]. Роднило лишенцев одно: к этой установленной Основным законом категории относились, прежде всего, не преступившие советский закон или недееспособные члены социума, а опасные для большевистского режима лица. Они привлекались к конституционно-правовой ответственности в виде лишения избирательных прав не из-за конкретных правонарушений, а в силу своего происхождения, социального и материального положения, фактов биографии, общественно-политических взглядов. Таким образом, в Конституции 1918 г. была законодательно закреплена дискриминация определенных групп населения, оправдываемая необходимостью и жесточечностью борьбы за построение социализма, а также «сакральной идеей» о превосходстве трудящихся (конкретно – пролетариата) над другими категориями раннесоветского общества [18, с. 158].

В связи с переходом к нэпу в 1921 г. давление большевиков на те группы населения, которые рассматривались ими как враждебные, несколько ослабло. Исследователи справедливо отмечают, что в 1920-х гг. новая власть «сквозь зубы», но терпела представителей досоветских имущих классов и других «бывших людей» [19, с. 138, 140], объективно полезных в рамках стратегии нэпа. Но это был именно временный компромисс, не

отменявший стратегического курса на построение социально однородного общества. Поэтому «социально чуждые» большевикам группы населения продолжали подвергаться дискриминации, в том числе путем недопущения к выборам. Советские праведы находили этому юридические обоснования. Так, видный конституционалист Г. Гурвич в своей статье «Избирательное право», опубликованной в 1926 г., отмечал, что таковое «не может быть и не бывает всеобщим и равным там, где нет всеобщего участия в производительном труде и равного распределения общественного богатства» [20, с. 33]. В изданной под редакцией П.И. Стучки в 1925-1926 гг. «Энциклопедии государства и права» указывалось, что советское избирательное право «предназначено для подавления буржуазии, для проведения пролетарской диктатуры» [21, стлб. 79]. Эти заявления ясно свидетельствовали о том, что, несмотря на определенную либерализацию внутренней политики компартии в период нэпа, обозначенный в Конституции 1918 г. курс на подавление оппозиционных или потенциально враждебных большевикам групп населения сохранялся и в 1920-х гг.

Неизменность политико-идеологических установок лидеров компартии привела к тому, что в новой Конституции РСФСР, принятой в 1925 г., по-прежнему перечислялись семь категорий лишенцев [17, с. 612], ранее обозначенных в Основном законе 1918 г. Конкретный перечень категорий лишенцев был изложен в раздел 4, гл. 6, ст. 69 Конституции 1925 г.² По сравнению с Конституцией 1918 г., в данном перечне содержались два уточнения: в число лишенцев были включены лица, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов, а также монахи и духовные служители религиозных культов всех исповеданий и толков, для которых это занятие являлось профессией. Статистические материалы 1920-х гг. неопровержимо свидетельствуют о том, что основная масса лишенцев была представлена лицами, которых большевистское руководство рассматривало как противников советской власти. Так, согласно итогам Всесоюзной переписи населения 1926 г., лишенцы составляли 1,63 % от общего количества избирателей в СССР, причем среди них преобладали частные торговцы (свыше 43 %), служители культа (более 15 %), живущие на нетрудовые доходы (до 14 %), бывшие царские офицеры и т. п. (9 %).

Хотя лишение избирательных прав как мера конституционно-правовой ответственности отторгаемых советской властью групп населения присутствовало в Конституциях РСФСР 1918 г. и 1925 г., оба этих документа содержали лишь общие положения о лишенцах. Это предоставляло лидерам компартии и партийным функционерам широкие возможности «для произвольного толкования признаков, влекущих за собой дискриминацию» лиц, подлежащих лишению избирательных прав [13, с. 30]. Опираясь на Основной закон, представители власти могли варьировать политику в отношении лишенцев в зависимости от той общественно-политической ситуации, которая складывалась в стране. Недомолвки законодательства оставляли партийно-советским чиновникам просторство и для злоупотреблений властью, для сведения личных счетов, для коррупционного обогащения.

В годы Гражданской войны четкие правила, согласно которым те или иные жители страны причислялись к лишенцам, еще только формировались. Исследователи справедливо отмечают, что в это время «порядок выборов определялся самими советами», а «избирательный процесс был достаточно простым» [17, с. 605]. Советские руководители, контролировавшие выборы, стремились не допускать в местные органы власти всех, кого можно было причислить к «эксплуаторам» и «нетрудовому населению». Существенное влияние на электоральный процесс оказывали и конкретные социально-политические условия на местах, степень влияния представителей компартии, соотношение конкурировавших групп населения и пр. Так, деревенские кулаки, которые согласно Конституции должны были лишаться избирательных прав как эксплуатировавшие чужой труд, в ряде случаев не только избирались местными жителями в состав советов, но и становились их председателями [17, с. 605]. Игнорировать закон кулакам позволяло их богатство и влияние на односельчан, которые часто находились в долговой зависимости от них. Кроме того, далеко не все представители деревенской бедноты были готовы исполнять обязанности членов советов, так как из-за этого они не могли должным образом работать в собственном хозяйстве. Представители же зажиточно-кулацких слоев деревни обладали достаточной экономической устойчивостью, чтобы уделять время административной работе. Наконец, сказывалось и распространенное среди крестьян уважительное отношение к деревенской верхушке как к «крепким хозяевам»: сельские жители полагали, что если тот или иной состоятельный односельчанин может умело вести собственное хозяйство, то и в сфере общественного самоуправления он достигнет успеха.

В 1920-х гг. положения Основного закона о лишенцах конкретизировались инструкциями ВЦИК о порядке проведения выборов в городские и сельские советы. Согласно этим нормативным правовым актам, задачи учета избирателей в городах возлагались на профсоюзные комитеты предприятий и домоуправления, а в сельской местности – на волостные исполкомы (волисполкомы) и сельсоветы. Эти же органы составляли «постоянные списки»

² *СУ РСФСР*. 1925;(30):218.

лиц, лишенных избирательных прав [22, с. 108]. Затем списки избирателей и лишенцев передавались на утверждение низовых избирательных комиссий. Помимо прочего, избирательные комиссии должны были следить за «соблюдением установленных законом правил и норм выборов» (что формулировалось, в частности, в постановлении Президиума ЦИК СССР «Об инструкции о перевыборах в советы» от 16 января 1925 г.)³.

За 20 дней до выборов списки лишенцев полагалось разместить на видном месте: как правило, в помещении домоуправления, здании сельсовета или рядом с ним [17, с. 612-613]. Обнародование списков лиц, лишенных избирательных прав, преследовало не только ознакомительные, но и назидательно-воспитательные цели. По этому поводу работники совета станицы Березанской Кубано-Черноморской области указывали в 1923 г., что вывешенные на всеобщее обозрение списки «не имеющих права голоса» помогут местным жителям понять, за что некоторые станичники лишены избирательных прав [23]. Другими словами, видя в списках лишенцев местных кулаков, торговцев, бывших офицеров, население понимало как мотивы отстранения их от выборов, так и суть классово-политической политики советской власти.

В зависимости от политических установок лидеров компартии и от текущей общественно-политической ситуации в стране, инструкции либо ужесточали, либо, напротив, смягчали принципы и порядок лишения избирательных прав. Соответственно, численность и удельный вес лишенцев неоднократно менялись на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг., о чем свидетельствуют данные, приведенные в таблице 1 [24, стлб. 200].

Таблица 1

Удельный вес лиц, лишенных избирательных прав в СССР в 1923–1934 гг.
(в процентах к общему количеству избирателей)

	1923 г.	1924 г.	1927 г.	1929 г.	1931 г.	1934 г.
В городах	8,2	5,0	7,7	8,5	4,9	2,4
В сельской местности	1,4	0,74	3,5	4,1	3,7	2,6

Как видим, пиковых значений численность лишенцев достигала в начале и в конце 1920-х гг., что было обусловлено крайней остротой внутривластной обстановки в стране. В начале 1920-х гг., на завершающем этапе Гражданской войны, партийно-советское руководство было заинтересовано в максимально жестком контроле над электоральными процессами, дабы не пропустить в местные органы власти своих многочисленных противников. Весьма показательна избирательная кампания в Майкопском отделе Кубано-Черноморской области, проходившая в конце 1920 г. Без учета жителей г. Майкоп, в отделе насчитывалось до 350 тыс. избирателей, из которых лишенцами были объявлены 110 тыс. человек, то есть 31 % [25].

Когда же в середине 1920-х гг. партийно-государственное руководство инициировало политику «лицом к деревне», направленную на расширение просоветских настроений среди крестьян, ВЦИК продемонстрировал весьма либеральный подход к проведению выборов. Так, согласно постановлению Президиума ЦИК СССР «О применении инструкции о перевыборах в советы» от 6 апреля 1925 г., не могли быть лишены избирательных прав кустари, имевшие подсобные предприятия (мельницу, просорушку, маслобойку и т. п.), а также служители при храмах и домах культа, псаломщики, канторы, муэдзины, если для таковых служба в религиозных учреждениях не являлась основной профессией.

В соответствии с инструкцией ВЦИК о выборах в советы от 16 января 1925 г., избирательных прав не лишались те жители деревни, которые применяли в своих хозяйствах наемный труд, если они использовали его в порядке, устанавливаемом соответствующими статьями земельных кодексов союзных республик. Данная рекомендация, как видим, вступала в противоречие с положениями Основного закона, согласно которым лица, эксплуатировавшие чужой труд, безоговорочно относились к лишенцам. По вышеизложенным причинам в середине 1920-х гг. удельный вес лишенцев был наименьшим за все время существования данной категории. В частности, по данным Уральской областной избирательной комиссии, в 1925-1926 гг. численность лишенцев в области снизилась «примерно на 45–50 %» [20, с. 32].

Однако кампания «лицом к деревне» имела неожиданные для правившего в СССР режима результаты, выразившиеся в некотором укреплении антибольшевистски настроенных групп сельского населения, в том числе среди казаков. Поэтому на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 15 марта 1926 г. И.В. Сталин критически оценил избирательную инструкцию ВЦИК, уменьшившую, в сравнении с Основным законом, круг лишенцев, и потребовал ее пересмотреть [26, с. 46]. Осенью того же года Президиум ВЦИК РСФСР и ЦИК СССР утвердили новые правила выборов в советы, согласно которым перечень лиц, подлежащих лишению избирательных прав, вновь был

³ *СЗ СССР*. 1925;(6):55.

расширен. В итоге в 1927 г. численность лишенцев увеличилась в сравнении с 1925–1926 гг. с 4,5 % до 7,7 % в городах и с 1,1 % до 3,5 % в деревне [27, с. 226].

В конце 1920-х гг., в условиях хлебозаготовительного кризиса, перехода руководства компартии к политике «чрезвычайщины» и роста оппозиционных настроений в обществе как реакции на эту политику, последовало очередное ужесточение правил, и перечень категорий лишенцев был существенно расширен за счет включения в него «бывших белых офицеров, военных чиновников белых армий, руководителей контрреволюционных банд», «административно-ссылных» граждан, «членов семей лиц, лишенных избирательных прав» [18, с. 157]. Одновременно правительство расширило перечень признаков кулацких хозяйств (постановление СНК СССР «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» от 21 мая 1929 г.). Помимо систематического использования наемного труда и занятия торговлей, ростовщичеством, коммерческим посредничеством, признаками кулацких хозяйств теперь считались наличие механического двигателя и промышленных предприятий (мельниц, маслобоек, крупорушек и пр.) и сдача внаем сложной сельхозтехники⁴. Поскольку причисление к кулачеству влекло за собой лишение избирательных прав, у кубанских хлеборобов были все основания для жалоб на то, что теперь они за использование в хозяйстве молотилки как сложного сельхозинвентаря «должны быть лишены избирательных прав» [28].

Вследствие ужесточения правительственного подхода к проведению выборов в советы, численность лишенцев в СССР к исходу 1920-х гг. существенно выросла. Если в 1926 г. в стране было немногим более 1 млн лиц, лишенных избирательных прав, то к исходу десятилетия их насчитывалось уже свыше 3,7 млн [29]. Развертывание форсированной модернизации на рубеже 1920–1930 гг. также способствовало росту категории лишенцев. Некоторые исследователи полагают, что даже к концу 1920-х гг. численность лишенцев «была уж слишком мала» [5, с. 132], как и их удельный вес в массе полноправных советских граждан. Данные таблицы свидетельствуют об обратном – в 1929 г. имел место самый высокий процент за все годы, при этом речь идет об экономически и политически активных жителях страны. Лишение избирательных прав не только отстраняло их от выборов в органы местного самоуправления, но и затрудняло участие в общественной жизни и в целом сильнее всего образом осложняло существование.

Здесь следует подчеркнуть, что статус лишенца приносил массу неприятностей как лицу этот статус получившему, так и членам его семьи. Помимо возможности избирать и быть избранным в органы власти, лишенец не имел «серьезных перспектив в продвижении по социальной лестнице» [30, с. 25]. Он не мог надеяться занять какой-либо ответственный пост или получить престижную работу, стать членом профсоюза, кооператива, колхоза, практически не имел шансов поступить в вуз, подвергался повышенному налогообложению или, если являлся кулаком, должен был выполнять «твердые задания», т. е. облагался очень высокими налогами и поставками сельхозпродуктов. Лишенцев не брали в Красную Армию и направляли «либо в штрафную роту, либо в тыловое ополчение» [31, с. 491]. Такие же ограничения распространялись и на членов семьи лишенца. Кроме того, лица, лишенные избирательных прав, не могли претендовать на получение «заборной книжки», которая являлась «основным документом на получение продуктов питания после введения в конце 1928 г. карточной системы» [30, с. 25].

В конце 1920-х гг. сельские жители, причисленные к лишенцам, утратили права на пользование землей. В декабре 1928 г. постановлением ЦИК СССР были утверждены «Общие начала землепользования и землеустройства», содержание которых во многом совпадало с Земельным кодексом 1922 г., но имело и отличия. Одним из наиболее существенных новшеств «Общих начал» стали ограничения, предусмотренные для лишенцев и «социально чуждых» элементов деревни. Если в Земельном кодексе 1922 г. право на землю предоставлялось каждому, кто желал обрабатывать ее своим трудом, то «Общие начала» запрещали наделять земельными участками бывших помещиков и служителей культа. В отношении лишенцев указывалось, что они могут претендовать на пользование землей в последнюю очередь.

В конце 1920-х гг. лишение избирательных прав стало одной из основных негативных тенденций социальной повседневности советских людей. Даже будучи взятыми по отдельности, вышеуказанные последствия получения статуса лишенца обещали его носителю серьезные жизненные затруднения. Если же лишенец подвергался сразу нескольким ограничениям (а подобное было не редкостью), это буквально «ставило его на грань выживания» [13, с. 31]. Это стимулировало лишенцев активно бороться за исключение из данной категории населения. Закон предоставлял лицам, лишенным избирательных прав, возможность вернуть себе статус полноправного гражданина. Лица, лишенные избирательного права в текущую избирательную кампанию, могли обжаловать это постановление в недельный срок со дня опубликования или вывешивания списка. Для этого им следовало обратиться в ту избирательную комиссию, которая составляла список. Получив жалобу, комиссия обязана была в течение

⁴ Данилов В.П., Ивницкий Н.А. (ред.) *Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и ходе коллективизации 1927–1932 гг.* Москва; 1989. С. 221–222.

24 часов переслать ее со всеми заключениями в вышестоящую избирательную комиссию. Последней кассационной инстанцией являлся Президиум ЦИК соответствующей союзной республики. По итогам разбирательства гражданин, подавший в соответствующие инстанции апелляцию, мог быть восстановлен в избирательных правах.

Так, в январе 1926 г. избирательная комиссия Таганрогского округа Северо-Кавказского края сообщала гражданину В.П. Рыжову о том, что поданное им в комиссию заявление было рассмотрено, и он восстановлен в избирательных правах. Основанием для причисления Рыжова к лишенцам стало то, что он использовал в своем хозяйстве «одного сезонного рабочего». Комиссия, вникнув в суть дела, установила, что «в настоящее время» Рыжов «наемным трудом не пользуется», в связи с чем и вернула его в ряды полноправных граждан СССР [32]. Впрочем, благоприятный для Рыжова исход дела объяснялся тем, что в это время проводилась политика «лицом к деревне», в рамках которой, как уже отмечалось, советские лидеры стремились привлечь к себе симпатии крестьянства и инициировали либерализацию нормативных документов о проведении выборов в советы. На протяжении последующих лет восстановление в избирательных правах лиц, применявших в своих хозяйствах наемный труд (даже если на момент рассмотрения дела таковой уже не применялся), было практически невозможно. Да и в целом на исходе 1920-х гг. основная масса прошений лишенцев отклонялась представителями власти. Так, согласно материалам Уральской областной избирательной комиссии, из 2 038 ходатайств лишенцев, полученных ею в 1927 г., было удовлетворено лишь 119 (5,8 %) [32, с. 35].

Вместе с тем резкий рост административного произвола и насилия в условиях «великого перелома» на рубеже 1920-х – 1930-х гг., одним из проявлений которого стало массовое лишение избирательных прав горожан и сельских жителей, вынудил большевистских лидеров и лично Сталина вмешаться, чтобы успокоить возмущенное население. 14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», основанное на знаменитой статье Сталина «Головокружение от успехов». Центральный Комитет компартии требовал от нижестоящих партийных функционеров «проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедленно исправить допущенные в этой области ошибки в отношении середняков, бывших красных партизан и членов семейств, сельских учителей и учительниц, красноармейцев и краснофлотцев (рядовых и командных)»⁵.

Масштабное раскулачивание и повсеместные репрессивные акции в отношении действительных и мнимых противников сталинского режима, проводившиеся в первой половине 1930-х гг., закономерно привели к резкому снижению численности оппозиционно настроенных к советской власти групп населения – кулаков, торговцев, священнослужителей, бывших царских чиновников, офицеров, жандармов. Тем самым исчезла и необходимость лишения представителей этих групп населения избирательных прав. Поэтому при разработке в 1936 г. новой Конституции СССР Сталин высказался за отказ от этой дискриминационной меры, хотя в этом его не поддерживала часть общества. В ходе всенародного обсуждения проекта новой Конституции, шедшего с июня по ноябрь 1936 г., радикально настроенные члены компартии и просоветские активисты предлагали внести в ст. 135 Конституции («выборы депутатов являются всеобщими; все граждане СССР, которым в год выборов исполняется 18 лет, имеют право участвовать в выборах...») поправку о лишении избирательных прав «социально чуждых» лиц. Выступая на Чрезвычайном VIII Съезде Советов 25 ноября 1936 г. с докладом «О проекте Конституции Союза ССР», Сталин заявил, что поправка, предлагающая «лишить избирательных прав служителей культа, бывших белогвардейцев, всех бывших людей... или же, во всяком случае, – ограничить [их] избирательные права... должна быть отвергнута. Советская власть лишила избирательных прав нетрудовые и эксплуататорские классы не на веки вечные, а временно, до известного периода. Было время, когда эти элементы вели открытую войну против народа и противодействовали советским законам. Советский закон о лишении их избирательного права был ответом Советской власти на это противодействие. С тех пор прошло немало времени. За истекший период мы добились того, что эксплуататорские классы уничтожены, а Советская власть превратилась в непобедимую силу. Не пришло ли время пересмотреть этот закон? Я думаю, что пришло время» [33, с. 531–532].

Поэтому в Конституции 1936 г. такая дискриминационная мера, как лишение избирательных прав, уже не фигурировала, и все граждане получили равные избирательные права. Президиум ЦИК СССР своим постановлением от 14 марта 1937 г. «О восстановлении в избирательных правах граждан СССР, лишенных этих прав по мотивам социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности» предписал искоренить социально неполноправную группу лишенцев, о которых больше не упоминалось в Конституции⁶. Тем самым в 1936–1937 гг. лишенцы, как социально и политически неполноправная категория советского общества, прекратили свое исторически недолгое существование.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1953. Изд. 7-е. Ч. II. 1925-1953. Москва; 1953. С. 550–551.

⁶ СЗ СССР. Отдел 1. 1937;(220):75.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования можно правомерно характеризовать лишение избирательных прав, предусмотренное Конституцией РСФСР 1918 г. в отношении отдельных групп населения, расценивавшихся большевистским режимом как оппозиционные и «социально чуждые», как меру конституционно-правовой ответственности в раннесоветском обществе. Будучи установлена Основным законом РСФСР в редакциях 1918 г. и 1925 г., данная мера конкретизировалась различными нормативными правовыми актами правительственных органов, в первую очередь – инструкциями о порядке выборов в городские и сельские советы. Суровость применявшихся к лишенцам санкций существенно варьировалась на протяжении 1920-х – первой половины 1930-х гг. в зависимости от колебаний внутривнутриполитического курса партийно-государственного руководства. В конечном итоге целенаправленное государственное давление на лишенцев, предельно ужесточившееся в условиях «великого перелома» на рубеже 1920-х – 1930-х гг., привело к резкому снижению численности и значимости этой неполноправной группы советского общества. Данное обстоятельство позволило законодателю отказаться от лишения избирательных прав как меры конституционно-правовой ответственности и уже не упоминать о ней в Конституции 1936 г.

Список литературы / References

1. Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. В: *Звенья. Исторический альманах. Вып.2.* Москва; Санкт-Петербург: Феникс: Atheneum; 1992. С. 600–628.
Dobkin AI. Disenfranchised 1918–1936. In: *Zvenya (Links). Historical Almanac. Issue 2.* Moscow; St. Petersburg: Feniks: Atheneum; 1992. P. 600–628. (In Russ.)
2. Саламатова М.С. *Лишение избирательных прав как форма социально-политической дискриминации в середине 1920-х – 1936 гг.: на материалах Западной Сибири.* Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск; 2002. 24 с.
Salamatova MS. *Disenfranchisement as a Form of Socio-Political Discrimination in the Mid-1920s – 1936: Based on Western Siberiam Materials.* Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Novosibirsk; 2002. 24 p. (In Russ.)
3. Саламатова М.С. *Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы).* Изд. 2-е. Новосибирск: Сова; 2007. С. 19–99.
Salamatova MS. *Marginals in Society. Marginals as a Society. Siberia (1920–1930s).* 2nd ed. Novosibirsk: Sova; 2007. P. 19–99. (In Russ.)
4. Куренкова Ю.О. Лишение избирательных прав как метод давления на крестьян. *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета.* 2004;4:88–95.
Kurenkova YuO. Disenfranchisement as a Method of Putting Pressure on Peasants. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University.* 2004;4:88–95. (In Russ.)
5. Климук Я.А. Лишение крестьян избирательных прав как метод политики «раскулачивания» (на материалах ЦХАФ АК). *Известия Алтайского государственного университета.* 2007;(4–1(56)):131–135.
Klimuk YaA. Deprivation of the Peasants of the Suffrages as a Method of Policy “Raskulachivanie”. *Izvestiya of Altai State University.* 2007;(4–1(56)):131–135. (In Russ.)
6. Карпычева Е.В. *Лишение избирательных прав за занятие частной торговлей по Тверскому региону: историко-ведческое исследование (1918–1936 годы).* Автореф. дис. канд. ист. наук. Москва; 2009. 24 с.
Karpucheva EV. *Disenfranchisement for Engagement in Private Trade in the Tver Region: A Source-based Study (1918–1936):* Extended Abstract of Cand.Sci. (History) Dissertation. Moscow; 2009. 24 p. (In Russ.)
7. Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. *Вестник Томского государственного университета.* 2016;(403):82–86.
Moskalenskaya DN. Disfranchisement and Restoration of Voting Rights of Orthodox Clergymen in Western Siberia in the Mid-1920s — Mid-1930s. *Tomsk State University Journal.* 2016;(403):82–86. (In Russ.)
8. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. *Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы.* Москва: Мосгосархив; 1998. 256 с.
Tikhonov VI, Tyazhelnikova VS, Yushin IF. *Disenfranchisement in Moscow in the 1920s–1930s.* Moscow: Mosgosarchiv; 1998. 256 p. (In Russ.)
9. Морозова Н.М. *Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.* Автореф. дис. канд. ист. наук. Саранск; 2005. 19 с.
Morozova NM. *Disenfranchisement in Mordovia in 1918–1936:* Extended Abstract of Cand. Sci. (History) Dissertation. Saransk; 2005. 19 p. (In Russ.)
10. Валуев Д.В. *Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области).* Смоленск: Маджента; 2012. 155 с.

Valuev DV. *Disenfranchised Persons in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Smolensk Province and Western Region Materials)*. Smolensk: Madzhenta; 2012. 155 p. (In Russ.)

11. Рупасов А.И. Лишенные избирательных прав в Ленинграде в 1920-е годы. *Петербургский исторический журнал*. 2019;2(22):282–295.

Rupasov AI. Deprived of Electoral Rights in Leningrad in the 1920s. *Petersburg Historical Journal*. 2019;2(22):282–295. (In Russ.)

12. Кожаева А.А. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 гг. (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири). *Исторический курьер*. 2021;4(18):27–37.

Kozhaeva AA. Escape to the Cities as a Tactic of the Struggle of the “Deprived” for the Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on the Materials of the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia). *Historical Courier*. 2021;4(18):27–37. (In Russ.)

13. Кожаева А.А. Речевые практики подражания официальному советскому дискурсу в письмах «лишенцев» во власть (1918–1936 годы) (на материалах Западной Сибири). *Исторический курьер*. 2022;6(26):29–38.

Kozhaeva AA. Speech Practices of Imitation of the Official Soviet Discourse in the Petitions of the Deprived to Power (1918–1936) (Based on the Materials of Western Siberia). *Historical Courier*. 2022;6(26):29–38. (In Russ.)

14. Туманов Д.Ю. «Лишенцы» как социально-правовая категория советских граждан. *Евразийский юридический журнал*. 2012;4(47):86–89.

Tumanov DYU. “Powerlesses” as the Social and Legal Category of the Soviet Citizens. *Eurasian Law Journal*. 2012;4(47):86–89. (In Russ.)

15. Белоновский В.Н., Кальгина А.А. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы Советской власти. *Образование. Наука. Научные кадры*. 2014;3(3):15–19.

Belonovsky VN, Kalgina AA. The Legal Status of Disenfranchised Persons and the Degree of Their Threat of the Soviet Regime. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry (Education. Science. Scientific Personnel)*. 2014;3(3):15–19. (In Russ.)

16. Берлявский Л.Г., Бондарев В.А. Категория «лишенец» в советском избирательном праве. *Избирательное законодательство и практика*. 2019;2(2):37–40.

Berlyavsky LG, Bondarev VA. The “Non-Voter” Category in the Soviet Electoral Law. *Electoral Legislation and Practice*. 2019;2(2):37–40. (In Russ.)

17. Веденеев Ю.А., Богодарова Н.А. (ред.) *Очерки по истории выборов и избирательного права*. Калуга: Калужский обл. фонд возрождения историко-культурных и духовных традиций «Символ»; 2002. 692 с.

Vedeneev YuA, Bogodarova NA (Eds). *Essays on the History of Elections and Electoral Law*. Kaluga: Kaluga Regional Foundation for the Revival of Historical, Cultural and Spiritual Traditions “Symbol”; 2002. 692 p. (In Russ.)

18. Кожаева А.А. Социально-правовая дискриминация в восприятии «лишенцев» Новосибирска (1925–1936 годы). *Исторический курьер*. 2024;1(33):155–165.

Kozhaeva AA. Social and Legal Discrimination in the Perception of Persons Deprived of Voting Rights in Novosibirsk (1925–1936). *Historical Courier*. 2024;1(33):155–165. (In Russ.)

19. Смирнова Т.М. *«Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы*. Москва: Издательский дом «Мир истории»; 2003. 296 с.

Smirnova TM. “Former People” of Soviet Russia. *Survival Strategies and Paths of Integration. 1917–1936*. Moscow: “Mir istorii” Publishing House; 2003. 296 p. (In Russ.)

20. Славко Т.И. (отв. ред.) *Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Сборник документов*. Екатеринбург: УрГУ; 1996. 256 с.

Slavko TI (Ed.). *Social Portrait of a Disenfranchised Person (Based on Materials from the Urals). Collection of Documents*. Ekaterinburg: Ural State University; 1996. 256 p. (In Russ.)

21. Стучка П. (ред.) *Энциклопедия государства и права. Т.2, вып.3: [И-Л]. 1925–1926*. Коммунистическая академия, Секция общей теории государства и права. Москва: Изд-во Коммунистической академии; 1925–1927. 800 стб.

Stuchka P (Ed.). *Encyclopedia of State and Law. Vol. 2. Issue 3: [I-L]. 1925–1926*. Communist Academy, Section of General Theory of State and Law. Moscow: Publishing House of the Communist Academy; 1925–1927. 800 columns. (In Russ.)

22. Стучка П.И. *Учение о Советском государстве и его Конституции СССР и РСФСР*. Москва: Гос. изд-во; Ленинград: Печатный двор; 1931. 288 с.

Stuchka PI. *The Doctrine on the Soviet State and Its Constitutions of the USSR and the RSFSR*. Moscow: State Publishing House; Leningrad: Pechatny Dvor; 1931. 288 p. (In Russ.)

23. ЦДНИ КК, ф. 1771, оп. 1, д. 318, л. 22.

Center for Documentation of Contemporary History of the Krasnodar Region (ЦДНИКК/TsDNI KK). Archive Fund No 1771. Inventory No 1. File No 318. P. 22. (In Russ.)

24. Жуков Е.М. (гл. ред.) *Советская историческая энциклопедия*. В 13 т. Т.13. Москва: Советская энциклопедия, 1961–1976; 1971. 1022 стлб.

Zhukov EM (Ed.). *Soviet Historical Encyclopedia. in 13 Volumes. Vol. 13*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1961–1976; 1971. 1022 columns. (In Russ.)

25. ГАКК, ф. Р-102, оп. 1, д. 29, л. 34.

State Archive of the Krasnodar Territory (ГА КК/SA КТ). Archive Fund No P-102. Inventory No 1. File No 29. P. 34. (In Russ.)

26. Голанд Ю. *Кризисы, разрушившие нэп*. Москва: МНИИПУ; 1991. 94 с.

Goland Yu. *Crises that Destroyed the NEP*. Moscow: MNIIPU; 1991. 94 p. (In Russ.)

27. Гимпельсон Е.Г. *НЭП и советская политическая система. 20-е годы*. Москва: Ин-т Рос. истории РАН; 2000. 437 с.

Gimpelson EG. *NEP and the Soviet Political System. The 1920s*. Moscow: Institute of Russian History, RAS; 2000. 437 p. (In Russ.)

28. РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 63, л. 11.

Russian State Archive of Socio-Political History (РГА СПИ /RSA SPH). Archive Fund No 17. Inventory No 85. File No 63. P. 11. (In Russ.)

29. Красильников С.А. *На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов)*. Новосибирск: НГУ; 1998. 82 с.

Krasilnikov SA. *At the Turning Point of Social System Changes: Marginals in Post-Revolutionary Russian Society (1917 – Late 1930s)*. Novosibirsk: NSU; 1998. 82 p. (In Russ.)

30. Тихонов В.И., Тяжелникова В.С., Юшин И.Ф. *Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е годы новые архивные материалы и методы обработки*. Москва: Мосгорархив; 1998. 253 с.

Tikhonov VI, Tyazhelnikova VS, Yushin IF. *Disenfranchisement in Moscow in 1920-1930s: New Archival Materials and Processing Methods*. Moscow: Mosgorarkhiv; 1998. 253 p. (In Russ.)

31. Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных. *Журнал исследований социальной политики*. 2007;5(4):483–496.

Fedorova NA. Disenfranchised of the 1920s: The Soviet Class of Outcasts. *The Journal of Social Policy Studies*. 2007;5(4):483–496. (In Russ.)

32. ТФГАРО, ф. р-10, оп.1, д. 205, л. 25.

Taganrog Branch of the State Archive of the Rostov Region (ТФ ГАРО/ТВ SARR). Archive Fund No p-10. Inventory No 1. File No 205. P. 25. (In Russ.)

33. Сталин И.В. Доклад «О проекте Конституции Союза ССР» на VIII Чрезвычайном Съезде Советов. 25 ноября 1936 г. В: Сталин И.В. *Вопросы ленинизма. Изд. 11-е*. Москва: Госполитиздат; 1945. С. 545–573.

Stalin IV. Report “On the Draft Constitution of the USSR” at the VIII Extraordinary Congress of Soviets. November 25, 1936. In: Stalin IV. *Issues of Leninism. 11th edition*. Moscow: Gospolitizdat; 1945. P. 545–573. (In Russ.)

Об авторах:

Леонид Гарриевич Берлявский, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69), [SPIN-код](#), [ORCID](#), berlg@yandex.ru

Виталий Александрович Бондарев, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и культурология» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Заявленный вклад авторов:

Л.Г. Берлявский: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

В.А. Бондарев: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Leonid G. Berlyavskiy, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Constitutional and Municipal Law Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (69, BolshayaSadovaya Str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), berlg@yandex.ru

Vitaliy A. Bondarev, Dr.Sci. (History), Professor of the History and Cultural Studies Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), vitaliji-bondarev27@rambler.ru

Claimed Contributorship:

LG Berlyavskiy: formulating the main concept, research methodology, setting research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

VA Bondarev: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 03.04.2026

Принята к публикации / Accepted 10.04.2026

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 340.12

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-34-39>

Организационная парадигма правового реализма в рамках прогрессивных подходов систематизации правовых ценностей

EDN: UUFDJL

А.Б. Шумилина , Н.А. Анциферова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 nashum82@mail.ru

Аннотация

Введение. В повестке современных научных исследований теория и практика правового реализма сталкиваются с критикой, акцентуализирующей недостатки данного течения: несистематичность и противоречивость положений, аналитическую наивность, отсутствие организованной методологии и т. д., – что вызывает сомнения в объективности научно-исследовательской парадигмы, способствующей развитию правовой теории и практики с точки зрения эпистемологической, социюридической и культурологической перспектив. Актуальность данной проблемы обосновывает цель исследования – проведение систематизирующего анализа возможностей организации и обновления парадигмальных принципов правового реализма, направленного на укрепление междисциплинарного взаимодействия юридической практики с социально-политическим окружением.

Материалы и методы. Проведен компаративный анализ различных вариантов правового реализма. Парадигмальный подход позволил раскрыть методологические установки, динамику развития правового реализма и обнаружить непроработанные области. Принцип моделирования помог реконструировать правовой инструментарий в рамках познания социополитических правовых реалий.

Результаты исследования. Доказано, что классический правовой реализм и его современные ответвления обладают рядом проблемных аспектов, преодоление которых позволит модернизировать философско-правовую теорию и практику. Наиболее эффективным решением в процессе правового реформирования является интеграция принципов классического и нового правового реализма в единую организационную парадигму, включающую в себя методы цифровой социологии, правовой психологии и политической идеологии, отвечающей требованиям современного российского общества.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтвердили практическую эффективность, функциональность и консеквенциализм реформаторской деятельности правового реализма. Для дальнейших исследований перспективной представляется разработка эмпирической программы научно-исследовательского содержания, координирующей деятельность юристов, социологов и политиков, с учетом использования актуальных цифровых технологий.

Ключевые слова: правовой реализм, организационная парадигма, правовые ценности, система права, междисциплинарный подход, цифровая социология

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Шумилина А.Б., Анциферова Н.А. Организационная парадигма правового реализма в рамках прогрессивных подходов систематизации правовых ценностей. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(2):34–39. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-34-39>

Organizational Paradigm of Legal Realism in the Context of Advanced Approaches to Systematization of Legal Values

Anastasia B. Shumilina , Natalia A. Antsiferova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ nashum82@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of contemporary scientific research, the theory and practice of legal realism encounter criticism, which focuses on the shortcomings of this approach: non-systemic and inconsistent provisions, analytics naivety, lack of well-structured methodology, etc. This causes doubts in the objectivity of this research paradigm that contributes to the development of legal theory and practice from epistemological, socio legal, and cultural perspectives. The relevance of the problem justifies the aim of the present study, i.e. conducting a system analysis of the possibilities to organise and update the paradigm principles of legal realism striving to strengthen the interdisciplinary interaction of legal practices and socio-political environment.

Materials and Methods. A comparative analysis of different variants of legal realism was performed. A paradigm approach made it possible to reveal the methodological principles and dynamics of legal realism development, and identify the poorly studied areas. By means of modeling, it was possible to reconstruct the legal tools used for understanding the socio-political legal realities.

Results. It has been proved that classical legal realism and its modern branches have a number of disputable aspects, that should be overcome to enable modernization of philosophical and legal content of theory and practice. During legal reforms, the most efficient solution is the integration of the classical and modern legal realism principles into a single organizational paradigm that incorporates the methods of digital sociology, legal psychology, and political ideology and meets the requirements of contemporary Russian society.

Discussion and Conclusion. The obtained results have confirmed the practical efficiency, functionality, and consequentialism of the efforts for legal realism modernization. The development of an empirical research program that would coordinate the work of lawyers, sociologists, and politicians using the current digital technologies, could be promising for further research.

Keywords: legal realism, organizational paradigm, legal values, system of law, interdisciplinary approach, digital sociology

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Shumilina AB, Antsiferova NA. Organizational Paradigm of Legal Realism in the Context of Advanced Approaches to Systematization of Legal Values. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):34–39. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-34-39>

Введение. Интегрированное понятие правового реализма основывается на интерпретации источников права в их генерализованном виде с акцентом на эмпирическую составляющую правовой практики, в частности, процессуальной деятельности, с учетом социальной специфики и индивидуальности нормативных систем субъектов права. Сторонники правового реализма, среди которых Е.Н. Тонков и Д.Е. Тонков, отмечают «беспрецедентную значимость данного течения в юриспруденции России и Восточной Европы» [1, с. 1]. Развивая идеи психологической теории права Л.И. Петражицкого и его последователя Б.П. Вышеславцева [2], правовой реализм анализирует исторические закономерности нормативной системы, особенности законодательной, исполнительной и судебной деятельности в рамках социокультурных установок конкретного сообщества.

Главным достижением реалистов является актуализация роли профессиональных субъектов права, уточнение реалий правоприменения в дискурсе интерпретационного скептицизма, определение значимости социально-психологических факторов, а также преумножение роли теоретических абстракций и метафизики в праве [1]. Правовой реализм в качестве антитезы правовому формализму выступает против жесткости правовых норм, обеспечение гибкости которых является важным этапом на пути к совершенствованию процесса принятия юридических решений и судопроизводства [3]. В рамках организационной парадигмы обозначенного течения отмечается стремление его сторонников к разработке «нового курса» правовой политики [4, с. 29]: проведение законодательных реформ, принятие обновленных нормативных актов и институциональных функций, продвижение политики администрирования и т. д. [4].

Однако несмотря на видимые преимущества теории и практики правового реализма, критические доводы имеют значимые основания для его неправомерности: 1) несистематичность теории (построенность на отдельных наблюдениях и субъективном правопонимании) [4]; 2) аналитическая наивность (первостепенность роли коммуникативных и мыслительных функций правовых субъектов в качестве проявлений действительного права [5]; 3) контаминация явлений политики, права и социокультурных процессов, что приводит к путанице и противоречиям; 4) отсутствие организованной инструментальной системы, определяющей методологию правового реализма и эффективность его применения. Все это ставит под сомнение ценность и обоснованность правового реализма, подтверждая актуальность данной проблемы.

Таким образом, мы приходим к главному вопросу: можно ли рассматривать правовой реализм как объективную научно-исследовательскую парадигму, способствующую развитию правовой теории и практики с точки зрения эпистемологической, социюридической и культурологической перспектив? В этом контексте целью исследования является проведение систематизирующего анализа возможностей организации и обновления парадигмальных принципов правового реализма, направленного на укрепление междисциплинарного взаимодействия юридической практики с социально-политическим окружением.

Материалы и методы. Методологическая составляющая исследования представлена главным образом через компаративный принцип, обуславливающий различия американского, европейского, скандинавского, русского и иных вариантов правового реализма в качестве идеолого-эмпирического измерения понятий справедливости, правовой ценности и социальной изменчивости с целью выявления наиболее генерализованного видения парадигмы правового реализма. Систематизация и структуризация противоречивых подходов к утверждению правового реализма, активно развивающихся с середины прошлого столетия, подразумевает обнаружение компромисса между либеральными, волонтаристскими, психологическими, социокультурными и неореалистическими принципами укрепления нормативного порядка и развития процессуального права.

Парадигмальный подход позволил изучить методологические установки правового реализма, выявить динамику его развития, обнаружить непроработанные области, а также представить обновленные методы правового регулирования в определенной социальной, политической и экономической среде.

Принцип моделирования направлен на переосмысление и реконструкцию инструментов правовой практики в рамках познания отечественных правовых реалий с обоснованием наиболее эффективных принципов реализации реалистической юриспруденции.

Результаты исследования. Становление исследовательского курса правового реализма основывается на результатах компаративного анализа, следствием которого является выявление общих категорий мышления разных реалистических принципов. Изучение и систематизация релевантных научных изысканий, включая работы Дж. Франка, К. Левеллина, Ф. Коэна, М. Мартина, Т.Дж. Майлса, К.Р. Санстейна [4], позволяет обнаружить несколько таких категорий:

1. Роль личностных и бихевиористических характеристик судей – профессиональный и жизненный опыт судьи, его мировоззренческие, социокультурные и ценностные убеждения, предпочтения и предубеждения неосознанно формируют субъективность оценивания и вынесения решений [6].

2. Скептицизм в отношении формализма правовых норм – «право по своей природе – фундаментально неопределенное явление, что приводит к неизбежной неопределенности юридических высказываний, поскольку функция правовых норм, содержащих правила поведения, – раскрыть многообразие действий людей и отношений между ними» [7, с. 67], в связи с чем реалисты всегда опираются на вариативность интерпретаций нормативных предписаний.

3. Утверждение значимости научной методологии в функционировании правовых систем – экспериментальные исследования с применением антропологических, социологических и иных научных данных, проводимые К. Левеллином, М. Мартином и другими для понимания функционирования принципа правосудия и справедливости в гражданском обществе, выявляли расхождения между гражданским поведением и институциональными проявлениями, составляющими факты судебного разбирательства [4].

4. Значимость аксиологических принципов – сторонники правового реализма не имеют четко сформулированной теории правовых ценностей, что обусловлено контекстуальными и моральными обоснованиями конкретных социокультурных предпосылок, воздействующих на процесс принятия решений [8].

5. Акцент на функциональности принципов и консеквенциализм [4] – принцип результативности, которого придерживаются реалисты, подчеркивает значимость их работы в функциональной полезности для человека и общества.

Обобщение данных принципов, фундаментальных для всех подходов правового реализма, приводит к утверждению эмпирического понимания права и всестороннему включению методологии социальных наук в процесс правоприменения [1]. Однако в современных исследованиях поднимается проблема «ограниченности опытного знания и форм его познания, возможности которых не позволяют формулировать разумные (всеобщие) понятия,

тем не менее, являющееся необходимым этапом к их получению; опытное знание является непосредственным, действительно существующим в том смысле, в котором оно трактуется в концепциях правового реализма, претендуя на статус обобщающего понятия» [5, с. 13], каковым оно не является по причине контекстуальных социальных различий. Преодоление данного ограничения возможно в первую очередь за счет «признания прагматизма, критичности и здравого смысла» [5, с. 13] в процессе обновления и упорядочивания организационной парадигмы традиционного правового реализма и включения принципов «нового правового реализма».

Как отмечает FL. Leeuw, новый правовой реализм активно развивается в мире эмпирико-правовых исследований в течение последних десятилетий [4]. Несмотря на то, что фундаментом реализации обновленного течения является классический правовой реализм, принципы нового реализма выходят за рамки акцентуализации эмпирической парадигмы на судебной системе и критики нормативного формализма. Новый правовой реализм также придерживается принципа функциональной полезности права в повседневной жизни людей, тем не менее контекстуальные обоснования приобретают инновационные перспективы, так как обновленное течение развивается в совершенно ином интеллектуальном и идеологическом контексте – в эпоху современных технологий и цифровых достижений. В этом же ракурсе проблемы правовой идеологии выдвигаются на первый план, что обуславливается процессом глобализации и обострением международных диспутов. Кроме того, новый правовой реализм следует принципу открытости (Big Tent approach [9]), который характеризуется стратегией объединения широкого круга участников (институты процессуального права, правозащитники, профсоюзы, представители бизнеса и общественности) с различными взглядами к правовым проблемам, большого количества вариативных типов данных вокруг общей фундаментальной цели – проведения правовых реформ [10].

Таким образом, методология нового правового реализма включает в себя работу с обтрузивными и необтрузивными данными в качестве инновационных исследовательских подходов цифровой социологии [11], качественными и количественными характеристиками, а также юридически значимыми большими данными. Т.Дж. Майлс и К.Р. Санстейн подтверждают значимость цифровых технологий и анализа данных в сравнении с теоретической деятельностью исследователей прошлого века, которую они называют «наивной и ограниченной» [12, с. 8]. В данном контексте методы исследования отбираются в соответствии с меняющимися исследовательскими запросами, что приводит к трансформации инструментальной парадигмы: в новом реализме акцент смещается на организацию доказательности и иерархии эмпирических проблем.

Тем не менее главным недостатком данного подхода является «пафос масштабности решаемых задач через обилие междисциплинарных практик и ориентацию на анализ больших массивов данных» [13, с. 1], что приводит исследователей к следующему парадоксу: «ни одна отдельная область или методология не предопределена как лучший источник «ответов» на юридические вопросы» [4, с. 40]. Эта проблема все чаще возникает в научных изысканиях, когда исследовательская задача касается влияния правовых механизмов на конкретное сообщество, в котором не каждый исследовательский подход одинаково эффективен, т. е. способен дать достоверные и надежные результаты по причине социальных, культурологических и политических различий.

Таким образом, новый правовой реализм, как и классический правовой реализм с его современными вариантами, обладает рядом негативных факторов, преодоление которых позволит модернизировать философско-правовую теорию и практику. Как мы считаем, наиболее эффективным решением является интеграция принципов классического и нового правового реализма в единую организационную парадигму, отвечающую требованиям современного российского общества. Уточнение национального характера правового регулирования является неотъемлемым условием для выстраивания эффективной регулятивной системы по причине несостоятельности глобальной универсальности принципов правового реализма.

В рассматриваемых течениях большое внимание уделяется «трансферу знаний, их применению и использованию» [14, с. 2]. Исходя из этого, «ядром» обновленной парадигмы можно считать перевод результатов исследований в правовую практику и политику с учетом неотъемлемости процессов цифровизации и высокого уровня информатизации общества. В данном контексте необходимо объединить усилия исследователей в области права, политологии и социологии, которые подходят к насущным проблемам правового регулирования с точки зрения нового правового реализма, с учетом классических традиций функционирования права в обществе, однако существенным условием является включение в этот процесс практикующих юристов, судей и ученых, занимающихся правовой практикой в инновационных формах.

Для осуществления такого перехода для начала необходимо рассмотреть сам процесс междисциплинарной коммуникации и учесть, какие проблемы и факторы опосредования предшествуют интеграции знаний о социальном мире в юридическую науку, образование и практику [14], а также какие методологические инструменты способствуют упрощению и упорядочиванию этого перехода. Принцип междисциплинарности позволяет аккумулировать эпистемологические, онтологические и гносеологические функции знаний и ценностей права, что

приведет к «обогащению объекта науки, обобщению ее концептуальных структур, открытию новых законов, расширению и совершенствованию методологического аппарата в совокупности с совершенствованием качественных характеристик научного знания (повышение объективности научного знания, повышение эффективности теорий, повышение потенциала научного творчества и его коллективного характера)» [15, с. 161]. Именно такой подход стремится поощрять и расширять парадигму правового реализма при условии целенаправленного осмысления насущных проблем юридической теории и эмпирической работы в области права.

Обсуждение и заключение. В результате проведенного исследования мы можем сделать следующие выводы:

1. Принципы правового реализма могут быть практически применимы и результативны при условии их парадигмального совершенствования с интеграцией обновленных подходов нового правового реализма и цифровой социологии, развивающихся в интеллектуальной и идеологической среде современного российского сообщества.

2. Модернизация научной теории и практики должна быть направлена на разработку одной или нескольких содержательных научно-исследовательских программ, координирующих деятельность юристов, социологов и политиков, с учетом использования актуальных цифровых технологий и при условии отслеживания прогресса и исключения стагнации знаний на протяжении нескольких лет.

3. Обновленная правовая теория должна реализовывать принцип «иерархии доказательств и методов» [4, с. 40], существующий в междисциплинарных исследованиях. При организации методологии необходимо фильтровать доступные методы, сохраняя баланс между формальными принципами права и символической описательностью психологического подхода с целью исключения иррациональной многозначности и абстрактности правоприменения.

4. Утверждение реалистичности правовых знаний и навыков должно означать согласование между фактами (нормами, правилами) и их ценностью при практическом использовании и функционировании, а также «доминирование здравого смысла при анализе юридических вопросов» [16, с. 33].

Утверждение данных принципов совершенствования парадигмы правового реализма представляется перспективным для дальнейшего исследования, в частности, эмпирического обнаружения возможностей разработки и имплементации стратегических программ реализации данного направления в отечественной системе права.

Список литературы / References

1. Tonkov E, Tonkov D. Russian Legal Realism: Basics (IVR 2024, Special Workshop 055). In: *Proceedings of the XXXI World Congress of the International Association for Philosophy of Law and Social Philosophy Evolution of Russian Legal Realism in Theory and Practice: Imperial, Soviet and Modern*. Seoul: Soongsil University; 2024. 21 p.
2. Гусева В.Ю. Психологическая концепция права Л. И. Петражицкого. *Юридическая наука*. 2016;(6):15–20. Guseva V.Yu. Psychological Concept of Law of L.I. Petrazhitzky. *Legal Science*. 2016;(6):15–20. (In Russ.)
3. Curtis M. Realism Revisited: Reaffirming the Centrality of the New Deal in Realist Jurisprudence. *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2015;27:157–200.
4. Leeuw FL. American Legal Realism: Research Programme and Policy Impact. *Methodology of Legal Research. Utrecht Law Review*. 2017;13(3):28–40. <https://doi.org/10.18352/ulr.412>
5. Шапсугов Д.Ю. Правовой реализм как осуществляющаяся нормативная коммуникация людей и разнообразность юридического мышления. Размышления о правовой реальности. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2023;(2):7–16. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-7-16>. Shapsugov DYU. Legal Realism as an Ongoing Normative Communication of People and a Kind of Legal Thinking. Reflections on Legal Reality. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):7–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2023-1-2-7-16>
6. Загоруйко К.Ф. 2009. 03. 007. Майлс Т.Д., Санстейн К. Р. Новый правовой реализм. *Журнал юриспруденции Чикагского университета*. 2008;75(2):831–851. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право*. 2009;(3):27–31. Zagoruiko KF. 2009. 03. 007. Miles TJ, Sunstein CR. The New Legal Realism. *University of Chicago Law Review*. 2008;75(2):831–851. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4. State and Law*. 2009;(3):27–31. (In Russ.)
7. Дидикин А.Б. Следование правилу и юридический язык: аргументы реализма и антиреализма. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки*. 2015;(4(146)):66–72. Didikin AB. Rule-Following and Legal Language: Arguments of Realism and Antirealism. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 3. Social Sciences*. 2015;(4(146)):66–72. (In Russ.)
8. Leiter B. Legal Realisms, Old and New. *Valparaiso University Law Review*. 2013;47:949–963.
9. O’Hear MM. Restorative Justice: Dangers of the Big Tent. *Criminal law conversations*. In: Robinson PH et al. (Eds.). *Marquette Law School Legal Studies. Paper No. 09–28*. 2009. URL: <https://ssrn.com/abstract=1444961> (accessed: 01.04.2026).

10. Chemerinsky E, Fisk C. In Defense of the Big Tent: The Importance of Recognizing the Many Audiences for Legal Scholarship. *Tulsa Law Journal*. 1999;34(4):667–678.
11. Мещерякова Н.Н. Методология познания цифрового общества. *Цифровая социология*. 2020;3(2):17–26. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-17-26>
- Meshecheryakova NN. Methodology for Cognition of Digital Society. *Digital Sociology*. 2020;3(2):17–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2020-2-17-26>
12. Miles TJ, Sunstein CR. The New Legal Realism. *University of Chicago Law Review*. 2008;75(2):831–851.
13. Груздев В.С. Новый правовой реализм. *Право и политика*. 2019;(12):1–8.
- Gruzdev VS. New Legal Realism. *Law and Politics*. 2019;(12):1–8. (In Russ.)
14. Mertz E, Macaulay S, Mitchel TW (Eds.). *The New Legal Realism: Translating Law-and-Society for Today's Legal Practice. Vol.1*. Cambridge University Press; 2016. 303 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107762336>
15. Андреева И.А. Междисциплинарность в современной юридической науке: основания, формы, функции. *Вестник Воронежского института МВД России*. 2024;(4):157–163.
- Andreeva IA. Interdisciplinarity in Modern Legal Science: Bases, Forms, Functions. *Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024;(4):157–163. (In Russ.)
16. Горбань В.С., Груздев В.С. О реалистичности правового реализма. *Право и политика*. 2023;(10):24–37. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.10.68817>
- Gorban VS, Gruzdev VS. About the Realism of Legal Realism. *Law and Politics*. 2023;(10):24–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2023.10.68817>

Об авторах:

Анастасия Борисовна Шумилина, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), nashum82@mail.ru

Наталья Александровна Анциферова, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), nata-rui@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Б. Шумилина: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.Н. Анциферова: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia B. Shumilina, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), nashum82@mail.ru

Natalia A. Antsiferova, Cand.Sci (Law), Associate Professor of the Commercial and Entrepreneurial Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), nata-rui@mail.ru

Claimed Contributorship:

AB Shumilina: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

NA Antsiferova: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 07.05.2026

Принята к публикации / Accepted 14.05.2026

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 340.1

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-40-46>

EDN: XQCUYN

Концептуализация принципа правовой идентичности в качестве механизма регулирования социального порядка

Е.А. Паламарчук^{1, 2} , Л.В. Лебедева²

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 epalamar@mail.ru

Аннотация

Введение. В условиях мировой тенденции к универсализму и космополитизму, культивирующим идею глобальной идентичности, современные государства приходят к переосмыслению моделей самоопределения и оказываются в состоянии кризиса идентичности, что приводит к социальной дестабилизации и угрозам общественной безопасности. Следовательно, актуальным вопросом является формирование устойчивой системы правовых ценностей, не противоречащей транснациональному сотрудничеству, но при этом укрепляющей внутренний порядок в государстве. Цель исследования – проанализировать современные научные подходы к определению правовой идентичности и укреплению данной системы в качестве механизма регулирования социального порядка в условиях глобализации.

Материалы и методы. Методологический инструментарий включает в себя методы компаративного анализа (историко-сравнительный, сравнительно-типологический и сравнительно-аксиологический), отражающие территориальную, историко-культурную и ценностную специфику вариативных классификаций идентичности. Критический анализ, категоризация и систематизация социально-политических форм правовой идентичности раскрывают воспроизводимые характеристики моделей правового регулирования, социальных практик и политических задач, определяющих эффективность достижения социального порядка.

Результаты исследования. Установлено, что генезис концептуализации понятия «правовая идентичность» можно проследить от зарождения теории социальной идентичности как системы формирования коллективного самосознания до оформления гражданской самоидентификации, определяющей ценностные ориентиры высшего уровня, обусловленные развитием единой правовой культуры и правосознания. Компонентный анализ понятия «правовая идентичность» позволяет определить механизмы ее укрепления с целью противостоять такому масштабному вызову современности, как глобальная идентичность: социально-политическое обеспечение согласованности индивидуального самосознания и коллективных норм; регулятивная политика на основе идентичности; институционализация нарративов; координация деятельности общественных, частных и профильных организаций, а также иные принципы, которые в совокупности стабилизируют систему правового регулирования, социальной иерархии и общественной безопасности.

Обсуждение и заключение. Развитие правовой идентичности посредством предложенных рекомендаций дает возможность не только укрепить социальный порядок в стране, но также сформировать образ культурно-исторической подлинности нации, репрезентирующей ее на интернациональной арене в качестве равноправного участника глобальных процессов.

Ключевые слова: правовая идентичность, социальный порядок, космополитизм, универсализм, глобализация, глобальная идентичность, правовые ценности, правовая культура

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Паламарчук Е.А., Лебедева Л.В. Концептуализация принципа правовой идентичности в качестве механизма регулирования социального порядка. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(2):40–46. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-40-46>

Original Theoretical Research

Conceptualization of Legal Identity Principle as a Mechanism of Social Order Regulation

Evgenii A. Palamarchuk^{1,2} , Larisa V. Lebedeva²

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation

 epalamar@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of global trends for universalism and cosmopolitanism that promote the idea of global identity, the modern states come to the need to reconsider their self-determination models and find themselves in a state of identity crisis, which leads to social destabilization and threatens social security. Therefore, formation of a sustainable framework of legal values non-contradicting transnational cooperation, but, at the same time, strengthening internal state order is the relevant issue to study. The aim of the study is to analyse the contemporary scientific approaches to determining and strengthening legal identity as a mechanism of social order regulation in the context of globalization.

Materials and Methods. The methodological toolkit included the methods of comparative analysis (historical-comparative, comparative-typological, and comparative-axiological), which reflect the territorial, historical-cultural, and value-based features of the identity classification variants. By means of critical analysis, categorization, and systematization of socio-political forms of legal identity, the replicable characteristics of legal regulation models, social practices, and political objectives that underpin efficient achievement of the social order have been revealed.

Results. It has been established that conceptualization of “legal identity” notion can be traced from emergence of the theory of social identity as a system for forming collective self-consciousness to shaping a concept of civic self-identification that sets high value benchmarks due to development of the unified legal culture and legal consciousness. Component analysis of “legal identity” concept made it possible to determine the following mechanisms of its strengthening aimed at counteracting such a large-scale challenge of our time as global identity: ensuring socio-political compatibility of the individual self-consciousness with the collective norms; executing the regulatory policy based on the identity principle; institutionalization of narratives; coordination of the activities of public, private, and sector-specific organisations; as well as other principles that jointly stabilize the system of legal regulation, social hierarchy, and public security.

Discussion and Conclusion. Using the proposed recommendations for the development of legal identity makes it possible not only to strengthen the social order in the country, but also to form an image of cultural and historical authenticity of a nation that presents it as an equal participant of the global processes on the international arena.

Keywords: legal identity, social order, cosmopolitanism, universalism, globalization, global identity, legal values, legal culture

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Palamarchuk EA, Lebedeva LV. Conceptualization of Legal Identity Principle as a Mechanism of Social Order Regulation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):40–46. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-40-46>

Введение. Обоснование принципа правовой идентичности в условиях глобализации затрагивает различные сферы жизнедеятельности общества – экономическую, социальную, политическую, психологическую и иные отрасли, связанные с человеческим опытом, поведением и самоидентификацией. Логичной интерпретацией понятия «идентичность» является принадлежность индивида к определенной системе, включающей правовую, политическую и социокультурную реальность данного сообщества. Нередко отражение этнической или национальной принадлежности связывают с концептом «территориализации» [1, с. 145], обозначающим локальную привязанность к конкретной системе ценностных установок и культурных традиций. Однако существуют и более генерализованные категории идентичности, отражающие глобальную культуру всего человечества (универсализм, космополитизм) [2].

Несмотря на активное стремление различных государств сохранить собственную национальную идентичность, глобализация, технологическое развитие и цифровизация практически всех областей жизнедеятельности человека приводят к росту неопределенности, международным кризисам, экономико-политическим противоречиям и, как

следствие, социальным волнениям. Эти процессы вызывают негативную реакцию у населения, ощущающего угрозу, нависшую над их национальной идентичностью и внутренней системой правового регулирования.

Следовательно, наиболее актуальным вопросом в данных условиях является формирование устойчивой системы правовых ценностей, не противоречащей транснациональному сотрудничеству, но при этом укрепляющей внутренний социальный порядок и стабилизирующей реакцию общества на глобальную правовую культуру. Цель данного исследования – проанализировать современные научные подходы к определению правовой идентичности и укреплению данной системы в качестве механизма регулирования социального порядка в условиях глобализации.

Материалы и методы. Определение содержательных принципов процесса выстраивания правовой идентичности базируется на ряде методологических инструментов, среди которых главенствующим является компаративный подход. Историко-сравнительный принцип рассматривает изучаемый концепт в качестве определенной социально-политической практики, опосредованной явлениями окружающей среды конкретного сообщества [3]. Сравнительно-типологический подход отражает территориальную специфику вариативных классификаций типов принадлежности государства к той или иной цивилизации [4], выявляющих радикальные культурные противоречия структуризации национальных идентичностей разных народов. Сравнительно-аксиологический принцип позволяет изучить «ценностные детерминанты и коннотации содержания культурной целостности сообщества, обладающего уникальными способами организации жизнедеятельности, рефлексии и ментального самовыражения нации» [5, с. 85].

Критический анализ, категоризация и систематизация различных социально-политических форм правовой идентичности [6] позволяет исследовать воспроизводимые характеристики и свойства моделей правового регулирования, социальных практик и политических задач, определяющих эффективность достижения социального порядка. Бихевиористический подход отражает степень развития социальной и правовой системы как воплощения идеалов правосознания и гражданственности в индивидуальных и коллективных проявлениях населения, на которых базируются субъектно-объектные установки взаимоотношений граждан и государства.

Результаты исследования. Развитие любой функциональной системы, включая правовое общество, не может обеспечиваться без надлежащего контроля и иерархии, при которых все составляющие элементы структурируются в единое целое. Отличительной чертой таких систем является их автономность и самобытность, в противном случае они легко могли бы интегрироваться и объединяться посредством унифицированных процессов, вытесняя качественные характеристики, отличающие одно сообщество от другого.

Согласно теории социальной идентичности, впервые предложенной Г. Тайфелем и Дж. Тернером в 70-х годах прошлого столетия, социальные группы направляют восприятие и поведение своих членов посредством общих норм, убеждений и ценностей [7]. Более того, они формируют коллективное самосознание, позволяя членам группы мотивировать самоидентификацию через сравнение своей группы с чужими по соответствующим аксиологическим параметрам. Применимость теории социальной идентичности по отношению к обнаружению способов поддержки этнических меньшинств обусловлена реализацией психологических и структурных факторов, а также социально-политическими инструментами общественных изменений [7].

Значимым ответвлением теории социальной идентичности является теория самокатегоризации, которая подробно описывает социально-когнитивные процессы, лежащие в основе коллективного поведения. По мнению Е.Р. Агадуллиной и М.В. Горемыко, «самокатегоризация является источником социального влияния» [8, с. 32], что считается следствием интернализации социальных категорий в самосознание. Важно заметить, что самокатегоризация происходит на разных уровнях инклюзивности (уровни внутригрупповых структур): более инклюзивные категории называются суперординаторными группами, они служат фоном для межгрупповых сравнений, что позволяет индивидам более позитивно оценивать свою группу в той степени, в которой они воспринимают ее как прототип надгрупповой, инклюзивной категории [7].

Культурная идентичность, как и социальная, возникает на основе общих систем ценностей. Поскольку человеческое взаимодействие постоянно создает и воспроизводит культуру, ее содержание динамично меняется, вследствие чего возникают четкие разделения между культурными группами [9]. Однако в отличие от социального отождествления, чувство культурной идентичности у индивидов часто более размыто и может отражать привязанность к нескольким (иногда противоречащим друг другу) культурным мировоззрениям [9], в частности это касается представителей мультикультурных сообществ.

Изучение вопросов социальной и культурной идентификации в качестве факторов формирования правовой идентичности (история и культура, моральные принципы, нормативные основания, взаимоотношения между человеком и государством определяют единство правового пространства [10]) приводят нас к определению выс-

шего уровня ценностных ориентиров общества, обусловленных развитием единой правовой культуры и правосознания. Синонимичным понятием является термин «гражданская идентичность» [11, с. 302], в рамках которой «особенности правовых представлений граждан определенного сообщества являются показателем зрелости и устойчивости правовой системы государства в целом, правового воспитания и правовой культуры, что оказывает влияние на реализацию прав и свобод граждан и опосредует основные сферы жизни общества» [11, с. 303].

Значимым этапом концептуализации принципа правовой идентичности является структуризация ее содержательных компонентов. Так, Н.В. Безгина [11] выделяет следующие компоненты:

- когнитивный компонент, включающий в себя правовой опыт и знания в рамках социокультурной и исторической перспективы развития государства;
- эмоциональный компонент, состоящий из психологических, чувственных связей индивида с обществом и государством (такие отношения могут быть позитивными – чувство патриотизма, гордости и любви к родине, или же негативными);
- поведенческий компонент, включающий в себя наиболее распространенные паттерны правового поведения и уровень развития гражданственности.

Другие исследователи выделяют в структуре правовой идентичности иные параметры, основанные на субъект-объектных отношениях граждан и государства, что определяет правовой статус, юридические права и обязанности индивида: «самосознание – субъективное понимание собственной принадлежности к группе; признание – официальное закрепление правового статуса гражданина; государственное обеспечение – совокупность правовых гарантий реализации правовой идентичности» [12]. Тем не менее любая классификация признаков и компонентов правовой идентичности всегда основывается на субъективном восприятии индивидом собственного «я» в качестве члена аутентичной группы единомышленников и соратников, объединенных общими ценностями, мировоззрением, жизненными принципами и целями.

Значимость идентификации и проработки содержательных компонентов концепта правовой идентичности определяется стремительными социально-экономическими изменениями, происходящими на международной арене, которые при любых условиях затрагивают внутреннее устройство государств и их общественный порядок. Изучение способов укрепления правовой идентичности позволит противостоять таким масштабным вызовам современности, как космополитизм, универсализм и глобальная идентичность. Рассмотрим подробнее скрытые угрозы коллективных идентичностей.

Вариативные определения космополитизма в своей основе противопоставляются совокупности взаимоисключающих идентичностей, в связи с чем космополитизм концептуализируется для того, чтобы отражать формы смешанных социальных взаимосвязей и связей, порождаемых глобализацией [13]. В соответствии с позитивной интерпретацией, люди могут считать себя «гражданами мира», не отвергая при этом свою местную или национальную культуру, т. е. в теории космополитизм позволяет сообществам сохранять свое партикуляристское наследие и одновременно исповедовать приверженность к всеобъемлющей, доминирующей культуре [13]. Однако актуальные эмпирические данные указывают на то, что на практике космополитические установки игнорируют значимые этноцентрические и цивилистические различия, отражающие специфику национальной политики, экономики и культуры разных стран. Так, по мнению С.В. Аكوпова, «космополитизм стирает идею гражданского патриотизма, выражает исключительно мировоззрение международной экономической элиты, отрицает социокультурную партикулярность, локальные особенности и эмоциональные привязанности граждан» [14, с. 110-111].

Идея глобального единения поддерживается теорией правового универсализма, стремящегося, с одной стороны, укрепить идею универсальности прав и свобод человека, но с другой – ограничивающего диалектические принципы интеграции морально-нравственного (естественно-правового) фундамента исторического материализма, что неизбежно подталкивает сообщество к гегемонистской модели [15]. Глобальная идентичность как продукт космополитизма, универсализма и глобализации опасна тем, что люди могут переосмыслить и переоценить свои модели самоопределения в глобальном контексте и оказаться в точке затруднения, при которой глобальная взаимозависимость перейдет в кризис идентичности и приведет нацию к реальным угрозам безопасности и социальной дестабилизации [7].

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости укрепления системы правовой идентичности, нацеленной на стабилизацию социальной, экономической и политической напряженности в условиях глобализации [16]. Концептуальная модель выстраивания правовой идентичности подразумевает реализацию рекомендательных мер на разных уровнях жизнедеятельности государства и общества. Ненасильственные стратегии в первую очередь направлены на институционализированное включение граждан в политико-правовую среду посредством законов, цифровых и информационных ресурсов, образовательных и публичных инструментов. Так, социально-политиче-

ское обеспечение в современных условиях может включать в себя следующие методы согласования индивидуального поведения с групповыми нормами и общегосударственной идеологией: распространение позитивных образов идентичности посредством СМИ, санкционированный государственный контроль, наблюдение за социально-политическим курсом и ведение прозрачной отчетности [6], «формирование публичного национального дискурса, сохранение культурного кода нации, незыблемая внешняя политическая репрезентация» [17, с. 74].

На уровне законодательства государство должно регулировать мобильность населения, его возможности и права на основе идентичности. Это можно осуществить с помощью, например, проработанной миграционной политики, сохранения этнического разнообразия и поддержания меньшинств посредством обеспечения соблюдения законов о равенстве и справедливости.

Еще одним решением для закрепления и воспроизведения долгосрочных трендов политики идентичности является институционализация нарративов [18]: общественные выступления, включенность СМИ, использование образовательных структур и программ просвещения для продвижения вариативных форм правовой идентичности, в частности правосознания и правовой культуры.

Согласование деятельности общественных, частных и профильных организаций в контексте социальных взаимодействий, соблюдение правовых принципов и формирование идентичности обеспечиваются через профессиональные и социальные группы, особенно в условиях слабого институционального регулирования и выраженного расслоения общества. В этой связи значимым является использование психологических механизмов консолидации социальных групп с целью установления общественной иерархии, сплочения населения и укрепления позитивного группового конформизма.

Перечисленные методы направлены на стабилизацию системы правовой идентичности, регулирующей правоотношения граждан, их мировоззрение и поведение, политический образ страны, социальную иерархию и инклюзивность, а также систему правотворчества и правоприменения путем приобщения людей к коллективу, в котором приоритеты отдаются групповым национальным идентичностям (социальная, политическая, культурная и правовая), а не личным (индивидуализированным) или глобальным тенденциям универсализма.

Обсуждение и заключение. Культуры и идентичности изменчивы и динамичны, подвержены влиянию обстоятельств, которые обуславливают и формируют их [9]. Отсюда следует вывод о том, что современная социальная реальность, обладающая значительной степенью неопределенности, делает инклюзивную глобальность несколько хрупкой и проблематичной перспективой, поскольку ежедневные изменения не позволяют говорить о едином универсальном пространстве, справедливом и безопасном для каждого народа.

Опасности и потенциальные риски, культивируемые глобализацией и космополитической ориентацией, не могут привести к укреплению общего чувства глобальной идентичности, поскольку надколлективное образование всегда переступает через интересы узких субгрупп, скрывая их этнические особенности под навязанным единообразием [7]. Полезность универсализма и космополитизма можно обнаружить только в условиях внутринациональной идентичности, когда государства экстраполируют свою специфику на международной арене в качестве одного из многих проявлений мультикультурных представлений о всемирном сообществе, «заменяя бесконечную конкуренцию за символическое превосходство взаимным межгрупповым уважением» [7, с. 36].

Укрепление национальной правовой идентичности посредством предложенных нами рекомендательных мер даст государству возможность не только сохранить устойчивый социальный порядок, но также сформировать международный образ культурно-исторической подлинности нации, репрезентирующей свою специфику на интернациональной арене в качестве равноправного участника глобальных процессов. В этом направлении перспективным является дальнейшее изучение вопросов глобализации, трансформирующей правовую практику разных стран, включая Российскую Федерацию, в пределах которых вопросы идентичности претерпевают собственные изменения и кризисы.

Список литературы / References

1. Stalinas D. Territorializing Ethnicity in the Russian Empire? The Case of the Augustav/Suvalki Province. *Ab Imperio*. 2011;(3):145-166. <https://doi.org/10.1353/imp.2011.0083>
2. Coacci F. Statism and Cosmopolitanism on Global Justice and Universal Fundamental Rights. *RUDN Journal of Political Science*. 2020;22(3):352–366. <https://doi.org/10.22363/23131438-2020-22-3-352-366>
3. Moran M. (Un)troubling Identity Politics: A Cultural Materialist Intervention. *European Journal of Social Theory*. 2020;23(2):258–277. <https://doi.org/10.1177/1368431018819722>
4. Трофимов В.К. Цивилизации как локальные культурно-исторические типы общества и цивилизационная принадлежность России. *Теория и практика общественного развития*. 2012;(6):15–17.
5. Trofimov V.K. Civilizations as Local Cultural and Historical Community Types and Civilization Type of Russia. *Theory and Practice of Social Development*. 2012;(6):15–17. (In Russ.)

5. Павильч А.А. Теоретико-методологическая модель компаративистики в современной культурологии. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2016;(1(69)):81–87.
- Pavilch AA. Theoretical-Methodological Model of the Comparative Studies in Contemporary Cultural Studies. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2016;(1(69)):81–87. (In Russ.)
6. Kurzwelly J, Pérez M, Spiegel AD. Identity Politics and Social Justice. *Dialectical Anthropology*. 2023;47:5–18. <https://doi.org/10.1007/s10624-023-09686-9>
7. Rosenmann A, Reese G, Cameron JE. Social Identities in a Globalized World: Challenges and Opportunities for Collective Action. *Perspectives on Psychological Science*. 2016;11(2):202–221. <https://doi.org/10.1177/1745691615621272>
8. Агадуллина Е.Р., Горемыко М.В. Роль самокатегоризации в проявлении конформного поведения. *Социальная психология и общество*. 2012;3(4):30–40.
- Agadullina ER, Goremyko MV. Impacts of Self-Categorization on Conforming Behaviour. *Social Psychology and Society*. 2012;3(4):30–40. (In Russ.)
9. Kashima Y. A Social Psychology of Cultural Dynamics: Examining How Cultures are Formed, Maintained, and Transformed. *Social and Personality Psychology Compass*. 2008;2(1):107–120. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00063.x>
10. Хадеев И.А. Формирование правовой идентичности и повышение правовой культуры населения на новых территориях Российской Федерации. *Молодой ученый*. 2025;(45(596)):247–250.
- Khadeev IA. Formation of Legal Identity and Improvement of Legal Culture of the Population in the New Territories of the Russian Federation. *Molodoi uchenyi (Young Scientist)*. 2025;(45(596)):247–250. (In Russ.)
11. Безгина Н.В. Правовая и гражданская идентичность в структуре современной социализации. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*, 2012;(2):302–311.
- Bezgina NV. The Legal Identity and Civic Identity in the Structure Modern Socialization. *Izvestiya Tula State University. Humanities*. 2012;(2):302–311. (In Russ.)
12. Резников Е.В. Правовая идентичность: историко-теоретический анализ. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2012;(3(22)):9–14.
- Reznikov EV. Legal Identity: Historical and Theoretical Analysis. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii (Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*. 2012;(3(22)):9–14. (In Russ.)
13. Appiah A. *Cosmopolitanism: Ethics in a World of Strangers*. New York: W.W. Norton; 2006. 228 p.
14. Акопов С.В. «Мировое гражданство» глазами его критиков (пять аргументов против «насыщенного» космополитизма М. Нуссбаум). *Управленческое консультирование*. 2015;(2):107–114.
- Akopov SV. “World Nationality” by Eyes of It’s Critics (Five Arguments against “Saturated” Cosmopolitanism of M. Nussbaum). *Administrative Consulting*. 2015;(2):107–114. (In Russ.)
15. Piekarska A. Challenging the Rule of Law Universalism: Why Marxist Legal Thought Still Matters. *Law and Critique*. 2023;34:269–285. <https://doi.org/10.1007/s10978-022-09338-x>
16. Шерген Н.А., Нафикова А.И. Проблема правовой идентичности личности в условиях глобализации. *Современные проблемы науки и образования*. 2015;(2–2):599.
- Shergen NA, Nafikova AI. The Problem of Legal Identity of the Person in the Context of Globalization. *Modern Problems of Science and Education*. 2015;(2–2):599. (In Russ.)
17. Ачкасов В.А. Политика идентичности в современном мире. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2013;(4):71–77.
- Achkasov VA. Identity Policy in the Modern World. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta (Bulletin of St. Petersburg University). International Relations*. 2013;(4):71–77. (In Russ.)
18. Танова А.Г., Родионов Д.Г., Дмитриев Н.Д. Институциональная структура нарративов в экономике: социологический подход к моделированию социально-экономических систем. *Финансы и управление*. 2024;(4):98–122. <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2024.4.72583>
- Tanova A.G., Rodionov D.G., Dmitriev N.D. Institutional Structure of Narratives in the Economy: A Sociological Approach to Modeling Socio-Economic Systems. *Finance and Management*. 2024;(4):98–122. (In Russ.) <https://doi.org/10.25136/2409-7802.2024.4.72583>

Об авторах:

Евгений Александрович Паламарчук, доктор исторических наук, профессор кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры «Теория и история государства и права» Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону (344019, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия / Советская, 2/32), [SPIN-код](mailto:epalamar@mail.ru), [ORCID](#), epalamar@mail.ru

Лариса Васильевна Лебедева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону (344019, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я линия / Советская, 2/32), [SPIN-код](#), [ORCID](#), rose_7500@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Е.А. Паламарчук: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Л.В. Лебедева: методология исследования, обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Evgenii A. Palamarchuk, Dr.Sci. (History), Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don (2/32, 9th Line/Sovetskaya Str., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), epalamar@mail.ru

Larisa V. Lebedeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Rostov-on-Don (2/32, 9th Line/Sovetskaya Str., Rostov-on-Don, 344019, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), rose_7500@mail.ru

Claimed Contributorship:

EA Palamarchuk: formulating the main concept, developing research methodology, setting research objectives, preparing the text, drawing the conclusions.

LV Lebedeva: developing research methodology, review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 16.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 13.04.2026

Принята к публикации / Accepted 21.04.2026

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 342.8

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-47-52>

Избирательные цензы при реализации активного избирательного права в Российской Федерации: правовое закрепление и тенденции развития

EDN: YLRUGS

И.А. Сизько , Е.А. Филимонова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 igorsnov@mail.ru

Аннотация

Введение. Современные процессы отечественного государственного строительства характеризуются переосмыслением фундаментальных основ организации и функционирования национального механизма государственной власти, прежде всего, в контексте реализации гражданами своих конституционных прав. В этих обстоятельствах актуализируется проблема правовой природы избирательных цензов, их доктринального развития, места в системе конституционного права, роли в реализации гражданами права участвовать в управлении делами государства, избирать и быть избранными в органы публичной власти. Цель статьи – исследовать конституционно-правовую природу избирательных цензов при реализации активного избирательного права в современных демократических реалиях Российской Федерации, а также определить тенденции развития этого направления.

Материалы и методы. В ходе исследования проанализированы труды отечественных и зарубежных авторов по определению избирательных цензов в конституционно-правовой науке. Методологическую основу составил комплекс философских, общенаучных и специально-научных методов, среди которых описание, сравнение, классификация, анализ и обобщение.

Результаты исследования. Выявлено влияние избирательных цензов на развитие демократического общества в Российской Федерации и акцентировано внимание на отдельных их разновидностях, в частности: возрастном цензе, цензе гражданства, цензе дееспособности и некоторых других. Глобальная тенденция к демократизации выборов привела к отмене или существенному ограничению дискриминационных цензов в большинстве стран мира – на смену расовым, гендерным, имущественным ограничениям приходят критерии, основанные на принципах всеобщности, равенства, прозрачности и т. п.

Обсуждение и заключение. Вопросы применения избирательных цензов в отношении активного избирательного права в России требуют системного подхода и пристального внимания со стороны государства и общества. Для обеспечения прав и свобод граждан важно, чтобы применение цензов было взвешенным, не имело чрезмерного характера и не превращало их в инструмент дискриминации граждан. Целесообразно ускорить процесс совершенствования правового регулирования данных общественных отношений с учетом накопленного опыта зарубежных стран. Сформулированные в статье теоретические положения могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Ключевые слова: избирательные цензы, классификация избирательных цензов, дискриминационные цензы, избирательный процесс, выборы, демократизация выборов, активное избирательное право, избиратель, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Сизько И.А., Филимонова Е.А. Избирательные цензы при реализации активного избирательного права: правовое закрепление и тенденции развития. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(2):47–52. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-47-52>

Electoral Qualifications in the Frame of Exercising the Right to Active Suffrage in the Russian Federation: Legal Enshrinement and Development Trends

Igor A. Sizko , Elena A. Filimonova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 igorsnov@mail.ru

Abstract

Introduction. Contemporary processes of nation building in Russia are related to rethinking of the fundamental principles of organization and functioning of the national state authority mechanism, primarily in the frame of exercising the constitutional rights citizens. In this context, the problem of legal nature of electoral qualifications, their doctrinal development, place in the system of constitutional law, and role in exercising the right of citizens to participate in the governance of state affairs, to vote and be elected to public bodies has become increasingly relevant. The aim of the article is to study the constitutional and legal nature of electoral qualifications in the frame of exercising the right to active suffrage in the contemporary democratic realities of the Russian Federation and to identify the trends of development of the above phenomena.

Materials and Methods. In the frame of the study, the publications of Russian and foreign authors on the definition of electoral qualifications in constitutional law science have been analysed. The research methodology was formed by a combination of philosophical, general scientific, and specific scientific methods, including description, comparison, classification, analysis, and generalization.

Results. The effect of electoral qualifications on the development of democratic society in the Russian Federation has been revealed, and attention focused on their specific types, such as age qualifications, citizenship qualifications, legal capacity qualifications, and others. The global trend toward democratization of elections has led to the abolition or significant reduction of discriminatory qualifications in most countries. The racial, gender, and property restrictions are being replaced by criteria based on the principles of universality, equality, transparency, and the like.

Discussion and Conclusion. Application of electoral qualifications in the frame of active suffrage in Russia requires a system approach and close attention on the part of the state and society. To ensure the rights and freedoms of citizens, the application of qualifications must be balanced, not excessive, and not become a tool of discrimination. It would be rational to accelerate the process of improving the legal regulation of these social relations taking into account the accumulated experience of the foreign countries. The theoretical provisions formulated in the present article can be used for further scientific research on this issue.

Keywords: electoral qualifications, classification of electoral qualifications, discriminatory qualifications, electoral process, elections, democratization of elections, active suffrage, voter, the Russian Federation

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Sizko IA, Filimonova EA. Electoral Qualifications in the Frame of Exercising the Right to Active Suffrage in the Russian Federation: Legal Enshrinement and Development Trends. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):47–52. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-47-52>

Введение. Традиционно субъективное избирательное право занимает центральное место при реализации принципа народовластия, выступающего в качестве основы конституционного строя. Оно предоставляет возможность каждому гражданину свободно выбирать своих представителей и влиять на принятие политических решений. Следовательно, сохранение этого механизма является важной задачей для обеспечения легитимности власти.

Избирательные цензы выполняют роль своеобразных правовых фильтров – определяют численность и контингент избирателей, а также кандидатов на выборные должности. Сложно переоценить значение избирательных цензов, поскольку формирование органов публичной власти является одной из ключевых составляющих демократического общества, и во многом от характера цензов зависит степень демократичности избирательного права, а соответственно, и механизма государственной власти. В связи с тем, что современная избирательная система России находится в состоянии перманентного реформирования, качественное исследование избирательных цензов имеет характер острой необходимости. Избирательные цензы обязаны соответствовать всем принципам избирательного права и не создавать такие критерии и требования к участникам избирательного процесса, которые могли бы породить несоответствие с указанными принципами. В отечественной научной литературе отмечается

недостаточность критического анализа роли существующих избирательных цензов, что отрицательно влияет на понимание их смысла, а в конечном итоге – на понимание конституционного смысла избирательных прав.

Цель статьи – исследовать конституционно-правовую природу избирательных цензов при реализации активного избирательного права в современных демократических реалиях Российской Федерации, а также определить тенденции развития этого направления.

Материалы и методы. В основу исследования легли труды отечественных и зарубежных ученых по определению избирательных цензов в конституционно-правовой науке. Использован комплекс философских, общенаучных и специально-научных методов, в частности, общенаучный диалектический метод, формально-юридический, исторический, логический, структурно-функциональный, сравнительно-правовой и технико-юридический методы.

Результаты исследования. Границы принципа всеобщности избирательного права в реальности определяются наличием или отсутствием избирательных цензов, исключающих временно или навсегда определенных членов общества из участия в управлении делами общества и государства посредством выборов. В конституционно-правовой науке существует много мнений относительно понятия избирательных цензов. Как важный инструмент избирательного процесса, избирательные цензы прошли свой путь исторической трансформации в соответствии с социальными требованиями и духом времени: на разных исторических этапах и в разных странах они именовались по-разному и имели разное значение.

В самом общем виде, ценз – это условие, допускающее человека к пользованию теми или иными политическими правами¹. В зарубежной литературе [1] предпринимались попытки применения термина «квалификация» как синонимичного к термину «избирательный ценз». Поскольку традиционно слово «квалификация» понимается как определение качества, оценка чего-либо, позволим себе усомниться в целесообразности его применения в избирательном праве. Это связано с несколькими факторами. Во-первых, термин «избирательный ценз» имеет уже установленный исторический и политический вес, который придает ему авторитет и узнаваемость. Это понятие прямо указывает на связь с выборами и определяет ограничения на право граждан участвовать в них. Устоявшаяся терминология помогает избежать недоразумений и способствует четкому пониманию сущности этого ограничения. Во-вторых, хотя избирательные цензы и имеют квалифицирующий характер, для их дальнейшего реформирования, а также научного анализа другими учеными в будущем, термин «квалификация избирательного права» имеет более эмпирический характер, чем «избирательные цензы». В связи с этим термин «избирательный ценз» более удачно излагает сущность этого понятия.

Ю. Дмитриев и В. Израелян считают, что избирательные цензы представляют собой установленные законодательством ограничения активного и пассивного избирательного права, обусловленные теми или иными обстоятельствами [2]. Избирательные цензы также рассматриваются как «установленные законами ограничения избирательных прав граждан»²; как «совокупность условий и ограничений, предусмотренных законом для реализации активного или пассивного избирательного права»³; как «условия, с обязательным наличием которых закон связывает возможность реализации избирательных прав» [3, с. 22].

С учетом федерального законодательства, которое детализировало положения Конституции РФ, можно выделить следующие избирательные цензы, применяемые при реализации активного избирательного права в России сегодня:

- 1) ценз дееспособности – право участия в выборах имеют только дееспособные граждане;
- 2) ценз судимости – право участия в выборах имеют граждане, не содержащиеся в местах лишения свободы по вступившему в силу решению суда;
- 3) ценз гражданства – право участия в выборах имеют физические лица, обладающие гражданством страны;
- 4) возрастной ценз – гражданин может реализовать свое активное избирательное право при условии достижения им минимального возраста, установленного Конституцией или законодательством;

Конституция РФ установила два универсальных избирательных ценза (ч. 3 ст. 32) для активного избирательного права, согласно которым не имеют права избирать граждане, признанные судом недееспособными и содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда.

Ценз дееспособности – вид избирательного ценза, при котором право на участие в выборах имеют только дееспособные граждане. Признание гражданина недееспособным исключительно в судебном порядке является важной процессуальной гарантией реализации субъективного избирательного права. Даже если гражданин имеет существенное психическое расстройство, находится на учете или на лечении в наркологическом или психиатри-

¹ Ожегов С.И., Шведов С.Ю. *Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений*. Москва: Азбуковник; 1997. С. 873.

² Игнатенко В.В., Штурнев А.В. *Словарь-справочник по избирательному праву*. Иркутск: Изд-во ИГЭА; 1999. С. 325.

³ Добрынин Н.М. *Универсальный энциклопедический словарь для всех и каждого: современная версия новейшей истории государства*. Новосибирск: Наука; 2012. С. 176.

ческом учреждении, до соответствующего решения суда он остается дееспособным лицом и имеет право участвовать в выборах. Дееспособностью гражданина является его способность своими действиями приобретать для себя права и самостоятельно их осуществлять, а также способность своими действиями создавать для себя обязанности, самостоятельно их исполнять и нести ответственность в случае их невыполнения.

Недееспособность, согласно ст. 29 Гражданского кодекса РФ, имеет гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. Порядок ограничения дееспособности гражданина, признания гражданина недееспособным устанавливается Гражданским процессуальным кодексом РФ (гл. 31, ст. 281–286). Суд по имеющимся данным о психическом здоровье гражданина назначает для установления его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу. Гражданин признается недееспособным с момента вступления в силу решения суда.

Ценз судимости – вид избирательного ценза, при котором право на участие в выборах имеют граждане, у которых отсутствует судимость за совершение преступления. В современной практике проведения выборов ценз судимости в основном применяется при реализации пассивного избирательного права, хотя есть около 30 стран (включая Россию), которые его распространяют и на активное избирательное право. В основном это касается лиц, отбывающих наказание по решению суда в местах лишения свободы. Основной довод применения данного ценза связан с тем, что участие в выборах предполагает наличие не только осознанного выбора, но и гражданской ответственности за него. В случае, когда голосуют преступники, нет гарантии, что полностью будет исключена возможность голосования под влиянием чувства обиды на власть. Кроме того, на голосование заключенных можно легко влиять, что открывает широкие возможности для фальсификаций. И хотя в настоящее время становится популярным электронное голосование, эти изменения в избирательном процессе не влияют на применение рассматриваемого ценза [4]. Еще одним аргументом в пользу недопуска преступников, отбывающих тюремное заключение, к участию в голосовании является то, что люди, признанные виновными в серьезных нарушениях законов, лишили себя права влиять на формирование этих законов. Что касается лишения избирательных прав лиц, находящихся под следствием, то такое средство является дискриминационным, поскольку противоречит таковой юридической норме, как презумпция невиновности.

Ценз гражданства – вид избирательного ценза, при котором право на участие в выборах имеют физические лица, имеющие гражданство Российской Федерации. Среди всех конституционно-правовых статусов именно гражданство предоставляет больше преимуществ для лица, особенно когда речь идет о политических правах и участии в управлении делами государства. Для гражданина Российской Федерации, имеющего также гражданство иностранного государства и тем самым пребывающего в политико-правовой связи с иностранным государством, значение гражданства Российской Федерации как выражения правовой связи с государством, являющимся Отечеством, объективно снижается [5]. Поэтому вполне логично, что граждане в юридическом смысле в своей совокупности представляют собой понятие «народ», который в большинстве конституций государств, в том числе и в России, признается единственным источником власти и суверенитета в государстве.

Возрастной ценз – вид избирательного ценза, при котором гражданин может реализовать свое активное избирательное право при условии достижения им минимального возраста, установленного Конституцией РФ или другим законодательным актом. Восемнадцатилетний возрастной ценз для участия в выборах закрепляют большинство известных конституций мира. Они, как и Конституция РФ, не содержат термина «возрастной ценз», однако устанавливают соответствующие требования к гражданам. Считается, что по достижении совершеннолетия гражданин способен самостоятельно совершать действия и нести полную ответственность за них, т. е. может самостоятельно оценить социальную и политическую ситуацию в государстве и сознательно сделать свой выбор в пользу того или иного кандидата. Восемнадцатилетний возрастной ценз для избирателей сложился в России традиционно, закреплен конституционно и нашел отражение в законодательных и других нормативных правовых актах [6].

Для реализации активного и пассивного избирательного права, как правило, устанавливаются различные возрастные цензы. Разница заключается в установлении для кандидатов на выборные должности несколько большего для избираемого кандидата возраста, чем для голосующих избирателей. Возрастной избирательный ценз, согласно общепризнанному демократическому стандарту, определяется лишь нижним избирательным порогом и не ограничивается его верхней границей. Следует отметить, однако, что в некоторых странах Латинской Америки законодательно установлены нижняя и верхняя возрастная планка для реализации активного избирательного права: граждане, чей возраст превышает верхнюю планку, голосуют на факультативной основе (если по собственной инициативе регистрируются как избиратели). Это объясняется тем, что пожилые люди часто по состоянию здоровья не могут делать осознанный выбор во время голосования или же теряют интерес к политике и выборам в целом. Можно также утверждать, что главной причиной установления верхнего предела возрастного ценза является желание властей уменьшить уровень абсентеизма, ведь в таком случае при расчете явки не будут

учитываться те граждане из названной категории, которые проигнорировали участие в выборах. Ярким примером такого подхода является Конституция Бразилии 1988 года, которая не лишает граждан старше 70 лет активного избирательного права, но для участия в голосовании требует, чтобы они все же проявили инициативу путем подачи соответствующего заявления [7].

Кроме вышеперечисленных цензов, которые применяются в России, в мире существуют и другие избирательные цензы: оседлости, гендерный, языковой, имущественный, образовательный, моральный, партийный, служебный, расовый, религиозный, семейный, ценз национальности, ценз здоровья и др. [8].

Так, ценз оседлости предусматривает предоставление права голоса гражданам только при условии их проживания в стране или на территории соответствующего округа в течение определенного времени. Применение ценза оседлости для реализации активного избирательного права основывается «на том мнении, что в решении вопросов, касающихся избирательного округа, должны участвовать только те, кому близки местные интересы, известен состав политических партий, личности кандидатов на выборные посты» [9, с. 16]. Учитывая мобильность современного общества, демократические страны стали отказываться от ценза оседлости, что позволило избежать чрезмерного сужения избирательного корпуса.

Сейчас такого рода дискриминационные избирательные цензы являются, как правило, пережитками прошлого и в современном законодательстве демократических государств не применяются или даже прямо запрещаются. Если демократические избирательные цензы корректируют принцип всеобщих выборов, не нарушая его, то дискриминационные избирательные цензы предусматривают либо отклонение от принципа всеобщих выборов, либо отказ от него вообще. Необходимо отметить, что часто в качестве основного критерия выступает субъективное восприятие частью общества того или иного ценза как дискриминационного, и никакие доводы ученых и организаторов выборов не в силах изменить такое положение вещей. В связи с этим оптимальным является отказ от такого ограничения, поскольку оно воспринимается электоратом как несправедливость, необоснованное ущемление прав.

Современные процессы демократизации привели к отмене или существенному ограничению большинства цензов, прежде всего, дискриминационных. Безусловно, это способствует допуску к выборам более широких слоев населения. Следовательно, избирательные цензы, как определенная система условий и требований для реализации активного избирательного права, имеет динамичный характер и на каждом историческом этапе проходит процесс эволюции. На смену расовым, гендерным, имущественным ограничениям приходят критерии, основанные на ключевых принципах избирательного права: всеобщности, равенства, прозрачности, честности и т. п.

Обсуждение и заключение. Наличие избирательных цензов способствует формированию качественного механизма публичной власти, повышая тем самым эффективность функционирования самого государства. Применение избирательных цензов в процессах государственного строительства позволяет упорядочить условия и требования к избирателям и кандидатам в представительные органы государственной власти и местного самоуправления и другие органы публичной власти. Проведенный анализ существующей национальной практики показал, что некоторые цензы нуждаются в законодательных изменениях и системной проработке. В то же время важно, чтобы внедрение инноваций было взвешенным, не имело чрезмерного характера и не приводило к их трансформации в инструмент дискриминации отдельных граждан или определенных социальных групп. Реализуя выбранную стратегию совершенствования избирательной системы России, законодателю желательно учесть положительный национальный и зарубежный опыт.

Список литературы / References

1. Robertson JR (Ed). *Electoral Rights: Charter of Rights and Freedoms. Vol. 90.* 1995; Canada: Library of Parliament, Research Branch. URL: <https://publications.gc.ca/Collection-R/LoPBdP/CIR/905-e.htm> (accessed: 07.04.2026).
2. Дмитриев Ю.А., Израелян В.Б. *Избирательное право.* Москва: Юстицинформ; 2008. 312 с.
Dmitriev YuA, Israelyan VB. *Electoral Law.* Moscow: Yustitsinform; 2008. 312 p. (In Russ.)
3. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В., Комиссаров Ю.Ю. *Выборы в мире: избирательные цензы.* Москва: РОИИП; 2015. 336 с.
Borisov IB, Golovin AG, Ignatov AV, Komissarov YuYu. *Elections in the World: Electoral Qualifications.* Moscow: ROIP/Russian Public Institute of Electoral Law; 2015. 336 p. (In Russ.)
4. Черенкова А.И. Место избирательного права в Конституции России: ретроспектива и современность. *Право и государство: теория и практика.* 2025;(9):209–211. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_9_209
Cherenkova AI. The Place of Suffrage in the Constitution of Russia: A Retrospective and Modernity. *Law and State: The Theory and Practice.* 2025;(9):209–211. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2025_9_209
5. Третьяк И.А. Ценз гражданской верности или лояльности к государству как ограничение избирательных прав граждан в России на современном этапе. *Конституционное и муниципальное право.* 2024;(12):6–9. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-12-6-9>

Tretyak IA. Qualification of Civil Fidelity or Loyalty to the State as a Limitation of the Electoral Rights of Citizens in Russia at the Modern Stage. *Constitutional and Municipal Law*. 2024;(12):6–9. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2024-12-6-9>

6. Фролова Т.Ю. Возраст гражданина Российской Федерации как избирательный ценз. *Конституционное и муниципальное право*. 2025;(8):29–32. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-8-29-32>

Frolova TYu. Age of a Citizen of the Russian Federation as Electoral Qualification. *Constitutional and Municipal Law*. 2025;(8):29–32. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2025-8-29-32>

7. Назарцев Е.И. Избирательные цензы: опыт стран Латинской Америки (Бразилии и Аргентины). *Юридический вестник Самарского государственного университета*. 2015;1(3):37–42.

Nazartsev EI. Electoral Qualifications: Experience of Latin American Countries (Brazil and Argentina). *Juridical Journal of Samara University*. 2015;1(3):37–42. (In Russ.)

8. Елисеева В.С., Николаев В.Б. Перспективы трансформации избирательных цензов в Российской Федерации. *Вестник Нижегородского института управления*. 2024;(2(72)):38–44.

Yeliseeva VS, Nikolaev VB. Prospects for the Transformation of Electoral Qualifications in the Russian Federation. *Bulletin of Nizhny Novgorod Institute of Management*. 2024;(2(72)):38–44. (In Russ.)

9. Гусева О.Ю. Виды избирательных цензов. *Научные проблемы водного транспорта*. 2013;(35):15–19.

Guseva OYu. Types of Electoral Census. *Russian Journal of Water Transport*. 2013;(35):15–19. (In Russ.)

Об авторах:

Игорь Александрович Сизько, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), igorsnov@mail.ru

Елена Александровна Филимонова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), lenarnd1008@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И.А. Сизько: анализ результатов исследований, подготовка текста, формирование выводов.

Е.А. Филимонова: формирование основной концепции, постановка задач исследования, обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Igor A. Sizko, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344003), [SPIN-code](#), [ORCID](#), igorsnov@mail.ru

Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), lenarnd1008@mail.ru

Claimed Contributorship:

IA Sizko: analysis of research results, preparing the text, formulating the conclusions.

EA Filimonova: formulating the main concept, setting research objectives, review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 04.05.2026

Поступила после рецензирования / Revised 22.05.2026

Принята к публикации / Accepted 29.05.2026

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 347.91

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-53-60>

EDN: ICUUNJ

Нормативно-правовое закрепление принципов медиативного спороразрешения в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспективы развития

И.В. Елизаров , А.А. Юренко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ yelizarov1966@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальная система нормативно-правового регулирования медиации в России демонстрирует множество проблем в области регламентирования порядка проведения медиации, предъявления формальных требований к деталям мирного спороразрешения, стандартизации и сертификации уровня подготовки медиаторов, что говорит о необходимости совершенствования законодательных норм. В этой связи целью данной работы является исследование законодательных пробелов в области регулирования медиации в Российской Федерации для преодоления несогласованности в теоретических предписаниях и практических результатах медиативного спороразрешения.

Материалы и методы. Методология исследования включает в себя анализ, структуризацию и систематизацию отечественных и международных правовых основ, закрепляющих релевантные нормативные требования к процедуре медиации. Теория регулирования предлагает инструментарий для изучения и разработки регулятивных подходов к медиации, отражает, как различные уровни регулирования могут решать проблему противоречия между свободой и нормативно-правовыми ограничениями. Реализация многоуровневого подхода к регулированию медиации сочетает в себе формальные и неформальные регулятивные механизмы с наличием эффективных методов оперативного и рефлексивного анализа.

Результаты исследования. Выявлены следующие пробелы нормативно-правового регулирования медиации в России: отсутствие ясности в формулировании требований к оформлению соглашения по проведению процедуры; нехватка нормативно-правовых уточнений касательно порядка проведения процедуры медиации; недостаточность законодательных требований к квалификации специалистов-медиаторов; ненадежность защиты конфиденциальности данных и др. Обоснована необходимость исследования успешного зарубежного опыта в этой сфере, однако первым шагом на пути совершенствования правовой политики в области медиации должно стать внесение изменений в нормативные правовые акты РФ. Необходимым условием считается определение условий саморегулирования на базе объединений медиаторов или уполномоченных организаций. Следующий этап – стандартизация и сертификация медиаторов, оценка их профильной подготовки и профессионального опыта. Заключительный этап – формирование медиативной культуры и популяризация медиации среди населения страны.

Обсуждение и заключение. Достижение положительных результатов развития медиации в России невозможно в условиях жестких нормативно-правовых ограничений. Эффективные регулятивные процессы должны сохранять гибкость и адаптивность, иметь экономическую поддержку и достаточную свободу для саморегулирования деятельности медиаторов.

Ключевые слова: медиация, нормативно-правовое регулирование, мирное спороразрешение, медиативная культура, саморегулирование, правоотношения, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Елизаров И.В., Юренко А.А. Нормативно-правовое закрепление принципов медиативного спороразрешения в Российской Федерации: актуальные проблемы и перспективы развития. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(2):53–60. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-53-60>

Original Theoretical Research

Stipulation of Mediation as Dispute Resolution Principle in the Legal Framework of the Russian Federation: Topical Problems and Development Prospects

Igor V. Elizarov , Anastasia A. Yurenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 yelizarov1966@yandex.ru

Abstract

Introduction. Within the existing legal framework of the Russian Federation, there arise numerous challenges with regard to regulation of mediation procedure, setting formal requirements to the details of amicable dispute settlement, and standardization and certification of mediation experts' qualification level, which indicates the need to improve the legislative rules. Therefore, the aim of the article is to study the legislative gaps in legal regulation of mediation in the Russian Federation to overcome the inconsistencies between the theoretical provisions and practical results of mediation dispute resolution.

Materials and Methods. The research methodology included the analysis, structuring, and systematization of national and international legal principles stipulating relevant regulatory requirements to mediation procedure. The regulatory theory offers the tools for studying and developing the regulatory approaches to mediation; it reflects the ability of different levels of regulation to resolve the conflict between the freedom and normative-legal restraints. Implementation of a multi-level approach to regulation of mediation procedure combines formal and nonformal regulatory mechanisms that include the efficient methods of operational and reflective analysis.

Results. The following gaps in legal regulation of mediation procedure in the Russian Federation have been identified: vaguely formulated requirements to compiling an agreement on implementation of the procedure; a lack of normative-legal procedural guidelines for the implementation of mediation; insufficiently clear legislative requirements to the qualification of mediation experts; unreliable protection of data privacy, etc. The need to study successful foreign practices in this field has been substantiated; however, the first step to improve the legal policy in the field of mediation should be the adoption of amendments to the laws of the Russian Federation. The opportunity for the mediators' associations or authorised organisations to determine conditions for self-regulation is considered a necessary prerequisite. The next step is the standardization and certification of mediators' qualification, and assessment of their sector-specific training and professional experience. The final step is formation of the mediation culture and promotion of mediation dispute resolution among the population of the country.

Discussion and Conclusion. Under the rigid regulatory restraints, achievement of positive results in development of mediation in Russia is impossible. To be efficient, the regulatory processes must remain flexible and adaptable, have economic support, and enough freedom for mediators to self-regulate their activity.

Keywords: mediation, normative-legal regulation, amicable dispute settlement, mediation culture, self-regulation, legal relationships, the Russian Federation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Elizarov IV, Yurenko AA. Stipulation of Mediation as Dispute Resolution Principle in the Legal Framework of the Russian Federation: Topical Problems and Development Prospects. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):53–60. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-53-60>

Введение. Растущая популярность института медиации по всему миру обуславливается эффективностью альтернативного спороразрешения, противопоставленного традиционным силовым методам наказания и уголовной ответственности [1]. Применение мирных переговоров с привлечением стороннего лица, разрешающего конфликт, в качестве превентивной меры гражданского и уголовного законодательства получило свое развитие «в странах англосаксонского права во второй половине XX века» [2, с. 187], а в Россию пришло лишь в начале XXI в., что объясняет недостаточную изученность и ограниченную законодательную оформленность принципов медиативного сопровождения в нашей стране.

По своей сути медиация – это наиболее выгодный с точки зрения экономики механизм урегулирования споров, т. к. привлечение независимого и беспристрастного посредника позволяет участвующим сторонам

предотвратить или разрешить конфликт, учитывая их интересы и избегая длительных судебных разбирательств. Медиация может использоваться для решения широкого спектра споров. В коммерческом праве ее применение приносит такие значительные преимущества, как упрощение администрирования международных и внутригосударственных сделок и снижение числа случаев, когда спор приводит к прекращению коммерческих отношений¹. В гражданских процессах медиация применяется с целью разрешения трудовых споров и конфликтных ситуаций, вытекающих из семейных правоотношений (бракоразводный процесс, деление имущества, вопросы опекуна и т. д.).

Несмотря на многочисленные выгоды и преимущества медиативного спороразрешения, посредничество не является формальным процессом, поэтому, в отличие от судебных дел, не всегда опирается на нормативно продуманные комплексы правил, форм и процедур. Поскольку практическая эффективность медиации во многом зависит от надежных правовых основ, обеспечивающих объективность и последовательность урегулирования конфликтов, наблюдается острая необходимость в систематизации норм правового уточнения и закрепления вариативных процессов медиативного спороразрешения.

Цель данной работы – исследование законодательных пробелов в области регулирования медиации в Российской Федерации для преодоления несогласованности в теоретических предписаниях и практических результатах медиативного спороразрешения.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), профессиональный стандарт «Специалист в области медиации», международные нормативные документы (типовой закон ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре, Сингапурская конвенция о медиации (Конвенция ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации) и др.), актуальные научные публикации.

Методология исследования включает в себя анализ, структуризацию и систематизацию отечественных и международных правовых основ, закрепляющих релевантные нормативные требования к процедуре медиации: компаративный анализ позволил концептуализировать данное понятие в правовой среде; систематический подход заложил фундамент для сравнительных исследований, которые академически обосновываются одновременно с точки зрения теории и практики. Посредством применения теории регулирования [3] определены типы регулирования, нормативные формы и подходы, наиболее часто используемые в отношении посредничества, а также классификационные схемы, отражающие функциональное содержание медиации. Кроме того, теория регулирования объясняет, как различные уровни регулирования могут решать проблему противоречия между свободой и нормативно-правовыми ограничениями. Обосновано применение многоуровневого подхода к регулированию медиации – сочетание формальных и неформальных регулятивных механизмов с наличием эффективных методов оперативного и рефлексивного анализа: в динамично развивающейся правовой среде необходимым условием является адаптивность, позволяющая пересматривать и модифицировать комплекс мер медиации к меняющимся нормативным обстоятельствам.

Результаты исследования. Система нормативно-правового регулирования медиации структурирует многочисленные процессы посредничества: назначение медиатора и определение его квалификации, административные вопросы медиации, внутренние протоколы, вопросы взаимодействия сторон конфликта и многое другое. Однако требование гибкости и свободы медиативного процесса поднимает проблему соотношения моральных основ посредничества (добросовестность и беспристрастность специалистов, сохранение конфиденциальности, равноправное сотрудничество сторон, независимость решений посредников [4]) и нормативных предписаний, регламентация которых недостаточно проработана, что приводит к множеству противоречий в медиативной деятельности.

В процессе изучения и анализа международных и отечественных нормативных актов, а также актуальных исследований в области медиации, мы обнаружили следующие регулятивные пробелы:

1. Отсутствие точности и ясности в формулировании требований к оформлению соглашения по проведению процедуры [5] – решение прибегнуть к услугам посредника с целью эффективного спороразрешения мирным путем выносится исключительно участниками конфликта, которые могут обойти любые ведомственные подразделения и лично определить порядок проведения медиации. Это обусловлено отсутствием в Федеральном законе

¹ UNCITRAL. Notes on Mediation. United Nations Commission on International Trade Law. English, Publishing and Library Section, United Nations Office at Vienna. December 2021. P 21.

от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) предписаний о необходимости составления договоров или иных документов самим медиатором или организацией, предоставляющей услуги посредника.

2. Нехватка нормативно-правовых уточнений касательно порядка проведения процедуры медиации – согласно Закону о медиации, порядок проведения, сроки и особенности процедуры определяются соглашением сторон, что не раскрывает в полной мере принципы посредничества [5] и не позволяет отслеживать качество реализуемых услуг.

3. Ограничение возможностей суда в участии, инициации и корректировании процедуры медиации – «нормы Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ затрудняют активные действия суда в данном вопросе в связи с опасениями, что усилия судьи по предложению и рекомендации применения процедуры медиации могут быть истолкованы как основание для отвода судьи» [5, с. 100].

4. Недостаточность законодательных требований к квалификации специалистов-медиаторов – согласно предписаниям профессионального стандарта «Специалист в области медиации», фундаментом для реализации услуг посредника является наличие диплома бакалавра в области права и опыт работы не менее двух лет. Тем не менее практика показывает, что необходимо также наличие профильного образования в сфере медиации, навыков ведения деловой коммуникации, а также фундаментальных знаний в области психологии и конфликтологии.

5. Ненадежность защиты конфиденциальности данных – в процессе медиации посредник становится поверенным лицом каждой из сторон, вследствие чего на него ложится обязанность сохранения конфиденциальности частной информации, однако законодательство позволяет раскрывать данные в случае возвращения к судебному процессу [6]. Более того, проблема личной ответственности и соответствующего наказания за распространение медиатором частной информации не регламентируется ни Уголовным кодексом РФ, ни Кодексом об административных правонарушениях, в связи с чем нерешенным остается вопрос о привлечении медиатора к ответственности и исполнении должного наказания.

6. Законодательное разграничение медиативного и мирного соглашений – в соответствии с Законом о медиации и ГПК РФ обозначенные процедуры относятся к категории альтернативного урегулирования споров, вследствие чего происходит смешение данных понятий, в частности при проведении медиации после начала судебного разбирательства [5]. В данном случае медиативное соглашение может считаться мировым в соответствии с процессуальным законодательством.

Выявленные пробелы и противоречия законодательного оформления процесса медиации не только осложняют ее проведение, но и укрепляют недоверие россиян к данному методу спороразрешения. Между тем медиация хорошо зарекомендовала себя в ряде развитых государств (страны Европы, Северной Америки, Австралия и т. д.) и, по данным актуальных эмпирических исследований, проведенных с 2022 по 2025 гг., становится все более популярным и предпочтительным методом альтернативного разрешения споров, позволяющим экономить время и средства [7]. Транснациональная имплементация положений Сингапурской конвенции ООН о медиации позволяет эффективно решать коммерческие, семейные и трудовые споры посредством следующих механизмов: 1) правовое внедрение обязательной медиации для управления задержками в судебных разбирательствах; 2) коммерческое использование посредничества с целью исключения длительных публичных судебных процессов; 3) ассимиляции цифровых технологий – использование онлайн-платформ (онлайн-медиация) для разрешения споров, и многое другое [7]. Что касается Российской Федерации, то пока на ее территории отмечается «слабая осведомленность граждан о возможностях использования процедуры медиации, о ее структуре и особенностях; низкий уровень современной медиативной практики в стране; в России на сегодняшний день суды «завалены» исками, в то время как медиация вполне могла бы конструктивно решать многие социальные проблемы» [8, с. 120].

Юрисдикции разных государств могут продемонстрировать обширный опыт законодательного подкрепления. Посредничество в англо-американских юрисдикциях, как правило, следует смешанному подходу к регулированию, который включает различные законодательные, коллективные саморегулирующие, судебные и коммерческие элементы [9]. В западных странах регулирование медиации характеризуется секторальным законодательством и судебным регламентом по разрешению споров, в дополнение к саморегулированию на организационном уровне. Такой подход поддерживает разнообразие практики медиации по секторам, стремясь при этом к единообразию в соответствующей сфере [3]. Закон о единообразном регулировании медиации в США представляет собой попытку поощрить единообразие в законодательстве штатов в отношении ограниченных аспектов медиации, таких как конфиденциальность, этичность, гуманность [3]. В рамках крупных коммерческих споров популярностью пользуется сочетание коллективного саморегулирования и подхода, основанного на рыночных договорах. Смешанный подход к регулированию использует и Австралия: формальный законодательный принцип устанавливает несколько вариативных законов, регулирующих медиацию, однако

процесс регламентации базируется на отраслевой основе (решение семейных споров является примером отраслевого законодательного подхода) [10].

Отдельного внимания требует принцип саморегулирования деятельности медиаторов. Эффективным примером является опыт Австралии, где введение национальных стандартов аккредитации медиаторов (AMDRAS) ознаменовало появление национального коллективного подхода к регулированию уровня аккредитации медиаторов и кодекса их практики [3]. Важно отметить, что такая система не препятствует работе медиаторов вне рамок стандартов, однако «большинство судов, крупных корпораций, государственных ведомств, отраслевых схем медиации и финансируемых государством служб посредничества требуют от медиаторов соблюдения схемы аккредитации» [3, с. 12-13].

В европейских странах традиционно наблюдается тенденция к реализации законодательного регулирования: большинство европейских демократий принимают законопроекты о медиации на основе общего и гражданского права с целью развития медиативной практики и культуры медиации [11]. Идея развития медиативной культуры «консолидирует обширные гуманитарные и правовые знания различных наук, в том числе педагогики и гуманистической психологии, основывается на идеях гуманизма и нравственности, отражает их как в своем внешнем (процедурном) плане, так и во внутренней логике культуры» [12, с. 61]. В дополнение к этому медиативная культура способствует популяризации процедуры медиации среди населения, тем самым минимизируя количество долгосрочных судебных разбирательств и упрощая процессы гражданско-правовых взаимодействий.

Таким образом, современные модели регулирования, основанные на передовом опыте, рекомендуют сочетание частных и государственных механизмов на регулируемых рынках с высокой степенью реагирования на потребности общества, гражданские и коммерческие интересы и социально-экономические изменения. Эксперты также предполагают, что гибкость регулятивных процессов, обусловленная комбинацией подходов совместного регулирования (законодательное, социокультурное, организационное саморегулирование), способствует повышению эффективности, выходящей за рамки простого соблюдения правовых требований [13]. Другими словами, частное участие в определении мер регулирования не только повышает осведомленность, понимание и соблюдение требований, но и поддерживает стремление к достижению передового опыта на регулируемом рынке юридических услуг. В качестве примера можно привести рекомендации Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по использованию инноваций в процессе реализации медиативных процедур [3]. Эти указания одобряют применение инструментов саморегуляции в качестве дополнения к другим нормативным инструментам при условии, что соответствующие результаты могут надлежащим образом отслеживаться правовыми органами [3]. Соответственно, законодательные директивы устанавливают формальные параметры, в рамках которых сообщество медиаторов может регулировать различные аспекты медиации. Директива определяет медиацию, тем самым устанавливая ее сферу действия, и выделяет аспекты медиации, которые требуют регулирования со стороны государства, но, с другой стороны, поощряет медиаторов и организации-провайдеры к соблюдению добровольных кодексов медиаторов и других механизмов внутреннего контроля качества.

Отсюда следует, что первым шагом на пути совершенствования правовой политики РФ в области медиации должно стать внесение изменений в нормативные правовые акты, регулирующие процесс посредничества в стране, с целью обнаружения баланса в процедурах законодательного регламента и саморегулирования. «В соответствии с опытом ряда зарубежных стран, эту функцию могли бы выполнять объединения медиаторов (саморегулируемые организации) или уполномоченные ведомства, которые могли бы разработать типовые или рекомендуемые правила проведения процедуры медиации» [5].

Изменения в Законе о медиации и корректировки статей ГПК РФ должны затронуть не только условия и детали проведения медиации, заключения договора и порядка утверждения результатов, но также процессы судебного спороразрешения, «предоставив суду право в ходе подготовки дела направлять участников спора на информационную встречу с медиатором, во время которой им необходимо разъяснить преимущества медиации по сравнению с судебным разбирательством и предложить им принять участие в примирительной процедуре» [14, с. 18]. В данном направлении многие исследователи предлагают установить обязательность проведения досудебной медиации в качестве альтернативного решения спора, однако мы склоняемся к тому, что «обязательность медиации возможна лишь по отдельным категориям дел, которая к тому же может быть подлинно успешной лишь при ее финансировании государством для обеспечения первоначальной доступности медиативных процедур для сторон правового спора» [14, с. 17-18].

Следующим этапом является усиление внимания к профильному обучению и непрерывному профессиональному развитию специалистов в области медиации. Регулярные семинары и курсы повышения квалификации позволяют медиаторам оттачивать свои навыки разрешения конфликтов и ведения переговоров, а также быть в курсе

правовых рамок медиации. Такое непрерывное образование способствует формированию культуры профессионализма в сообществе медиаторов. Законодательное закрепление данных принципов возможно за счет принятия обновленных законов о сертификации и стандартизации практики медиаторов на уровне государственного регулирования, в сфере саморегулирования сообщества медиаторов могут принимать собственные отраслевые стандарты и этические кодексы [15].

Культурная осведомленность играет важную роль в процессе медиации. Специалисты должны учитывать разнообразную социокультурную принадлежность участников спора, чтобы действовать эффективно. Если все участники чувствуют свою ценность, это способствует выстраиванию более продуктивного диалога. Данное уточнение приводит нас к следующему этапу – формирование медиативной культуры в качестве «комплекса знаний, убеждений и установок личности, основанных на осознании и принятии принципов и методов медиации, ориентирующих человека на гуманистический характер участия в профилактике и урегулировании конфликтов, определяющих гуманистическое сознание личности и выражающихся в способности выстраивать конструктивную коммуникацию с участниками конфликта и медиативной процедуры» [12, с. 63]. Логичным итогом повышения медиативной культуры станет популяризация процедур судебного и альтернативного спороразрешения среди россиян.

Обсуждение и заключение. Внедрение эффективных механизмов медиации требует глубокого понимания процессуальной целостности, прозрачности и гибкости. В процессе трансформации и развития института посредничества необходимо уделять пристальное внимание ясности процедуры медиации, обеспечивая при этом надлежащую информированность и представительство всех сторон. Установление четких руководящих принципов создает структурированную среду, способствующую мирному урегулированию конфликтов.

Изменение ландшафта международного разрешения споров требует всестороннего понимания правовых рамок медиации. Эти рамки имеют решающее значение для обеспечения эффективной, справедливой и учитывающей культурные особенности практики медиации в разных странах. Поскольку сегодня медиация рассматривается как жизнеспособная альтернатива судебному разбирательству, создание гибких правовых рамок становится первостепенной задачей. Придерживаясь предложенных нами рекомендаций, можно усовершенствовать процедуры медиации на территории России, минимизировать количество долгосрочных судебных разбирательств, развить медиативную культуру среди населения и наладить систему гармоничных правоотношений.

Правила организации медиации значительно различаются в разных странах: некоторые страны делают акцент на структурированном законодательном регулировании, другие формируют системы саморегулирования медиации, третьи предлагают финансовую поддержку и бесплатные услуги медиации, – тем не менее большинство стран сообщают о положительных результатах своих программ. Проанализировав их опыт, мы считаем, что для достижения таких положительных результатов медиативные услуги не могут быть ограничены жесткими нормативно-правовыми рамками, а должны сохранять гибкость реакции на особенности конкретного спора. Гибкость концепции является центральной характеристикой, которая не только отвергает категоричные процедуры, но и требует специализированного образования объединений медиаторов со своей внутренней экспертизой, сертификацией и стандартизацией.

В заключение важно отметить, что, по данным Министерства экономического развития РФ, на сегодняшний день разрабатывается законопроект по совершенствованию регулирования медиации с уточнением положений о саморегулировании организаций, обязательности проведения досудебной медиации, формировании реестра медиаторов, учитывающего обновленные стандарты оценки квалификации и профессионализма специалистов. В связи с чем актуально проведение дальнейших исследований в области оценки эффективности обновленной системы нормативно-правового регулирования медиации.

Список литературы / References

1. Корнакова С.В., Мищенко Е.В., Мишин В.В. Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;15(4):176–186. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.176-186>

Kornakova SV, Mishchenko EV, Mishin VV. Application of Mediation Procedures in the CIS Countries: Comparative Legal Analysis. *Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(4):176–186. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.113.4.176-186>

2. Гюльметова А.Р., Джумагишиева З.А. Развитие института медиации в мире. *Молодой ученый*. 2021;50(392):187–188.

Gulmetova AR, Dzhumagishieva ZA. Development of the Institution of Mediation in the World. *Young Scientist*. 2021;50(392):187–188. (In Russ.)

3. Alexander NM. Comparative Mediation Law Mapping Mediation Law with the Mediation Matrix. In: Hess B, Woo M, Cadiet L, Menétréy S, García EV (Eds). *Comparative Procedural Law and Justice (Part XV Chapter 4)*. 2024. <https://doi.org/10.2139/ssrn.5064114>
4. Салко Л.М. К вопросу об актуальных проблемах института медиации в России. *E-Scio*. 2022;2(65):371–377. Salko LM. On the Issue of Current Problems of the Institution of Mediation in Russia. *E-Scio*. 2022;2(65):371–377. (In Russ.)
5. Тюльканов С.Л., Никитина И.Б., Геворкова К.В. Проблемы применения законодательства о медиации при организации и проведении процедуры медиации. *Современное право*. 2016;(7):98–110. Tyulkanov SL, Nikitina IB, Gevorkova KV. Problematic Issues of Application of Legislation on Mediation while Organizing and Carrying out Mediation Procedure. *Sovremennoe Pravo (Modern Law)*. 2016;(7):98–110. (In Russ.)
6. Пасынкова Е.М., Переберина И.Е. Проблемные аспекты конфиденциальности медиаторов. *E-Scio*. 2022;12(75):525–531. Pasyukova EM, Pereberina IE. Problematic Aspects of Mediators' Confidentiality. *E-Scio*. 2022;12(75):525–531. (In Russ.)
7. Gordon Ch. Trends in International Mediation: Growth of Judicial and Mandatory Mediation. *London International Dispute Week*. 2023. URL: <https://lidw.co.uk/trends-in-international-mediation-growth-of-judicial-and-mandatory-mediation> (accessed: 02.02.2026).
8. Гиваргизова Н.А. Востребованность института медиации в современной России. *Социологическая наука и социальная практика*. 2024;12(1):120–135. <https://doi.org/10.19181/zpzz.2024.12.1.6> Givargizova NA. The Relevance for the Institute of Mediation in Modern Russia. *Sociological Science and Social Practice*. 2024;12(1):120–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/zpzz.2024.12.1.6>
9. Helmut K, Kuhlmann A. Mediation in Germany and Other Western Countries. *Kriminologijos Studijos*. 2017;4(4):5. <https://doi.org/10.15388/CrimLithuan.2016.4.10726>
10. Trede R, Rangel L. Mediation and Conciliation: What is the Best Option? *Seven Editoria*. 2023. <https://doi.org/10.56238/tfisdwv1-171>
11. Zalar A. *Towards Primary Dispute Resolution System: Global Trends in Civil and Family Mediation: An Overview of Best Practice in Europe*. Hague: Conflicthuntering; 2006. <http://cameraarbitrale.odcmi.it/allegati/utenti/ZalarI.pdf> (accessed: 05.02.2026).
12. Смолянинова О.Г., Иванов Н.А. Медитативная культура как компонент гуманитарного сознания личности. *Управление образованием: теория и практика*. 2022;3(49):59–69. Smolyaninova OG, Ivanov NA. Meditative Culture as a Component of the Humanitarian Consciousness of the Individual. *Education Management Review*. 2022;3(49):59–69. (In Russ.)
13. Gunningham N, Grabosky P, Sincalir D. *Smart Regulation: Designing Environmental Policy*. Oxford Socio-Legal Studies. Clarendon Press; 1998. 494p. <https://doi.org/10.22459/RT.02.2017.08> .
14. Цукарев А.Е. Проблемы и перспективы медиации в России. *E-Scio*. 2021;2(53):13–20. Tsukarev AE. Problems and Prospects of Mediation in Russia. *E-Scio*. 2021;2(53):13–20. (In Russ.)
15. Pinho H. The Legal Framework of Mediation in Brazilian Law. *PBL. Year 2*. 2014;(2):113–141.

Об авторах:

Игорь Владимирович Елизаров, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ResearcherID](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), yelizarov1966@yandex.ru

Анастасия Александровна Юренко, преподаватель кафедры «Процессуальное право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), boga4u4ka28@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

И.В. Елизаров: формирование методологии исследования, подготовка текста, формулирование выводов.

А.А. Юренко: формирование основной концепции, анализ результатов исследования, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Igor V. Elizarov, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ResearcherID](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), yelizarov1966@yandex.ru

Anastasia A. Yurenko, Lecturer of the Procedural Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), boga4u4ka28@gmail.com

Claimed Contributorship:

IV Elizarov: development of research methodology, preparing the text, formulating the conclusions.

AA Yurenko: formulating the main concept, analysis of research results, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 18.03.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 08.04.2026

Принята к публикации / Accepted 17.04.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 343.1

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-61-65>

Проблематика заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования в Российской Федерации

EDN: BHDVEQ

А.А. Величко ✉, Р.А. Левина

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ nastja758@yandex.ru

Аннотация

Введение. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве вызывает много споров в современном уголовном праве России. Введенный для улучшения раскрываемости преступлений и борьбы с организованной преступностью, данный институт, к сожалению, создает некоторые проблемы с применением закона на стадии предварительного расследования. Нечеткое законодательное регулирование процедуры заключения соглашения, слабая защита прав участников процесса и скрытый характер нарушений требуют тщательной проработки. Цель статьи – выявить основные проблемы, возникающие при заключении и исполнении досудебного соглашения о сотрудничестве на этапе предварительного расследования, а также предложить пути улучшения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались положения Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, а также материалы следственно-судебной практики. Применялись общенаучные (диалектический, анализ, синтез) и специальные юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический).

Результаты исследования. Проведен анализ статистических данных по применению гл. 40.1 УПК РФ, который показал тенденцию к уменьшению числа заключаемых соглашений. Выявлены основные проблемы, возникающие при заключении и исполнении досудебного соглашения о сотрудничестве на этапе предварительного расследования: неясность в определении момента заключения соглашения, неурегулированность процессуального статуса подозреваемого, риск дачи ложных показаний в отношении невиновных лиц со стороны обвиняемого, а также отсутствие механизмов проверки информации, предоставляемой следователем. Обобщенно описан типичный участник досудебного соглашения и предложены варианты для совершенствования правового регулирования этого института.

Обсуждение и заключение. Выводы, предложения и рекомендации, содержащиеся в данной работе, обладают теоретической и практической значимостью для оптимизации процедуры заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и повышения эффективности предварительного расследования.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка с правосудием, предварительное расследование, следователь, прокурор, защита прав, уголовный процесс, особый порядок рассмотрения дела, оговор, процессуальные гарантии, выделение уголовного дела, прокурорский надзор, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Величко А.А., Левина Р.А. Проблематика заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(2):61–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-61-65>

Problematic Issues in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement at the Preliminary Stage of Investigation in the Russian Federation

Anastasia A. Velichko ✉, Raisa A. Levina

Don State Technical University, Russian Federation, Rostov-on-Don, pl. Gagarina, 1

✉ nastja758@yandex.ru

Abstract

Introduction. The institute of pre-trial cooperation agreement is a subject of much debate in the contemporary Criminal Law of the Russian Federation. Having been implemented to improve the crime clearance and combat organised crime, this institute unfortunately creates certain problems in the application of law at the preliminary stage of investigation. Unclear legal regulation of the agreement conclusion procedure, weak protection of the rights of the parties to the proceedings, and hidden nature of violations require a thorough study. The aim of the article is to identify the main problems arising in the frame of conclusion of the pre-trial cooperation agreement at the preliminary investigation stage and its pursuance, as well as to propose the ways to improve the criminal procedural law in the Russian Federation.

Materials and Methods. The study was based on the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (CPC) and Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, statistical data of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as investigative and judicial practice materials. Within the study, general scientific methods (dialectical method, analysis, synthesis) and specific legal methods (dogmatic, comparative-legal, and statistical) were used.

Results. The analysis of statistical data on the application of Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation revealed a downward trend in the number of agreements concluded. The following main problems arising in the frame of conclusion of the pre-trial cooperation agreements at the preliminary investigation stage and its pursuance were identified: unclear moment-definition of agreement conclusion, unresolved procedural status of the suspect, the risk of false testimony against the innocent persons on the part of the accused, and the lack of mechanisms for verifying the information provided by the investigator. General description of a typical participant of a pre-trial agreement was provided, and options for improving the legal regulation of this institution were proposed.

Discussion and Conclusion. The conclusions, proposals and recommendations presented in the article have theoretical and practical significance for optimizing the procedure of the pre-trial cooperation agreement conclusion and for increasing the efficiency of the preliminary investigation.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, plea bargain, preliminary investigation, investigator, prosecutor, protection of rights, criminal proceedings, special procedure, false accusation, procedural safeguards, separation of a criminal case, procuracy supervision, the Russian Federation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Velichko AA, Levina RA. Problematic Issues in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement at the Preliminary Stage of Investigation in the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):61–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-61-65>

Введение. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в России с целью повышения универсальности и эффективности уголовного процесса по примеру успешных элементов сделки с правосудием англосаксонской судебно-правовой модели. После принятия Федерального закона от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УПК РФ¹ был дополнен главой 40.1, закрепившей порядок заявления, рассмотрения ходатайства о досудебном соглашении, порядок проведения предварительного следствия и судебного заседания в отношении лиц, заключивших такое соглашение. Прогнозирование последствий применения нового института включало в себя, помимо прочего, повышение раскрываемости и качества расследования в отношении преступлений коррупционной направленности, а также преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами за счет поощрения сотрудничества участников данных групп со следствием.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ от 18.12.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942&ysclid=mqqm11157j914168036> (дата обращения: 01.04.2026).

Однако опыт применения данных норм выявил ряд вопросов правоприменения, возникающих особенно остро на стадии предварительного расследования. Различная от следствия к следствию практика выявила ряд пробелов в законодательстве, что, в связи со сложившейся системой уголовного процесса, приводит к нарушению прав подозреваемых или обвиняемых, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, лиц в отношении которых предоставляются сведения, имеющие значение для расследования преступления, и иных участников процесса. Обратит внимание на эти недочеты необходимо в первую очередь по той причине, что они напрямую влияют на качество, оперативность и количество оговоренной выше категории преступлений. Так, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, число уголовных дел, рассмотренных в особом порядке при заключении досудебного соглашения, остается относительно невысоким и имеет тенденцию к снижению. При этом анализ данных дел указывает на формальный подход к процедуре: число отказов прокурора от утверждения обвинительного заключения и количество выявленных нарушений на стадии предварительного следствия [1]. Данные могут говорить не только о качестве работы следователей, но также о латентности процессуальных нарушений, их активном сокрытии.

Цель статьи – выявить основные проблемы, возникающие при заключении и исполнении досудебного соглашения о сотрудничестве на этапе предварительного расследования, а также предложить пути улучшения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужили положения Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ, Постановления Пленума Верховного Суда РФ, статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2022 – первое полугодие 2025 гг., материалы следственно-судебной практики (определения и постановления судов кассационной и апелляционной инстанций), а также работы ведущих специалистов в области процессуального права. Были использованы следующие методы: анализ норм УПК РФ, сравнение разных подходов к регулированию досудебных соглашений, статистический метод для обработки данных, а также метод экспертных оценок для определения типичных ошибок.

Результаты исследования. Особенности досудебного соглашения позволяют выделить его в отдельный правовой институт. К таким особенностям можно отнести сочетание элементов публичного и диспозитивного начал [2]. Ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении соглашения со следствием является первым этапом в указанной процедуре. Первая проблема: законодатель не определяет возможность подачи ходатайства лицом, чей процессуальный статус еще не определен (например, задержанным, но еще не допрошенным в качестве подозреваемого) [3].

Динамика применения норм гл. 40.1 УПК РФ за период 2022 – первое полугодие 2025 гг. представлена на рис. 1.

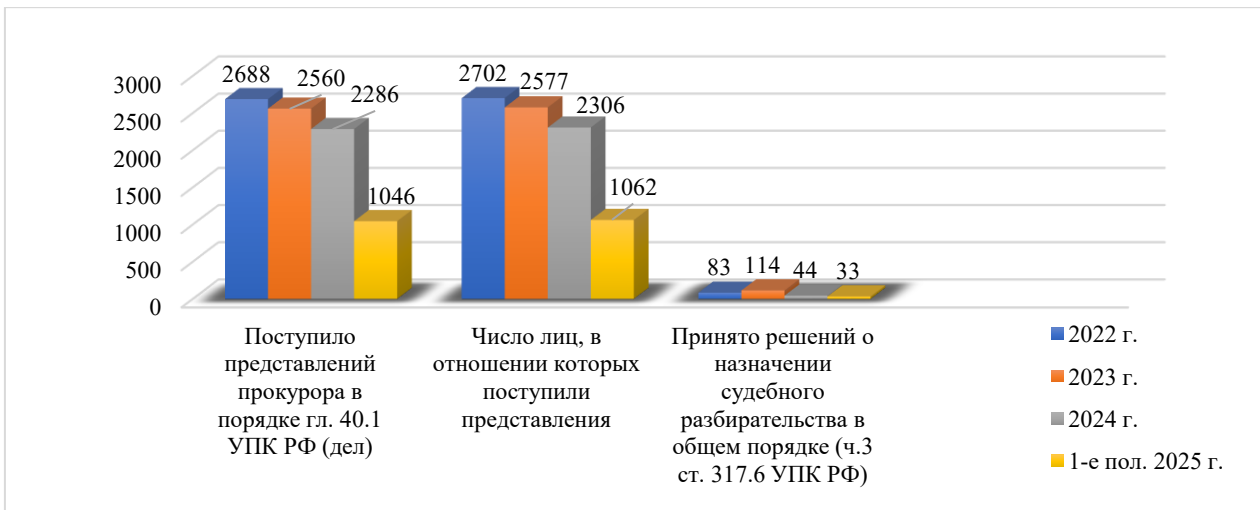

Рис. 1. Применение досудебного соглашения о сотрудничестве в России (2022 г. – первое полугодие 2025 гг.)²

Данные из рис. 1 показывают, что количество выделенных дел меньше количества заключенных соглашений непосредственно с лицами. Это значит, что часть соглашений расторгается или не приводит к выделению дела и отдельному расследованию в отношении сотрудничающего лица, что ставит под сомнение реализацию принципа сотрудничества. Наблюдается тенденция к уменьшению числа дел, по которым применяются условия досудебного соглашения.

Анализ литературы и практики позволил выделить пять ключевых проблемных блоков при заключении досудебного соглашения на стадии предварительного расследования:

² Разработано авторами на основании данных Судебного Департамента при Верховном Суде РФ.

1. Момент заключения и состав участников. Согласно ст. 317.1 УПК РФ, ходатайство подается с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия³. При этом нет четкого механизма действий следователя при получении ходатайства от лица, в отношении которого ведется оперативно-розыскная деятельность, но процессуальный статус не закреплен [4].

2. Риск оговора и самоговора. Обвиняемый, чтобы смягчить наказание, дает показания, изобличающие других участников, но их достоверность не проверяется. У следователя отсутствует обязанность использования инструментов проверки информации с помощью следственных действий (очные ставки, проверка показаний на месте, оперативные данные), поэтому в основе обвинения могут быть неподтвержденные данные.

3. Вопросы прокурорского надзора и ведомственного контроля. Прокурор выносит постановление об удовлетворении ходатайства о заключении соглашения, но он не участвует в расследовании и не может оценить полноту и правдивость сведений, которые предоставляет подозреваемый. Утверждение соглашения становится формальной процедурой [5].

4. Предмет соглашения не определен. В законе не сказано, какое содействие следствию должен оказать обвиняемый. Возникают споры о том, считается ли исполнением условий соглашения дача признательных показаний только в отношении себя, или требуется помощь в изобличении других лиц.

5. Процессуальная незащищенность разоблаченных соучастников. Лица, в отношении которых дал показания сотрудничающий обвиняемый, не могут оспорить эти показания на стадии предварительного расследования, так как материалы выделенного дела могут быть им не доступны до окончания следствия.

На основе анализа уголовных дел составлен обобщенный портрет человека, заявляющего о заключении досудебного соглашения: мужчина 30–45 лет, обвиняемый в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления в составе группы лиц. Как правило, у него есть адвокат, ранее он не был судим или имеет погашенную судимость. Мотивация к сотрудничеству возникает после предъявления доказательств его вины [6].

Практика показала, что формальный подход к заключению досудебного соглашения, отсутствие четких критериев оценки сотрудничества и слабый ведомственный контроль создают условия для злоупотреблений. Снижение числа отказов говорит не о качестве, а скорее об общих интересах следствия и обвиняемого: следователь получает показания и закрывает дело, а обвиняемый «отделяется» минимальным сроком. При этом цели – изобличение организаторов и установление всех эпизодов преступной деятельности – часто не достигаются [7].

Предлагаются следующие пути профилактики нарушений и повышения эффективности института:

1. В законе закрепить список следственных и оперативно-розыскных мероприятий, которые должны быть проведены, чтобы проверить показания лица, заключившего соглашение.

2. Пересмотреть ответственность прокурора за утверждение необоснованных соглашений путем введения дисциплинарного реагирования в случае отмены приговора, вынесенного в особом порядке.

3. Предусмотреть возможность обжалования выделенных материалов заинтересованными лицами, в т. ч. другими обвиняемыми, на более ранних этапах расследования.

4. Поскольку в формировании практики применения правовых норм большую роль играет единообразие судебных решений, необходимо обобщение практики Верховным Судом РФ с дачей разъяснений для следователей и судей.

Обсуждение и заключение. Правовое закрепление института досудебного соглашения о сотрудничестве предполагало повышение эффективности работы правоохранительных органов в борьбе с организованной преступностью. Однако практика правоприменения показала наличие существенных недоработок в процедуре. К основным из них можно отнести неопределенность предмета соглашения, существенные риски оговора, отсутствие механизмов проверки сотрудничества и формальный характер прокурорского надзора. Стоит отметить, что снижение числа выявленных нарушений происходит не благодаря возрастающему качеству проведения предварительного расследования, а по причине тенденции к снижению общей массы заключаемых досудебных соглашений.

Разработанные нами предложения по совершенствованию процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве направлены на усиление правового регулирования рассматриваемого института. Данные предложения не только позволят повысить эффективность применения соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования, но также послужат в качестве профилактических мер по предотвращению нарушений в правоприменительной практике.

Список литературы / References

1. Александров А.С., Александрова И.А. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ. *Уголовный процесс*. 2009;(8(56)):3–11.

Aleksandrov AS, Aleksandrova IA. Pre-Trial Cooperation Agreement with the Investigation: Legal Nature and Issues of Interpretation of the Norms Included in Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Ugolovnyy protsess (Criminal Proceedings)*. 2009;(8(56)):3–11. (In Russ.)

³ О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 28.06.2012. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8303/?ysclid=mqmcc9an1679312715> (дата обращения: 01.04.2026).

2. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. *Уголовный процесс*. 2009;(10(58)):5–14.

Smirnov AV. Special Procedure for Making a Court Decision when Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Ugolovnyu protsess (Criminal Proceedings)*. 2009;(10(58)):5–14. (In Russ.)

3. Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения. *Уголовный процесс*. 2009;(9):3–7.

Karпов OV, Maslov IV. Pre-Trial Cooperation Agreement: Problems of Legal Regulation and Issues of Application. *Ugolovnyu protsess (Criminal Proceedings)*. 2009;(9):3–7. (In Russ.)

4. Чернякова С.А. Роль прокурора при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями*. 2024;(1):53–57.

Chernyakova SA. The Role of the Prosecutor in Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Current Issues in Combating Crime*. 2024;(1):53–57. (In Russ.)

5. Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М; 2020. 208 с.

Baev OYa. *Pre-Trial Cooperation Agreement: Legal and Forensic Problems and Their Possible Solutions: Monograph*. Moscow: Norma: INFRA-M; 2020. 208 p. (In Russ.)

6. Шадрин В.С. Актуальные проблемы доказывания по уголовным делам с досудебным соглашением о сотрудничестве. *Юридический вестник Самарского университета*. 2023;9(3):49–55. <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-3-49-55>

Shadrin VS. Topical Issues of Proving in Criminal Cases with a Pre-Trial Cooperation Agreement. *Juridical Journal of Samara University*. 2023;9(3):49–55. (In Russ.)

7. Комарова Л.Р., Колесов М.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам. *Российский журнал правовых исследований*. 2025;12(4):53–60. <https://doi.org/10.17816/RJLS695935>

Komarova LR, Kolesov MV. Pre-Trial Cooperation Agreement as a Basis for Special Procedure for Criminal Proceedings. *Russian Journal of Legal Studies*. 2025;12(4):53–60. (In Russ.)

Об авторах:

Анастасия Александровна Величко, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), nastja758@yandex.ru

Раиса Аркадьевна Левина, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), levina09011@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Величко: формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

Р.А. Левина: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anastasia A. Velichko, Senior Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), nastja758@yandex.ru

Raisa A. Levina, Senior Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), levina09011@mail.ru

Claimed Contributorship:

AA Velichko: formulating the main concept, preparing the text, formulating the conclusions.

RA Levina: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.05.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 28.05.2026

Принята к публикации / Accepted 04.06.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 343

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-66-73>

Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой аспект

EDN: EEIYHW

А.Ж. Киселева , Р.В. Киселев

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 kiseleva17@bk.ru

Аннотация

Введение. Преступления в сфере компьютерной информации являются наиболее динамично развивающейся уголовно-правовой категорией в условиях глобальной цифровизации. В Уголовном кодексе Российской Федерации существует отдельная глава, статьи которой устанавливают уголовную ответственность за преступные деяния, предметом посягательства которых выступает компьютерная информация. Актуальность данного исследования обусловлена возникающими проблемами в правоприменительной практике, различием научных позиций по квалификации анализируемых деяний и существующими пробелами уголовного законодательства РФ. Цель статьи – определение сущности компьютерных преступлений, анализ научных позиций и правоприменительной практики для выявления наиболее проблемных аспектов при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

Материалы и методы. Основу исследования составили УК РФ, нормативные правовые акты, регламентирующие общественные отношения в сфере охраняемой законом информации, материалы судебной практики, научные труды. В ходе исследования использовались формально-юридический, системно-структурный и правоприменительный методы.

Результаты исследования. Выявлено, что существующие сложности в квалификации преступлений в сфере компьютерной информации обусловлены их латентностью, высокой технологичностью и трансграничным характером. Терминологическая неопределенность уголовно-правовых характеристик деяний, закрепленных в гл. 28 УК РФ, и бланкетные диспозиции отдельных статей определяют значительный круг проблем для правоприменителя при квалификации. Анализ показал, что, в условиях стремительно усложняющихся способов совершения преступлений с помощью технологий искусственного интеллекта и нейросетей, большинство ученых склоняются к необходимости уточнения предмета посягательств и расширения перечня объектов анализируемых преступлений. Принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 в значительной степени обеспечило единообразный подход к рассмотрению уголовных дел судами, однако в полном объеме имеющиеся проблемы не разрешены.

Обсуждение и заключение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что проблемы квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации и преступлений, связанных с использованием вредоносных программ, обусловлены сложностью технической природы рассматриваемых деяний и постоянным развитием способов их совершения, несовершенством отдельных уголовно-правовых конструкций, отсутствием единообразного толкования ряда признаков состава преступления. Решение указанных проблем требует совершенствования уголовного законодательства и судебной практики, повышения качества экспертного обеспечения расследования компьютерных преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, сфера компьютерной информации, квалификация преступлений, объект и субъект преступления, судебная практика, Уголовный кодекс Российской Федерации

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Киселева А.Ж., Киселев Р.В. Преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовой аспект. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(2):66–73. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-66-73>

Original Theoretical Research

Cybercrimes: Criminal Law Perspective

Anna Zh. Kiseleva , Roman V. Kiselev

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 kiseleva17@bk.ru

Abstract

Introduction. In the context of global digitalization, cybercrimes are considered to be the most rapidly developing category in the criminal law. The Criminal Code of the Russian Federation includes a separate chapter with the articles stipulating criminal liability for encroachments upon computer information. The relevance of the study is underpinned by the challenges encountered during law enforcement, as well as by the divergence of scientific attitudes towards the qualification of the criminal acts under study, and the existing gaps in the criminal law of the Russian Federation. The aim of the article is to define the essence of cybercrimes, to analyse the scientific attitudes and law enforcement practices in order to identify the most problematic aspects in qualifying the cybercrimes.

Materials and Methods. The research was based on the study of the Criminal Code of the Russian Federation, legal acts regulating social relations on handling the information protected by law, judicial practice materials, and scientific publications. The research was carried out using the dogmatic, system-structural and law enforcement methods.

Results. It has been revealed that the existing difficulties in qualifying the cybercrimes stem from their latent, highly technological, and cross-border nature. The terminological ambiguity of the criminal-law definitions of the acts enshrined in Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation and the blanket disposition of certain articles lead to a significant number of difficulties for a law-enforcer to qualify these acts. The analysis has revealed that, in the context of rapid sophistication of crimes committed using artificial intelligence and neural networks, the majority of scholars tend to believe in the need to specify the subject of the criminal encroachment and expand the list of objects susceptible for committing the crimes under study. The adoption of the Resolution No. 37 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022, has to great extent ensured a uniform approach of the courts to consideration of such criminal cases; however, the existing problems have not been fully resolved.

Discussion and Conclusion. The findings obtained during the research indicate that the difficulties in qualifying unlawful access to computer information and crimes involving the use of malware stem from the technical complexity of the crimes under study and constant evolution of the methods of committing thereof, the imperfection of certain legal constructs of criminal law, and the lack of a uniform interpretation of the certain signs of corpus delicti. For solving the revealed problems, it is required to improve the criminal law and judicial practices, as well as enhance the quality of expert support of cybercrime investigations.

Keywords: cybercrimes, the sphere of computer information, qualification of crimes, object and subject of a crime, judicial practices, the Criminal Code of the Russian Federation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Kiseleva AZh, Kiselev RV. Cybercrimes: Criminal Law Perspective. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):66–73. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-66-73>

Введение. Компьютерные преступления в условиях глобальной цифровизации представляют собой одну из наиболее динамично развивающихся категорий современной преступности вследствие широкого распространения автоматизированных электронных систем, нейросетей, различных устройств коммуникации. Анализ уголовной ответственности за компьютерные преступления в разных государствах свидетельствует о значительном разнообразии подходов к определению этого вида преступлений. Впервые закон об ответственности за компьютерные преступления был принят в США в 1984 г., впоследствии неоднократно изменялся и дополнялся, на данный момент включен в виде отдельного параграфа Титула 18 Свода законов США. Законом были установлены уголовные санкции не только за неправомерный доступ, но и за выход за пределы разрешенного доступа к защищенной ЭВМ. При этом защищенная ЭВМ одновременно выступает и в качестве предмета преступного

деяния. В указанных нормах определены 7 составов преступных деяний, обусловленных несанкционированным доступом посредством ЭВМ к защищенным правительственным базам и системам, сведениям о финансовой информации потребителей, повреждением или уничтожением информации о защищенной ЭВМ, мошенническими действиями, шантажом и угрозами, совершаемыми с помощью ЭВМ, и др.

Вслед за США нормативные правовые акты, устанавливающие уголовную ответственность за преступления данного вида, были приняты Германией (УК ФРГ 1987 г.) и Великобританией (Закон о злоупотреблениях компьютерами 1990 г. и Закон о терроризме 2000 г.). Указанные государства не вывели данный вид преступлений в отдельные составы, фактически общеуголовные преступления квалифицируются как компьютерные, если совершены с использованием ЭВМ или предметом преступного посягательства является информация, защищаемая государством и хранящаяся в базах данных, электронных системах и т. д.

В России законодатель пошел по иному пути, закрепив в УК РФ главу 28, регламентирующую уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерной информации. Предметом указанных деяний выступает фактически любая компьютерная информация. Анализируемая глава расположена в разделе «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», т. е. законодателем подчеркивается значительная общественная опасность данных преступных посягательств [1].

Цель статьи – определение сущности компьютерных преступлений, анализ научных позиций и правоприменительной практики для выявления наиболее проблемных аспектов при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации.

Материалы и методы. Эмпирическую базу исследования составили: Уголовный кодекс РФ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, нормативные правовые акты, регламентирующие общественные отношения в сфере охраняемой законом информации, материалы судебной практики, научные публикации. Использовались формально-юридический, системно-структурный (анализ основных характеризующих признаков состава компьютерных преступлений) и правоприменительный (определение устойчивых позиций судов по вопросам квалификации преступления по нормам гл. 28 УК РФ) методы.

Результаты исследования. Предметом анализируемых посягательств выступает информация, имеющая электронную форму и хранящаяся (обрабатываемая) на специальных устройствах или с помощью специальных вычислительных мощностей (хостов, серверов, мобильных устройств, ЭВМ и т. д.). С учетом тех сведений, которые содержатся в «компьютерной» информации, она может подлежать охране посредством иных норм УК РФ. К примеру, если субъект совершил преступное деяние, посягающее на режим использования государственной тайны, повлекшее ее разглашение, и при этом способом совершения явились, например, неразрешенный доступ к электронным данным или используемая вредоносная компьютерная программа, то указанные действия будут квалифицированы по совокупности ст. 283 (разглашение государственной тайны) и ст. 272/273 УК РФ. В таком же режиме квалифицируются преступные деяния, связанные с неразрешенным воздействием с помощью ЭВМ на информацию и в других сферах жизнедеятельности [2]. Указанная позиция изложена и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 37¹.

Тем не менее в научной доктрине не утихает дискуссия по этому вопросу: некоторые авторы, отчасти не соглашаясь с позицией Верховного Суда РФ, обосновывают точку зрения о том, что не все преступления, совершаемые с использованием ЭВМ, должны квалифицироваться по совокупности с нормами гл. 28 УК РФ [3]. Стоит отметить, что до принятия указанного постановления судебная практика характеризовалась значительной неоднородностью: одни и те же деяния судами различных регионов Российской Федерации квалифицировались неодинаково, что противоречит принципу законности и единообразия применения уголовного закона.

Уголовный кодекс РФ относит указанные преступные деяния к преступлениям, родовым объектом которых выступает общественный порядок и общественная безопасность, а видовым – компьютерная информация, которая законодателем понимается в самом широком смысле. Законодатель закрепляет, что такой информацией являются сведения в форме электрических сигналов². Согласно методическим рекомендациям Генеральной прокуратуры РФ, указанные преступления посягают в первую очередь на общественные отношения, возникающие в связи с созданием, хранением, обработкой и использованием компьютерной информации. К примеру, если речь

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 37 от 15.12.2022. URL: <https://www.vsr.ru/documents/own/31913/?ysclid=mqqqxqjnpu558939244> (дата обращения: 15.04.2026).

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=mqqr05bnps440838494> (дата обращения: 15.04.2026).

идет о диспозиции ст. 272 УК РФ, то здесь объектом посягательства будут общественные отношения, складывающиеся по поводу неправомерного доступа, создания, хранения, модификации, использования компьютерной информации самим создателем и потребления ее иными пользователями³.

При этом юридическая доктрина не выработала единого подхода к пониманию преступлений в сфере компьютерной информации. Одни авторы связывают преступные посягательства этого вида с воздействием не только на компьютерную информацию, но и на информационные технологии, используемые для реализации преступного умысла, которые в таком случае являются предметом преступления [4]. Другие авторы используют для обозначения преступлений этого вида очень разнообразные формулировки: «киберпреступления», «преступления, совершаемые с помощью информационно-телекоммуникационных технологий», «компьютерные преступления» и др. [5]. Отметим, что в статьях гл. 28 УК РФ помимо термина «компьютерная информация» употреблены такие понятия, как «цифровая» или «электронная» информация, «средства хранения, обработки и передачи информации», «данные», «информационно-телекоммуникационные сети» и т. п., однако их содержание либо имеет одинаковый смысл, либо не раскрыто в нормах. И.В. Семенова и И.Н. Кондрат подчеркивают, что нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность за преступные деяния данного вида, обладают терминологической перегруженностью, а использование значительного числа одинаковых по смыслу понятий осложняет правоприменение и препятствует формированию единой позиции при квалификации преступлений [6].

Преступления анализируемой категории безусловно обладают признаком высокой технологичности, соответственно, преступные схемы совершенствуются гораздо интенсивнее, нежели уголовно-правовая охрана нарушаемых данными деяниями интересов, а также правоприменительная практика. В этой связи существует проблематика толкования отдельных понятий при выявлении признаков объективной стороны преступлений этого вида [7]. Некоторые авторы также отмечают, что законодательные термины, используемые для обозначения сути анализируемых преступлений, имеют в основном технический характер и в необходимом объеме не отражают сущности предмета охраны. В такой интерпретации упущено множество цифровых объектов информационной среды, которая состоит не только из сведений, представляющих собой электрические сигналы.

Определенные трудности в этом смысле также вызывает бланкетный характер норм анализируемых составов. К примеру, ст. 274.1 УК РФ апеллирует понятиями специального закона (Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁴), которые имеют специализированный характер, что значительно усложняет правоприменительную деятельность. Практикам при квалификации данного деяния необходимо владеть не только уголовно-правовыми категориями, но и пониманием терминов выше-названного закона.

К.Н. Евдокимов указывает, что следователи и суды испытывают трудности в определении объектов и субъектов критической инфраструктуры, признаков неправомерного воздействия и характера угрозы [8]. Особенно остро данная проблема проявляется на современном этапе в виду стремительного развития цифровых платформ, технологий искусственного интеллекта и распределенных сетей. Фактически значительное число форм компьютерной преступности не могут быть определены используемой в УК РФ терминологией. В этой связи правоприменитель зачастую вынужден толковать действующие уголовно-правовые нормы расширительно, что обуславливает высокий риск нарушения одного из основных принципов уголовного права – законности.

М.И. Лавицкая и И.Н. Крапчатова полагают, что, несмотря на усилия законодателя по уточнению норм гл. 28 УК РФ, по-прежнему имеют место правореализационные проблемы, связанные с несовершенством уголовно-правовых предписаний. К примеру, в анализируемой главе УК РФ отсутствует легальная дефиниция «вредоносная программа» (ст. 273 УК РФ), при этом в диспозиции статьи используется термин «компьютерная программа», который не закреплен законодательно [9].

Более того, необходимо отметить трансграничный характер компьютерных преступлений: деяние может быть совершено в отношении защищаемой информации одного государства, при этом само деяние (в данном случае преступные действия) непосредственно совершалось на территории другого государства (к примеру, с помощью устройств для блокировки или несанкционированного доступа, расположенных в другом государстве) [10]. Такие примеры демонстрируют определенные сложности в организации расследования данных общественно опасных деяний, что обуславливает необходимость активного международного сотрудничества со стороны правоохранительных органов.

³ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. Утв. Генпрокуратурой России 14.04.2014. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/documents/4900250-e5958088/?ysclid=mqqr27m5qx637422433> (дата обращения: 13.04.2026).

⁴ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Федеральный закон № 187-ФЗ от 26.07.2017. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102439340&intelsearch=%D4%E5%E4%E5%F0%E0%EB%FC%ED%FB%E9+%E7%E0%EA%EE%ED+%EE%F2+26.07.2017+%B9187-%D4%C7&ysclid=mqqr78735p374244992> (дата обращения: 15.04.2026).

Указанные преступления имеют достаточно сложную конструкцию объективной стороны, поскольку для правильной квалификации, помимо прочего, необходимо устанавливать способ доступа к информации и механизмы обхода систем защиты, вид последствий и характер воздействия на охраняемую информацию (модификация, блокировка, уничтожение, несанкционированное копирование и т. д.). В этой связи при расследовании указанных преступлений необходимо привлечение специалистов в области компьютерных технологий и обработки компьютерной информации, а также проведение соответствующих технических экспертиз.

Как отмечено в работе А.В. Безрукова и О.В. Безруковой [11], в нынешней действительности информация, генерируемая с помощью компьютерных технологий, сама по себе обладает экономической значимостью, поскольку неправомерный доступ к сведениям, содержащимся в ней, способен причинить значительный ущерб репутации, имуществу и т. п., а также является серьезной угрозой государственной безопасности. В этом смысле особую опасность представляют преступления, посягающие на критическую инфраструктуру нашего государства (объекты жизнеобеспечения, транспорта, энергетики, банковской системы и т. д.), поскольку общественно опасным последствием здесь выступает нарушение нормальной жизнедеятельности государства и общества в целом (остановка производства, аварии, отключение систем ЖКХ, причинение вреда здоровью и жизни населения, экологические катастрофы).

Немаловажной характеристикой компьютерных преступлений, осложняющей правильную и последовательную квалификацию деяний, является и то, что данные деяния зачастую выступают способом совершения других видов преступлений. Е.А. Русскевич отмечает, что в современных условиях неправомерный доступ к компьютерной информации становится универсальным способом совершения большого количества общественно опасных деяний [12]. Например, это может быть получение злоумышленниками доступа к мобильному банку потерпевшего путем использования фишинговых сайтов или поддельных SMS-сообщений в целях перевода денежных средств на подконтрольные счета. В таких ситуациях указанные действия должны быть квалифицированы по совокупности составов, например, по ст. 272 УК РФ и по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Исходя из анализа судебной практики, деяния, образующие состав преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, наиболее распространены и одновременно являются одной из наиболее сложных для квалификации форм посягательств на охраняемую законом информацию. Диспозиция указанной статьи отражает, что преступным является неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, если это повлекло блокирование, модификацию, уничтожение либо копирование компьютерной информации. Несмотря на простоту и логичность диспозиции, на практике возникают значительные сложности при выявлении объективных и субъективных характеристик преступления, так как достаточно сложно установить отличие между правомерным или неправомерным поведением. Наиболее остро эта проблематика проявляется, когда речь идет об использовании учетных записей, баз данных и корпоративных систем, либо же программ удаленного администрирования. В частности, работник может обладать правом доступа к информационной системе организации, но при этом использовать находящиеся в ней сведения за пределами своих полномочий. Фактически в данной ситуации возникают сомнения, считается ли такой доступ неправомерным.

Особое значение для правильной квалификации указанных деяний имеет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37, в котором указано, что под неправомерным доступом следует понимать доступ, осуществляемый в отсутствие законных оснований или с нарушением порядка доступа к компьютерной информации. Таким образом, доступ будет считаться неправомерным при нарушении режима использования информации даже при наличии технического разрешения (логина и пароля, дающих соответствующий доступ), что в принципе соответствует изложенной выше позиции Верховного Суда РФ.

Законодатель также связывает наличие состава преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, с наступлением общественно опасных последствий в виде блокирования, модификации, уничтожения или копирования в нашем случае именно компьютерной информации. Ранее судебная практика длительное время неоднозначно оценивала последствия, что приводило к различным подходам к квалификации одинаковых деяний. Сложности также вызывает установление факта модификации информации. Изменение отдельных технических параметров системы, автоматическое обновление файлов или изменение метаданных не всегда свидетельствуют о наличии признаков преступления. Для единообразного понимания наступающих в результате неправомерного доступа последствий в постановлении Пленума Верховного Суда РФ даны характеристики вышеуказанных понятий [13].

Отдельного внимания заслуживает проблема квалификации действий, связанных с использованием вредоносного программного обеспечения [14]. Нередко неправомерный доступ осуществляется посредством использования либо вирусов и различных фишинговых ресурсов, либо программ автоматизированного подбора паролей. В данной ситуации возникает вопрос о разграничении составов преступлений по ст. 272 и 273 УК РФ. Верховный

Суд РФ разъяснил, что в случае, если неправомерный доступ осуществлялся с использованием вредоносной программы, деяние подлежит квалификации по совокупности вышеуказанных составов преступлений.

Также на практике сложности вызывают дела, связанные с использованием программ удаленного администрирования. Подобное программное обеспечение само по себе является законным и широко применяется для технического обслуживания компьютерных систем. Однако использование таких программ без согласия владельца устройства может образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 273 УК РФ. В подобных ситуациях правоприменителю необходимо устанавливать, имела ли у виновного цель несанкционированного воздействия на компьютерную информацию либо на средства ее защиты.

В условиях повсеместного использования сети Интернет, в т. ч. для осуществления преступной деятельности, нормы гл. 28 УК РФ приобретают особую значимость. Несмотря на то, что законодатель систематически совершенствует данную главу, последние принятые изменения и дополнения тем не менее не могут в полном объеме обеспечить уголовно-правовую охрану цифровых правоотношений. К примеру, если рассматривать состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 274.2 УК РФ, то для правильного понимания его объективной стороны необходимо учитывать иные нормативные правовые акты, регламентирующие в т. ч. технические требования к установке и эксплуатации систем безопасности для надежного функционирования сети Интернет. При этом ответственность наступает при условии, что преступление совершено должностным лицом или индивидуальным предпринимателем (ИП), которые были ранее подвергнуты административной ответственности (ч. 2 ст. 13.42 КоАП РФ). Соответственно к субъектам данного преступления относятся ИП, которые могут быть, допустим, поставщиком интернет-услуг либо владельцем агрегатора компьютерной информации (различные онлайн-платформы для реализации товаров и оказания услуг).

Вопрос отнесения ИП к субъектам компьютерных преступлений широко обсуждается в научных кругах ввиду некоторых противоречий между гражданским, административным и уголовным законодательством. В частности, физическое лицо имеет возможность зарегистрироваться в качестве ИП с 14 лет (при наличии согласия законных представителей), при этом возраст уголовной ответственности за компьютерные преступления (в т. ч. по ч. 1 ст. 274.1 УК РФ), исходя из норм ст. 20 УК РФ, наступает с 16 лет. Административная ответственность, с учетом формулировки ч. 1 ст. 274.1 УК РФ, также наступает с 16 лет. При этом на основании ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ решением комиссии по делам несовершеннолетних лиц в возрасте от 16 до 18 лет может быть освобождено от ответственности с применением к нему иных мер воздействия. Таким образом, теоретически возникает ситуация, при которой несовершеннолетний, совершивший правонарушение по ч. 2 ст. 13.42 КоАП РФ, а впоследствии и уголовно-наказуемое деяние, предусмотренное, к примеру, ч. 1 ст. 274.1 УК РФ, не будет подлежать ответственности в принципе.

С учетом вышеизложенного, на наш взгляд, целесообразно внести корректировки в КоАП РФ и УК РФ, снизив возраст ответственности до 14 лет для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность или работающих по трудовому договору (ст. 2.3 КоАП РФ), а также для лиц, совершивших преступление по ст. 274.1 УК РФ (ст. 20 УК РФ).

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждают, что преступления в сфере компьютерной информации представляют собой сложную и многоаспектную категорию общественно опасных деяний, которая отличается латентностью, технологичностью [15], трансграничностью и постоянным эволюционированием. Современная судебная практика характеризуется постепенным формированием единых подходов к квалификации данных деяний, чему немало поспособствовало принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Однако законодательство РФ по-прежнему имеет некоторые пробелы и требует корректировки в части определения возраста уголовной ответственности за совершение компьютерных преступлений, установления объективных признаков, квалификации неправомерного доступа к компьютерной информации и преступлений, связанных с использованием вредоносных программ, и некоторых других аспектов. Решение указанных проблем требует совершенствования уголовного законодательства, развития судебной практики, повышения качества экспертного обеспечения расследования компьютерных преступлений и подготовки специалистов в сфере цифровой криминалистики.

Список литературы / References

1. Громов Е.В. Развитие уголовного законодательства о преступлениях в сфере компьютерной информации в зарубежных странах (США, Великобритании, ФРГ, Нидерландах, Польше). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2006;11(62):30–35.

Gromov EV. Development of Criminal Legislation on Cybercrimes in Foreign Countries (USA, Great Britain, Germany, the Netherlands, Poland). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2006;11(62):30–35. (In Russ.)

2. Щепельков В.Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ). *Уголовное право*. 2023;6(154):70–79.

Shchepelkov VF. On the Qualification of Cybercrimes (in Light of the Clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation). *Criminal Law*. 2023;6(154):70–79. (In Russ.)

3. Карчевская Н.И., Семенова И.В. Интеграция преступных деяний, квалифицированных по главе 28 УК РФ, в экстремистскую деятельность. *Мировой судья*. 2025;(12):23–27.

Karchevskaya NI, Semenova IV. Integration of Criminal Acts under Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation into Extremist Activities. *Magistrate Judge*. 2025;(12):23-27. (In Russ.)

4. Дворецкий М.Ю., Копырюлин А.Н. *Оптимизация уголовной ответственности и проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации*. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; 2006. 212 с.

Dvoretzky MYu, Kopyryulin AN. *Optimization of Criminal Liability and Problems of Qualification of Crimes in the Sphere of Computer Information*. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin; 2006. 212 p. (In Russ.)

5. Витвицкая С.С., Витвицкий А.А., Исакова Ю.И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(1):126–136. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136>

Vitvitskaya SS, Vitvitsky AA, Isakova YuI. Cybercrimes: Concept, Classification, International Countering. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(1):126-136. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136>

6. Семенова И.В., Кондрат И.Н. К вопросу о терминологической перегрузке норм Уголовного кодекса Российской Федерации в контексте преступлений, связанных с цифровой информацией. *Мировой судья*. 2025;(11):8–12.

Semenova IV, Kondrat IN. On Terminological Overload of Provisions of the Criminal Code of the Russian Federation within the Framework of Crimes Related to Digital Information. *Magistrate Judge*. 2025;(11):8–12. (In Russ.)

7. Лысак Е.А. Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2013;(90):997–1006.

Lysak EA. Problems of Qualification of Computer Crimes. *Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University (Scientific Journal of KubSAU)*. 2013;(90):997–1006. (In Russ.)

8. Евдокимов К.Н. К вопросу совершенствования квалификации преступлений в сфере компьютерной информации. *Российский судья*. 2025;(2):36–40. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-2-36-40>

Evdokimov KN. On Improving the Qualification of Crimes in the Field of Computer Information (Based on Judicial Practice). *Russian Judge*. 2025;(2):36–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2025-2-36-40>

9. Лавицкая М.И., Крапчатова И.Н. Структурно-содержательная характеристика главы 28 УК РФ: юридико-технические и правореализационные проблемы составов преступлений в сфере компьютерной информации. *Российский следователь*. 2021;(6):35–41.

Lavitskaya MI, Krapchatova IN. The Structural and Content Characteristics of Chapter 28 of the Criminal Code of the Russian Federation: Legal Writing and Law Enforcement Problems of Constituent Elements of Crimes Involving Computer Information. *Russian Investigator*. 2021;(6):35–41. (In Russ.)

10. Кузина С.И., Сагирян И.Г. Кибертерроризм как реальная угроза национальной безопасности Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(4):46–57. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-46-57>

Kuzina SI, Sagiryar IG. Cyberterrorism as a Real Threat to the National Security of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(4):46–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-4-46-57>

11. Безруков А.В., Безрукова О.В. Преступления в сфере компьютерной информации: юридический анализ, проблемы квалификации. *Эпомен*. 2020;(42):28–39.

Bezrukov AV, Bezrukova OV. Crimes in the Field of Computer Information: Legal Analysis, Problems of Qualification. *Epomen*. 2020;(42):28–39. (In Russ.)

12. Русскевич Е.А. О совокупности преступлений в сфере компьютерной информации с другими преступлениями. *Уголовное право*. 2025;(4(176)):76–84. https://doi.org/10.52390/20715870_2025_4_76

Russkevich EA. On Conjunction of Crimes in the Sphere of Computer Information with Other Crimes. *Criminal Law*. 2025;(4(176)):76–84. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2025_4_76

13. Нафиков М.М. Проблемы квалификации преступлений в сфере компьютерной информации. В: *Труды II Всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика в условиях цифровой трансформации» (Казань, 27 апреля 2023 г.)*. Казань: Издательство «Отечество»; 2023. С. 117–123.

Nafikov MM. Problems of Qualification of Crimes in the Field of Computer Information. In: *Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference “Criminal Policy in the Context of Digital Transformation”*. Kazan, April 27, 2023. Kazan: Otechestvo Publishing House; 2023. P. 117–123. (In Russ.)

14. Хатов Э.Б. Киберпреступление. *Законность*. 2026;(3(1097)):46–49.

Khatov EB. Cybercrime. *Zakonnost (Legality)*. 2026;(3(1097)):46–49. (In Russ.)

15. Харламова А.А., Щетинина Н.В. Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 274.2 УК РФ: комментарий новеллы. *Уголовное право*. 2025;(10(182)):60–66. https://doi.org/10.52390/20715870_2025_10_60

Kharlamova AA, Shchetinina NV. The Crime under Part 2 of Art. 274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: Commentary on the Innovation. *Criminal Law*. 2025;(10(182)):60–66. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2025_10_60

Об авторах:

Анна Жунусовна Киселева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [ScopusID](#), kiseleva17@bk.ru

Роман Валерьевич Киселев, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [ORCID](#), krv1980@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Ж. Киселева: формирование основной концепции, цели и задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

Р.В. Киселев: анализ правоприменительной практики, формирование выводов и предложений, доработка текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anna Zh. Kiseleva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [ScopusID](#), kiseleva17@bk.ru

Roman V. Kiselev, Senior Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [ORCID](#), krv1980@mail.ru

Claimed Contributorship:

AZh Kiseleva: formulating the main concept, aim and objectives of the research, preparing the text, formulating the conclusions.

RV Kiselev: analysis of law enforcement practices, formulating the conclusions and proposals, refining the text.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 06.05.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 25.05.2026

Принята к публикации / Accepted 01.06.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-74-79>

EDN: GBRMDJ

Уголовно-правовая оценка преступлений, совершаемых с использованием технологии синтеза реальности Deepfake: вопросы квалификации и законодательной регламентации в Российской Федерации

Т.Ю. Негреева^{1,2} , А.В. Юрьева^{1,3}

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова, г. Владикавказ, Российская Федерация

³ Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Российская Федерация

 Negreeva2009@yandex.ru

Аннотация

Введение. В современных условиях стремительного развития искусственного интеллекта (ИИ) технология синтеза реальности Deepfake становится инструментом совершения опасных киберпреступлений. В настоящее время правовая система сталкивается с вызовами, которые было трудно представить еще 20 лет назад. Несмотря на большое значение технологического прогресса, результаты исследований ученых показывают наличие правового вакуума и фрагментарности судебной практики в Российской Федерации в этой области. В связи с этим возникает потребность в анализе трансформации объективной стороны преступлений. Цель статьи – исследование проблемы уголовно-правовой оценки преступлений с использованием технологии дипфейк, а также разработка комплексного подхода к квалификации данных деяний с целью совершенствования Уголовного кодекса РФ.

Материалы и методы. В статье проанализированы научные труды в области кибербезопасности и нормы действующего уголовного права РФ. В процессе исследования использовались системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Методический инструментарий составили концепции многоуровневой ответственности и анализ законодательных инициатив РФ.

Результаты исследования. Установлено, что традиционные признаки составов преступлений (клевета, похищение) не в полной мере охватывают специфику автоматизированного обмана. Показана специфика «виртуальных похищений» и выявлены проблемы доказывания заведомой ложности контента. Обоснована необходимость внедрения обязательной цифровой маркировки и предложены меры по совершенствованию ст. 63 УК РФ путем введения новогоотягчающего обстоятельства.

Обсуждение и заключение. Результаты проделанной работы могут выступать в качестве основы для реформирования киберзаконодательства РФ. Предлагается акцентировать внимание на переходе к модели распределенной ответственности субъектов ИИ. Проведенное исследование представляется значимым для российской юридической науки, так как дает возможность обеспечить баланс между прогрессом и безопасностью личности.

Ключевые слова: технология, синтез реальности, дипфейк, Deepfake, уголовная ответственность, квалификация преступлений, искусственный интеллект, цифровая трансформация, киберпреступность, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Негреева Т.Ю., Юрьева А.В. Уголовно-правовая оценка преступлений, совершаемых с использованием технологии синтеза реальности Deepfake: вопросы квалификации и законодательной регламентации в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(2):74–79. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-74-79>

Criminal-Legal Evaluation of Crimes Committed Using Synthetic Reality (Deepfake Technology): Issues of Qualification and Legislative Regulation in the Russian Federation

Tatyana Yu. Negreeva^{1,2} , Anna V. Yurieva^{1,3}

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² North Ossetian State University Named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

³ South-Russian State Polytechnical University (NPI) Named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russian Federation

 Negreeva2009@yandex.ru

Abstract

Introduction. Nowadays, rapid development of Artificial Intelligence (AI) has contributed to synthetic reality (deepfake technology) becoming a tool for committing dangerous cybercrimes. Currently, the legal system is facing challenges that were difficult to imagine 20 years ago. Despite a great attention paid to technological progress, the review of scientific works has revealed a legal vacuum and fragmented data on judicial practices with regard to this subject in the Russian Federation. Therefore, there arises the need to analyse the transformation of the objective side of the crimes. The aim of the article is to analyse the criminal-legal evaluation of crimes committed using deepfake technology and to develop a comprehensive approach to qualification of these acts for improving the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods. The article analyses the scientific publications referring to the cybersecurity and legal norms of the acting criminal law of the Russian Federation. The study was carried out using the system analysis, dogmatic, and comparative legal approaches. The methodological tools included the concepts of multi-level liability and analysis of the legislative initiatives in the Russian Federation.

Results. It was established that traditional signs of corpus delicti (of such crimes as slander, theft, etc.) do not fully cover the specifics of automated deception. The features of “virtual theft” have been demonstrated, and the difficulties of proving the deliberate fakeness of content have been revealed. The need to implement mandatory digital labeling has been justified, and measures to improve Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation by introducing a new aggravating circumstance have been proposed.

Discussion and Conclusion. The results of the study can serve a basis for reforming the cyber law of the Russian Federation. It is proposed to emphasize the need of transiting to a model of distributed liability of AI subjects. The present study can be deemed significant for the Russian juridical science, as it provides an opportunity to ensure a balance between the technological progress and personal security.

Keywords: technology, synthesis of reality, deepfake, criminal liability, crime qualification, Artificial Intelligence, digital transformation, cybercrime, the Russian Federation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Negreeva TYu, Yuryeva AV. Criminal-Legal Evaluation of Crimes Committed Using Synthetic Reality (Deepfake Technology): Issues of Qualification and Legislative Regulation in the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):74–79. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-74-79>

Введение. В современных условиях тотальной цифровизации общественные отношения, по сути, проходят через стадию фундаментальной трансформации, которая так или иначе затрагивает все без исключения сферы жизнедеятельности. Вполне закономерно, что сегодня мы наблюдаем стремительный уход преступности в глобальное киберпространство, и это, в конечном итоге, создает беспрецедентные вызовы всей сложившейся правовой системе [1]. М.М. Долгиева совершенно справедливо указывает на двойственную природу инноваций: наряду с удобством связи они привнесли и мощную криминогенную составляющую [2]. Это способствовало появлению таких изощренных видов преступлений, которые было попросту невозможно вообразить еще пару десятилетий назад. Особого внимания в этом контексте заслуживает одна из наиболее угрожающих технологий нового времени – технология синтеза реальности Deepfake. Согласно позиции Н.Ф. Бодрова и А.К. Лебедевой, дипфейк – это не просто нейросетевой продукт, а инструмент, который обретает статус общественно опасного именно в момент его намеренного распространения ради обмана или взлома систем доступа [3].

Нельзя не отметить, что текущие механизмы уголовно-правового контроля в Российской Федерации пока не способны в полной мере охватить специфику подобных деяний. Е.А. Николаева акцентирует внимание на фрагментарности судебной практики: не имея специальных норм, суды вынуждены применять общие статьи, фактически игнорируя ключевой фактор – использование искусственного интеллекта [4]. Говоря откровенно, в РФ

сегодня отчетливо фиксируется правовой вакуум в этой области, в связи с чем возникает потребность в детальном анализе квалификации преступлений, где задействованы синтетические системы.

Настоящая работа посвящена исследованию крайне неоднозначной проблемы уголовно-правовой оценки преступлений, реализуемых посредством дипфейков. Вполне закономерно, что на текущем этапе обнаруживается существенный недостаток системы: классические доктринальные категории – такие как вина, субъективная сторона или причинно-следственная связь, – оказываются малоприспособленными для условий, где решения принимаются алгоритмами. Согласно нашей гипотезе, наиболее перспективными векторами развития представляются глубокая коррекция законодательной базы РФ в части использования продуктов синтеза реальности и переход к концепции распределенной ответственности. В рамках нашего анализа мы также акцентируем внимание на необходимости разработки комплексного, научно выверенного подхода к квалификации деяний с применением технологии Deepfake. По нашему глубокому убеждению, именно этот фактор позволит сформулировать жизнеспособные предложения по реформированию уголовного закона (в первую очередь, положений ст. 63 УК РФ¹) и, в конечном итоге, достичь необходимого компромисса между стремительным научно-техническим прогрессом и базовыми требованиями безопасности современного социума.

Цель статьи – исследование проблемы уголовно-правовой оценки преступлений с использованием технологии дипфейк, а также разработка комплексного подхода к квалификации данных деяний с целью совершенствования Уголовного кодекса РФ.

Материалы и методы. В рамках данной работы нами были детально изучены: законодательная база РФ (в частности, статьи УК РФ, касающиеся клеветы (ст. 128.1), незаконного лишения свободы (ст. 127), отягчающих наказание обстоятельств (ст. 63)); актуальные научные исследования, сфокусированные на уголовно-правовых и криминалистических вызовах, создаваемых искусственным интеллектом; массив правоприменительной практики в России. Подчеркнем, что объектом анализа выступили не просто нормы закона, а реальные общественные отношения в области информационной безопасности и защиты фундаментальных прав человека, которые в условиях глобальной цифровизации подвергаются серьезной трансформации [5].

В процессе работы мы опирались на широкий спектр общенаучных и специальных методов, таких как системный анализ, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Четко выявить национальную специфику подходов к ответственности за киберпреступления нам помог сопоставительный анализ концепций концепций Н.А. Грешновой и Е.А. Николаевой. Кроме того, был проведен обзорный анализ зарубежных практик, прежде всего – опыта США и КНР по маркировке ИИ-контента [6, 7]. Включение в инструментарий концепции многоуровневой ответственности позволило нам более точно дифференцировать вину между создателями и пользователями технологий синтеза реальности.

Результаты исследования. Стоит отметить, что в ходе реализации аналитического этапа нами была выявлена очевидная несостоятельность целого ряда традиционных уголовно-правовых конструкций, если применять их к деяниям, сопряженным с использованием технологий синтеза реальности, и, в частности, Deepfake. На наш взгляд, ключевым камнем преткновения при квалификации клеветы (согласно ст. 128.1 УК РФ) является именно процессуальное доказывание признака «заведомой ложности». При этом заслуживает особого внимания фундаментальная позиция Н.Ф. Бодрова: поразительная гиперреалистичность дипфейков, по сути, лишает рядового гражданина всякой возможности критически оценить подлинность потребляемого контента. В конечном итоге, мы считаем классическую трактовку субъективной стороны состава преступления абсолютно неэффективной в современных цифровых реалиях [8].

Другой спецификой новой угрозы является «виртуальное похищение» человека. Основываясь на выводах М.М. Долгиевой, мы склонны полагать, что нынешняя практика квалификации подобных инцидентов по ст. 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) выступает вынужденной и временной мерой [2]. Очевидно, что отсутствие прямого физического контакта и личного присутствия виновного создает серьезный правовой пробел для корректной оценки объективной стороны, хотя преступный умысел злоумышленника несомненно направлен именно на ограничение свободы личности под воздействием обмана.

Принимая во внимание вышеизложенное, в рамках нашего исследования были систематизированы принципиально новые модели юридической ответственности. В частности, подробно рассмотрены инициативы Е.А. Николаевой и А.Т. Кабжанова, касающиеся внедрения системы многоуровневой вины [4]. Нам представляется, что такое решение открывает прямой путь к справедливому и логичному распределению ответственности между разработчиком софта и конечным пользователем ИИ, исходя из реальной степени автономности системы. В дополнение к этому важно подчеркнуть, что критически значимым становится формирование правового института согласия

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=mqqlk4iksq438677117> (дата обращения: 15.04.2026).

на использование биометрии. Опираясь на положения, выдвинутые Н.Ф. Бодровым [3], мы предлагаем внедрить специфические гражданско-правовые механизмы (по типу авторских договоров) для легализации процессов генерации цифровых образов, что, в конечном счете, позволит окончательно вывести данную сферу из серой зоны [9].

Что касается адаптации современного российского законодательства, то наиболее эффективным и логичным путем видится именно усиление ответственности за применение высокотехнологичных методов при совершении преступлений. В связи с этим мы обосновываем насущную потребность в дополнении ч. 1.1 ст. 63 УК РФ принципиально новым отягчающим обстоятельством – «совершение преступления, неразрывно сопряженного с использованием цифровых технологий». Заметим, что Н.А. Грешнова и В.Н. Ситник совершенно справедливо рассматривают такую меру, как способ соблюдения тонкого баланса интересов: она позволит избежать блокировки научно-технического прогресса тотальными запретами, при этом наделяя правоприменителя реальным инструментом для ужесточения наказания в конкретных кейсах [10].

Рассматривая проблему под широким углом, нельзя не увидеть, что вовлечение ИИ в криминальную сферукратно повышает общественную опасность таких деяний, как экстремизм и мошенничество [11, 12]. Это происходит за счет тотального доверия граждан к синтезированному контенту, который практически неотличим от реальности. Реализация предложенных нами инициатив позволит унифицировать следственную и судебную практику в условиях столь стремительной и не всегда контролируемой цифровизации.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование представляется значимым для современной российской юридической науки, поскольку позволяет принципиально по-новому оценить саму правовую природу вызовов в цифровой среде. Мы акцентируем внимание на том, что технологию Deepfake уже не следует воспринимать лишь как очередной «инструмент» или простое орудие преступления. Рассматривая проблему с позиции системного подхода, становится очевидным, что эта технология выступает мощным фактором, трансформирующим объективную сторону деяния: классический обман эволюционирует в автоматизированный, гиперреалистичный и дистанционный процесс, что фактически сводит на нет традиционные механизмы защиты прав граждан [13].

Результаты проделанной работы могут выступить в качестве методологической основы для реформирования уголовного законодательства Российской Федерации. Стоит заметить, что внедрение комплекса мер (от обязательной маркировки контента цифровыми знаками, как предлагает Н.Ф. Бодров, до фиксации ИИ как отягчающего фактора в ст. 63 УК РФ, согласно идее Н.А. Грешновой) дает реальную возможность обнаружить тот самый баланс между форсированным техническим прогрессом и безопасностью личности [14].

В качестве финального вывода мы утверждаем объективную потребность в глобальной смене парадигмы в уголовном праве – переход от узко антропоцентрической модели к концепции распределенной ответственности (по Николаевой), которая учитывала бы вклад каждого звена, от разработчика до пользователя, в создание опасного цифрового продукта [15]. Кроме того, для формирования единообразной практики представляется важным инициировать издание разъяснений Пленума Верховного Суда РФ. Это позволит уточнить специфику киберпреступлений и скорректировать трактовку составов, связанных с ограничением свободы (на чем настаивает Долгиева).

Представленные в статье теоретические и практические выводы можно использовать как фундамент для дальнейшего изучения сложнейших проблем правовой субъектности ИИ и поиска этико-правовых границ в эпоху тотального синтеза реальности.

Список литературы / References

1. Леонова Л.О. Ужесточение ответственности за распространение дипфейков, созданных с помощью искусственного интеллекта в Российской Федерации. *Полицейская и следственная деятельность*. 2026;(1):273–284.
Leonova LO. Tightening Responsibility for the Dissemination of Deepfakes Created Using Artificial Intelligence in the Russian Federation. *Police and Investigative Activity*. 2026;(1):273–284. (In Russ.)
2. Долгиева М.М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека. *Актуальные проблемы российского права*. 2024;19(11):106–113.
Dolgueva MM. Classification of Deepfake Fraud and Cyber Kidnapping. *Actual Problems of Russian Law*. 2024;19(11):106–113. (In Russ.)
3. Бодров Н.Ф., Лебедева А.К. Понятие дипфейка в российском праве, классификация дипфейков и вопросы их правового регулирования. *Юридические исследования*. 2023;(11):26–41.
Bodrov NF, Lebedeva AK. The Concept of Deepfake in Russian Law, Classification of Deepfake and Issues of Their Legal Regulation. *Legal Research*. 2023;(11):26–41. (In Russ.)
4. Николаева Е.А., Кабжанов А.Т. Проблемы квалификации преступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта. *Наука и жизнь Казахстана*. 2026;31(1):147–160.
Nikolaeva EA, Kabzhanov AT. Problems of Qualification of Crimes Committed Using Artificial Intelligence. *Science and Life of Kazakhstan*. 2026;31(1):147–160. (In Russ.)

5. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Трансформация уголовно-правовой науки. *Наука. Образование. Современность*. 2025;(1):53–68.
- Babaev MM., Pudovochkin YuE. Transformation of Criminal Law Science. *Science. Education. The Present*. 2025;(1):53–68. (In Russ.)
6. Виноградов В.А., Кузнецова Д.В. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк». *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024;(2):215–240.
- Vinogradov VA, Kuznetsova DV. Foreign Experience in Legal Regulating Deepfake Technology. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024;(2):215–240. (In Russ.)
7. Суфиянова Г.Р. Технологии ИИ: международно-политические эффекты, угрозы и последствия. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2025;19(1):130–136.
- Sufiyanova G.R. AI technologies: international political effects, threats and consequences. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2025;19(1):130–136. (In Russ.)
8. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? *Закон*. 2022;(7):87–103.
- Kalyatin VO. Deepfake as a Legal Problem: New Threats or New Opportunities? *Zakon (Law)*. 2022;(7):87–103. (In Russ.)
9. Ткалина А.А. Правовое регулирование цифровой технологии «дипфейк». В: *Труды II Международной научно-практической конференции «Цифровые технологии и право» (Казань, 22 сентября 2023 г.)*. Казань: Познание; 2023. С. 360–372.
- Tkalina AA. Legal Regulation of Deepfake Technology. In: *Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference “Digital Technologies and Law”*. Kazan, September 22, 2023. Kazan: Poznanie Publ.; 2023. P. 360–372. (In Russ.)
10. Грешнова Н.А., Ситник В.Н. Обеспечение общественного интереса в условиях цифровизации: проблемы уголовного законодательства в России (на примере технологии дипфейк (deepfake)). *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022;(5):182–189.
- Greshnova NA, Sitnik VN. Ensuring Public Interest in the Context of Digitalization: Problems of Criminal Law in Russia (On the Example of Deepfake Technology). *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2022;(5):182–189. (In Russ.)
11. Бычков В.В. Искусственный интеллект как средство совершения преступлений экстремистской направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, так и борьбы с ними. *Вестник Московского университета МВД России*. 2022;(1):60–65.
- Bychkov VV. Artificial Intelligence as a Means of Committing Extremist Crimes Committed Using Information and Telecommunication Networks, and Combating Them. *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;(1):60–65. (In Russ.)
12. Даниленко Ю.А. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2023;9(4):232–240.
- Danilenko YuA. The Use of Artificial Intelligence for Criminal Purposes: Criminal and Legal Characteristics. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*. 2023;9(4):232–240. (In Russ.)
13. Логунов К.В. Дипфейк и иные продукты искусственного интеллекта на пути развития онлайн-правосудия. *Студенческий вестник*. 2023;(21–4(260)):50–51.
- Logunov KV. Deepfake and Other Artificial Intelligence Products on the Way to the Development of Online Justice. *Studencheskii vestnik (Student Bulletin)*. 2023;(21–4(260)):50–51. (In Russ.)
14. Коробков Д. О правовом регулировании дипфейк. В: *Материалы X Международного юридического форума (IP Форум) «Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики» (Москва, 18–19 февраля 2022 г.)*. Том 2. Москва: Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 2022. С. 260–264.
- Korobkov D. On the Legal Regulation of Deepfake. In: *Proceedings of the X International Legal Forum “Legal Protection of Intellectual Property: Problems of Theory and Practice” (IP Forum)*. Volume 2. Moscow, February 18–19, 2022. Moscow: Publishing Center of the University named after O.E. Kutafina (MSLA); 2022. P. 260–264. (In Russ.)
15. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025;3(2):187–202.
- Efremova MA, Russkevich EA. Criminal-Legal Issues of Countering Crime in the Metaverse: Current State and Prospects of Development. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2025;3(2):187–202. (In Russ.)

Об авторах:

Татьяна Юрьевна Негреева, преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова (362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46), [ORCID](#), Negreeva2009@yandex.ru

Анна Владимировна Юрьева, преподаватель кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), соискатель кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (346428, Российская Федерация, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132), [ORCID](#), Anna1981.anna@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Т.Ю. Негреева: формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

А.В. Юрьева: анализ результатов исследования, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Tatyana Yu. Negreeva, Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Academic Degree Applicant at the Department of Criminal Law Disciplines, North Ossetian State University Named after K. L. Khetagurov (44–46, Vatutin Str., Vladikavkaz, 362025, Russian Federation), [ORCID](#), Negreeva2009@yandex.ru

Anna V. Yurieva, Lecturer of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Academic Degree Applicant at the Department of Social Sciences and Humanities, South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M.I. Platov (132, Prosveshcheniya Str., Novochoerkassk, 346428, Russian Federation), [ORCID](#), Anna1981.anna@yandex.ru

Claimed Contributorship:

TYu Negreeva: formulating the main concept, preparing the text, formulating the conclusions.

AV Yurieva: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 27.04.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 22.05.2026

Принята к публикации / Accepted 29.05.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 343.3

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-80-88>

Правовая сущность кибертерроризма и его соотношение со смежными составами преступлений в уголовном праве России

EDN: QRGVRC

И.Г. Сагирян¹ , С.И. Кузина^{1,2}

¹ Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

² Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 sagiryana@yandex.ru

Аннотация

Введение. В последние годы кибертерроризм стал одним из основных вызовов национальной безопасности Российской Федерации, поскольку позволяет без особых усилий и финансовых затрат продвигать террористическую идеологию, осуществлять подготовку террористических атак, вести вербовку – одним словом, совершать преступления террористической направленности в киберпространстве без страха быть обнаруженными. На фоне ускоряющихся темпов информатизации, интернационализации информационных сетей и роста оборотов цифровой экономики вопросы обеспечения кибербезопасности приобрели особую актуальность. Целью исследования является изучение правовой сущности кибертерроризма как специфической формы террористической деятельности и выявление его соотношения со смежными составами преступлений в уголовном праве РФ.

Материалы и методы. Исследование выполнено на базе норм действующего уголовного права России, отчетов МВД РФ, судебной практики, научных публикаций. Применен диалектический метод познания как основной, а также использованы сопоставительный, формально-юридический, системный подход, общенаучные методы анализа, синтеза, индукции.

Результаты исследования. Проанализировано правовое регулирование террористических преступлений, совершаемых в киберпространстве. Кибертерроризм рассмотрен с позиции объективного следствия глобализации информационных процессов и появления компьютерных сетей. Обосновано положение о том, что кибертерроризм представляет угрозу национальной безопасности РФ, о чем свидетельствует стремительный рост террористических преступлений с использованием информационных технологий, наносящих значительный вред критически важной инфраструктуре государства.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование дополняет и расширяет научное представление о сущности кибертерроризма как потенциальной угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Полученные выводы могут послужить основой для дальнейших научных изысканий в данной области.

Ключевые слова: кибертерроризм, национальная безопасность Российской Федерации, уголовное право, угроза, террористический акт, информационно-коммуникационные технологии

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Сагирян И.Г., Кузина С.И. Правовая сущность кибертерроризма и его соотношение со смежными составами преступлений в уголовном праве России. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(2):80–88. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-80-88>

The Legal Nature of Cyberterrorism and Its Relationship with the Corpora Delicti of Overlapping Offences in the Criminal Law of the Russian Federation

Inga G. Sagiryan¹ , Svetlana I. Kuzina^{1, 2}

¹ Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

² South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Rostov-on-Don, Russian Federation

 sagiryan@yandex.ru

Abstract

Introduction. In recent years, cyberterrorism has become one of the main challenges to the national security of the Russian Federation, as it allows promotion of terrorist ideology, preparation of terrorist attacks, and recruitment of terrorists without much effort and financial investment, i.e. makes it possible to commit terrorist crimes in cyberspace without fear to be discovered. Amid the backdrop of computerization rate acceleration, internationalization of information networks, and digital economy turnover growth, the problem of ensuring cybersecurity has become particularly relevant. The aim of the present study is to investigate the legal nature of cyberterrorism as a specific form of terrorist activity and to identify its relationship with the corpora delicti of overlapping offences in the criminal law of the Russian Federation.

Materials and Methods. The study was conducted based on the acting norms of the criminal law of the Russian Federation, reports of the Russian Ministry of Internal Affairs, data on the judicial cases, and scientific publications. The dialectical method of cognition was used as the primary one, and was supplemented by the comparative, dogmatic, and system analysis methods, as well as by the general scientific methods of analysis, synthesis, and induction.

Results. Legal regulation of terrorist crimes committed in cyberspace has been analysed. Cyberterrorism was studied from perspective of it being an objective consequence of the processes of information globalisation and emergence of computer networks. The statement about cyberterrorism posing a threat to the national security of the Russian Federation has been substantiated, which is confirmed by the rapid growth of the terrorist crimes committed using the information technology and significant damage caused by them to the critical infrastructure of the state.

Discussion and Conclusion. The conducted research supplements and expands the scientific understanding of the nature of cyberterrorism as a potential threat to the national security of the Russian Federation. The findings obtained may serve a basis for further scientific research in this field.

Keywords: cyberterrorism, national security of the Russian Federation, criminal law, threat, terrorist act, information and communication technologies

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Sagiryan IG, Kuzina SI. The Legal Nature of Cyberterrorism and Its Relationship with the Corpora Delicti of Overlapping Offences in the Criminal Law of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(2):80–88. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-2-80-88>

Введение. Современная эволюция технологий изменила не только социально-экономическую жизнь общества, но и структуру преступности. Одним из наиболее опасных проявлений цифровой эпохи становится кибертерроризм. Это специфическая форма террористической активности, реализуемая посредством информационно-коммуникационных технологий и цифровой инфраструктуры и направленная на причинение существенного вреда общественной безопасности, запугивание населения. В доктринальном смысле кибертерроризм представляет собой сложный феномен, находящийся на пересечении уголовно-правовых запретов, норм о противодействии терроризму, положений об охране критической информационной инфраструктуры.

В действующем законодательстве Российской Федерации нормативное закрепление кибертерроризма отсутствует. Между тем в современном понимании кибертерроризм может выражаться в целенаправленном вмешательстве в работу информационных систем, нарушении функционирования государственных информационных ресурсов, атаке на экономические объекты, распространении угроз, дезинформации, а также в иных формах воздействия, способных повлечь за собой дестабилизацию социальной обстановки. По данным отчета МВД РФ за 2024 г., доля преступлений, совершенных с применением информационно-коммуникационных технологий и квалифицированных как террористические, выросла на 20 % по сравнению с 2023 г. Статистика 2025 г. обнаде-

живает: «Число киберпреступлений снизилось на 10,8 % в России за 11 месяцев 2025 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года», – сообщается на сайте МВД Медиа¹. Между тем спектр угроз существенно не изменился: атаки на энергообъекты, транспортные системы, банковскую инфраструктуру продолжаются.

Целью исследования является изучение правовой сущности, ключевых признаков кибертерроризма как специфической формы террористической деятельности в цифровой среде, а также выявление его соотношения со смежными составами преступлений, такими как террористический акт, неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ, преступления в сфере компьютерной информации.

Материалы и методы. Исследование выполнено на базе норм действующего Уголовного кодекса РФ (ст. 205 (террористический акт), ст. 274.1 (неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ), гл. 28 ст. 272–274 (преступления в сфере компьютерной информации)), ежегодных отчетов МВД РФ, судебной практики, научных публикаций.

В исследовании был использован диалектический метод, позволивший рассмотреть динамику кибертерроризма как деструктивного явления, который развивается и изменяется во времени. Сопоставительный метод познания позволил выявить сходства и различия в правовом регулировании кибертерроризма на национальном и международном уровнях. Применение формально-юридического метода способствовало анализу норм УК РФ, судебной практики и доктрины для выявления сущности и разграничения состава преступлений. Через буквальное и системное толкование были разобраны диспозиции статей УК РФ, а также понятие «кибертерроризм». Системный подход интегрировал кибертерроризм в структуру уголовного права как целостную систему. Были рассмотрены взаимосвязи со смежными институтами. Методы анализа, синтеза и индукции позволили объединить разрозненные данные в концептуальную модель кибертерроризма как гибридного преступления с элементами терроризма и киберпреступлений и обобщить полученные результаты. Комплексное использование этих методов обеспечило теоретическое раскрытие сущности кибертерроризма и практическую ценность исследования для совершенствования отечественного законодательства.

Результаты исследования. В Российской Федерации ежедневно около 100 млн человек пользуются информационной сетью Интернет, что свидетельствует о масштабности ее влияния на повседневную жизнь граждан. Несомненно, цифровые технологии приносят значительные преимущества как в сфере государственного управления, так и в предпринимательской деятельности, однако наряду с этим глобальный характер сети Интернет создает почву для возникновения различных угроз. Особую обеспокоенность со стороны государства, правоохранительных органов и общества в целом вызывают преступления, совершаемые в киберпространстве, для которых такие категории, как анонимность и трансграничность сети Интернет создают условия для противоправной деятельности. Некоторые преступления террористической направленности по значимости сопоставимы с посягательствами на национальную безопасность российского государства, так как последствия успешных кибератак на критически важные инфраструктуры могут быть фатальны: от блокировки государственных сервисов до подрыва экономической и социальной стабильности.

Так, 28 июля 2025 г. произошла хакерская атака на российскую компанию «Аэрофлот». Хакерские группировки Silent Crow и Киберпартизаны ВУ заявили об уничтожении IT-системы авиаперевозчика «Аэрофлот»². Они находились во внутренней сети на протяжении года. Компания полностью лишилась инфраструктуры: не работали кассы, сайт, внутренние сервисы и компьютеры. Авиасообщение фактически было остановлено, отменено более 100 рейсов. Все процессы жизнеобеспечения компании оказались парализованными. Восстановление систем «Аэрофлота» после хакерской атаки заняло больше полугода, а для полной стабилизации потребовался год. Финансовый ущерб составил более 50 млн долларов.

Заметный рост киберпреступлений в 2024 г. и незначительный спад в 2025 г. места для оптимизма не оставляют – это не просто статистика, а серьезная и угрожающая тенденция. Киберпреступления мутируют с такой скоростью, что наши правоохранительные органы, к сожалению, заметно отстают в плане применения новых поисковых систем и информационных технологий, что затрудняет процесс противодействия этому виду преступлений. По информации «Лаборатории Касперского», к киберпреступлениям относят около 12 основных разновидностей – при этом кибертерроризм как вид информационного преступления «Лаборатория Касперского» в расчет не принимает. К сожалению, в настоящее время в отношении данного вида преступлений не выработан четкий понятийный аппарат и, соответственно, меры по противодействию ему.

¹ *МВД рассказало о снижении числа киберпреступлений в России.* URL: <https://ria.ru/20251224/chislo-2064367213.html?ysclid=mo44txmo8u802707404> (дата обращения: 18.04.2026).

² *Хакеры Silent Crow заявили, что уничтожили IT-систему «Аэрофлота».* URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/khakery-silent-crow-zayavili-chto-unichtozhili-it-sistemu-acroflota/> (дата обращения: 18.04.2026).

Вместе с тем для кибертерроризма, как и для терроризма в классическом понимании, характерны публичность, дестабилизация государственных институтов, воздействие на принятие решений, причинение ущерба объектам жизненно важной инфраструктуры. В отличие от обычного терроризма, кибертерроризм преследует два основных типа целей – «пропаганда движения и его идеологии, давление на государственную власть и получение морального удовлетворения от потенциального успеха» [1, с. 134]. Для достижения своих целей кибертеррористы используют технические и цифровые средства при совершении кибератак. Эти атаки подразделяются на две категории: вирусные и информационные. Вирусные атаки включают в себя различные типы вредоносного программного обеспечения:

- бэкдор-вирусы (backdoor-virus): используют программные уязвимости системы, позволяя получить удаленный доступ к устройству;
- полиморфные вирусы: это «многоликие» вирусы, которые постоянно изменяют свой код, затрудняя обнаружение и противодействие антивирусными программами;
- бут-вирусы: атакуют компьютер в момент загрузки системы, что может привести к полному удалению всех данных и самой операционной системы.

Наибольшую опасность представляют целевые продолжительные атаки (advanced persistent threat, АРТ), способные вывести из строя целые государственные системы, реестры и пр. Это наиболее опасные и технически сложные атаки. Они часто используют уязвимости «нулевого дня» (ранее неизвестные уязвимости) для получения доступа к сети и ресурсам компании. Примером такой масштабной кибератаки является кибертерракт, который произошел 7 октября 2024 г. и привел к массовому сбою в работе электронной судебной системы Российской Федерации. Атака затронула множество ключевых компонентов судебной системы и интернет-портал ГАС «Правосудие». Отметим, что ответственность за этот кибертерракт взяла на себя проукраинская хакерская группировка ВО Team, которая ранее уже заявляла о своей причастности к взлому государственной телерадиовещательной компании ВГТРК и отечественного видео-хостинга RuTube.

Что касается нормативно-правового регулирования ответственности за кибертерроризм, то отечественный законодатель до сих пор не установил унифицированной дефиниции. К сожалению, кибертерроризм как явление, посягающее на систему государственного управления, находится, на наш взгляд, в правовом вакууме. По мнению профессора А.В. Серебренниковой, «обсуждение кибертерроризма в большинстве проводится в средствах массовой информации с присущей для журналистов склонности к приукрашиванию и драматизации, а не к научной точности и лаконичности в определении новых терминов» [2, с. 48].

Среди многочисленных вариантов, предлагаемых российскими учеными-правоведами, наиболее удачным, по нашему мнению, является определение В.А. Васенина: кибертерроризм – это «совокупность противоправных действий, связанных с покушением на жизнь людей, угрозами расправ, деструктивными действиями в отношении материальных объектов, искажением объективной информации или рядом других действий, способствующих нагнетанию страха и напряженности в обществе, с целью получения преимущества при решении политических, экономических или социальных задач» [3, с. 67]. Основное предназначение кибертерроризма заключается в нарушении работы критической инфраструктуры, причинении ущерба или запугивания населения в политических, идеологических или религиозных целях. Другими словами – это умышленные действия, направленные на дестабилизацию и (или) стойкое прекращение деятельности (работы) государственных институтов в информационном пространстве сети Интернет посредством применения вредоносных информационных атак и вредоносного программного обеспечения.

В отечественной научной среде многие ученые полагают, что введение конкретной нормы, устанавливающей ответственность за кибертерроризм, является избыточным и нецелесообразным, потому что уже существует состав преступления, предусмотренный ст. 205 УК РФ (террористический акт). Однако действительность такова, что возникли объективные предпосылки для выделения кибертерроризма в отдельную статью в Уголовном кодексе РФ.

В целом информационная преступность связана с незаконным использованием сведений и информационных технологий, причиняющих ущерб гражданам, организациям или государству. «Это может быть подрыв экономики противостоящего государства, искусственное разжигание политической нестабильности, натравливание внутренней оппозиции в государстве друг на друга и на правящую власть или срывы важных международных договоренностей путем вброса дезинформации» [4, с. 48]. В соответствии с УК РФ основные статьи, регулирующие ответственность за преступления в данной сфере, включают ст. 272 «Неправомерный доступ к компьютерной информации», ст. 273 «Создание, использование и распространение вредоносных программ», ст. 274 «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации» и др.

Сущность информационной преступности может быть раскрыта сквозь призму глобального характера преступлений, обусловленного транснациональной природой цифровой среды. Не менее значимым признаком выступает относительно низкий уровень субъективного риска для правонарушителя. Третьим существенным признаком является высокая степень латентности, так как значительная часть деяний в информационной среде либо не фиксируется потерпевшими, либо не получает надлежащей правовой оценки.

Особую сложность представляет правильная уголовно-правовая квалификация кибертеррористических деяний, поскольку в практике расследования и судебного рассмотрения возникает необходимость отграничения подобных актов от иных противоправных посягательств. В российском уголовном праве элементы кибертерроризма отражаются в совокупности состава преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ (террористический акт), а также ст. 272 (неправомерный доступ к компьютерной информации), ст. 273 (создание, использование, распространение вредоносных программ), ст. 274 (нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей).

Соотношение кибертерроризма и традиционного терроризма согласуется со ст. 205 УК РФ, в которой терроризм – совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба или наступление иных тяжких последствий в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или воздействия на принятие решений органами власти. Кибертерроризм – это, по сути, одна из новых форм реализации террористической деятельности. Отличительная черта – специфичность инструментов (вместо взрывчатки – вредоносные программы, DDoS-атаки, вмешательство в АСУ ТП). Например, если преступник заражает вирусом систему управления железнодорожным движением, что приводит к массовой аварии, это может быть квалифицировано как террористический акт, совершенный с использованием информационных технологий. Если объектом посягательства выступает общественная безопасность, а деяние элементарно направлено на нагнетание страха, дестабилизацию с использованием кибертехнологий, то речь идет не о киберпреступлении вообще, а именно о кибертерроризме.

Другим распространенным видом преступлений в цифровой среде является хактивизм. «Форма гражданского неповиновения и протеста, когда целью кибератаки является привлечение внимания общественности к социальным, политическим и другим проблемам для достижения социальных или политических изменений, носит название «хактивизм». Хактивизм – форма политического активизма, которая использует технические навыки и технологии, чтобы воздействовать на тех, чьи действия противоречат идеологии хактивистов» [5, с. 342]. Отличительной чертой хактивизма признается провоцирование общества на политические, социальные или иные общественно значимые действия.

Современная действительность породила и такой вид киберугроз, как кибервойны. По определению А.С. Харланова и Р.В. Белого, кибервойны – «это мероприятия по воздействию на поведение людей, подмены их ценностей, изменение истории и сложившихся понятий, толкование различных событий в нужном ключе» [6, с. 107]. Целью кибервойн является нарушение деятельности объектов стратегического значения для причинения вреда национальной безопасности государства, здоровью и жизни людей. А.В. Шидловский утверждает, «по своей природе кибервойна существует в пределах виртуального пространства и сводится к использованию Интернета, а также связанных с ним технических и информационных средств одним государством с целью причинения вреда военной, технологической, экономической, политической, информационной безопасности и суверенитету другого государства» [7, с. 97]. Критическая информационная инфраструктура становится мишенью для посягательства. Основные методы – DDoS-атаки, использование вредоносного ПО, подделка баз данных.

Наконец, непосредственно киберпреступления как обобщенное наименование целого ряда преступлений, целью которых является незаконное обогащение, получение денежного вознаграждения. Их главная отличительная особенность – нацеленность на получение выгоды (денежной или иной), нанесение вреда конкретным субъектам, часто с целью хищения, мошенничества либо паралича отдельных организаций. Жертвами киберпреступников обычно становятся бизнес-структуры и частные лица. Киберпреступники чаще всего используют вредоносные ПО, большей частью программы шифровальщики, фишинг и социальную инженерию. Хакер, внедривший в систему энергокомпании вирус ради вымогательства или шантажа, действует в интересах собственной выгоды – это чаще киберпреступление. Если в деянии отсутствует террористическая цель (устрашение, влияние на власть), то квалификация сводится к статьям о компьютерных преступлениях. Если же мотив преступника – дестабилизация, массовое разрушение, вызов страха – это элемент кибертерроризма. Многие действия, входящие в кибертеррористическую атаку (взлом, распространение вируса, ложная паника), по отдельности – составы преступлений, предусмотренные ст. 272–274 УК РФ, но в совокупности с террористической целью они рассматриваются как квалифицирующий признак, увеличивающий степень общественной опасности деяния.

Кибертерроризм по квалифицирующим признакам схож с диверсией (ст. 281 УК РФ) – совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на уничтожение, повреждение объектов инфраструктуры, транспорта, связи, с целью подрыва экономики и обороноспособности РФ. В контексте кибертерроризма диверсионный акт может быть осуществлен через киберсредства: вредоносная программа, управляющая промышленным оборудованием, саботаж систем связи или транспорта. Саботаж программно-аппаратного комплекса управления локомотивами или электросетями с помощью кибератаки – преступление, внешне схожее с кибертерроризмом, однако основная цель при диверсии – экономический или военно-стратегический урон, а не устрашение населения или давление на власть. Если основная цель – вызвать массовую панику, страх, дестабилизировать общество, – это кибертерроризм. Если же вред критической инфраструктуре – способ воздействия на экономику или обороноспособность без явного элемента устрашения, – то ближе к диверсии.

При прочих различиях объединяющим фактором всех этих видов преступлений остается объект преступного посягательства – компьютерные сети, серверы, мобильные устройства и пр. Квалифицирующим признаком кибертерроризма, отличающим его от иных форм использования информационно-коммуникационных технологий в противоправных целях, является «применение информационно-коммуникационных технологий непосредственно как института совершения деструктивной атаки, а не только средства коммуникации или координации» [8, с. 119].

В сфере цифровой информации совершаются и другие виды преступлений, такие как мошенничество, сетевой шпионаж. Мошенничество представляет собой незаконные действия, направленные на обман ради получения выгоды. В своей преступной деятельности мошенники прибегают к использованию вирусов, троянов и других вредоносных программ. Мошенничество предполагает нарушение систем защиты цифровой информации. Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) – действия, связанные с хищением имущества при помощи информационных технологий. Во всех этих случаях отсутствует террористическая цель, эффект устрашения, влияния на органы власти, массовых последствий для общества. Поэтому такие деяния рассматриваются как самостоятельные составы, не достигающие степени общественно опасного характера, свойственного терроризму. Сетевой шпионаж используется в нарушении законов для получения конкурентного преимущества.

При разграничении кибертерроризма со смежными преступлениями на практике возникает несколько типовых проблем. Мотив преступника может быть неоднозначным (финансовый шантаж с угрозой теракта или чистый террор). Используется комбинированный способ совершения преступления (например, сначала хакерская атака с хищением данных, затем распространение угроз и панических слухов). В международных делах сложно определить юрисдикцию и квалификацию. Особую сложность вызывает доказывание террористической цели и умысла – в таких делах важна тщательная работа следствия, экспертных групп, привлечение специалистов по криминалистике, кибербезопасности.

Кибертерроризм непрерывно эволюционирует. Компьютерные вирусы, различные атаки на информационные системы, троянские программы, позволяющие выполнять вредоносные действия и заражать системы, известны с начала 2000-х гг. Пользоваться вредоносными программами вначале стали не террористические группировки, а спецслужбы ряда государств, которые находились в состоянии конфронтации с потенциальным противником. Так, в 2007 г. Израиль внедрил троянский вирус в код программного обеспечения сети противовоздушной обороны Сирии. В результате израильские самолеты беспрепятственно проникли на территорию Сирийского государства и нанесли удары по атомной энергетической установке, в то время как на экранах сирийских радаров не было никаких признаков вторжения. Есть и другие примеры: «Вирус Stuxnet представлял собой сложный компьютерный червь, который атаковал иранские ядерные объекты в 2010 г.» [9, с. 27]. Вредоносная программа поражает все на своем пути и в числе первых нанесла вред системе Иранского центра по обогащению урана.

Российская законодательная инициатива старается своевременно реагировать на вызовы современности, однако действительность порождает новые формы киберпреступлений, которые заметно изменяют криминологическую обстановку в стране. Как справедливо отмечает С.С. Витвицкая, «наблюдается такая форма киберпреступления, как кибершпионаж. Существует реальная угроза употребления информационно-телекоммуникационных технологий в ходе внешнеполитических и военных конфликтов для осуществления диверсий на объектах критической информационной инфраструктуры и др. Появились новые формы киберпосягательств на общественную безопасность, здоровье населения, общественную нравственность и другие правоохраняемые объекты» [10, с. 132].

В современных условиях уже невозможно отрицать, что кибертеррористическая опасность затрагивает не отдельное государство, а представляет собой угрозу транснационального характера. Кибератаки не ограничиваются государственными границами и не учитывают ни число пострадавших, ни масштабы причиненного ущерба. Следовательно, добиться ощутимых и устойчивых результатов исключительно силами одного государства в данной сфере невозможно. М.В. Алексеева и Е.А. Филимонова справедливо отмечают, что «действительность диктует условия, при которых ни один аппарат национальной безопасности не имеет возможности самостоятельно

справляться и предусматривает сотрудничество между государствами и грамотно стратегически выстроенную международную политику» [11, с. 51].

В обозримом будущем правоведам предстоит установить признаки и конкретизировать понятие кибертерроризма, с тем чтобы отделить этот вид преступлений от смежных, совершаемых в виртуальном пространстве с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В.Г. Романовский утверждает, что «уголовно-правовая политика современного государства должна эффективно реагировать на складывающиеся обстоятельства, при этом носить упреждающий характер» [12, с. 308]. Необходимо закрепить в Уголовном кодексе РФ специальные виды ответственности за совершение киберпреступлений террористической направленности, а также сформировать систему превентивных мер. При этом, несмотря на сложившуюся современную геополитическую обстановку, в которой находится Россия, наиболее действенным и фактически безальтернативным подходом к противодействию компьютерному терроризму остается международное сотрудничество: взаимодействие правоохранительных органов, обмен информацией между государствами, а также совместная работа специалистов в сфере информационных технологий и экспертов из разных стран.

Обсуждение и заключение. Кибертерроризм – сложное явление, интегрирующее признаки терроризма, экстремизма, компьютерных и иных преступлений, которое создает новые вызовы для национальной и международной безопасности и требует адекватного научного и практического реагирования. Основным квалификационным признаком кибертерроризма – наличие цели устрашения, дестабилизации, политического давления, реализуемой с помощью современных информационных технологий.

Резкий рост числа кибератак, направленных именно на объекты критической инфраструктуры, подтверждает, что данные объекты становятся приоритетной целью злоумышленников. Использование зарубежного программного обеспечения и отсутствие криптографической защиты информации ставит под угрозу целостность и работу цифровых государственных сервисов. Поэтому на повестке дня стоит вопрос разработки комплекса мер организационно-технического и правового характера. В первую очередь, это осуществление полного перехода на отечественное программное обеспечение, которое будет обладать криптографической защитой. Это тем более актуально, что наработки в области криптографии, а также нормативно-правовое регулирование в данной области уже имеется. На уровне Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации необходимо разработать наставление по производству электронных резервных копий материалов дел, произвести балансировку нагрузки серверов судебной системы с запасом, создать резервный сервер (дубликат) ГАС «Правосудие» на случай информационных инцидентов, разработать комплекс контрмер (контратак) на хакерские группировки с целью долгосрочной нейтрализации их деятельности.

Перед правоохранительной и правоприменительной системами России сегодня стоит ряд злободневных задач, требующих незамедлительного решения. Прежде всего, необходимо выработать легальное определение понятия «кибертерроризм». Для назначения адекватной меры ответственности, эффективной защиты общества и государства необходимо также правильное соотнесение кибертеррористического акта и смежных составов. Распространение профессионализация кибертеррористов и использование ими все новых методов воздействия обуславливают необходимость постоянного обновления законодательной базы и внедрения гибких нормативных правовых актов, учитывающих динамику киберугроз.

Самой эффективной мерой борьбы с кибертерроризмом на сегодняшний день является тесное международное сотрудничество, участие в создании международных институтов и инструментов борьбы с кибертерроризмом, прочное взаимодействие правоохранительных органов различных стран. Обмен информацией о киберугрозах, организация совместных оперативно-розыскных действий с привлечением специалистов из IT-сферы являются залогом осуществления превентивных мер по противодействию мировому кибертерроризму. Совершенствование отечественной нормативно-правовой базы, заключение международных соглашений и договоров, направленных на совместное противодействие киберугрозам, имеют первостепенное значение в борьбе с этим мировым злом.

Список литературы / References

1. Цримов А.А. Кибертерроризм как глобальная угроза национальной безопасности. *Проблемы в российском законодательстве*. 2023;16(5):133–137.
Tsrinov AA. Cyberterrorism as a Global Threat to National Security. *Gaps in Russian Legislation*. 2023;16(5):133–137. (In Russ.)
2. Серебренникова А.В. Кибертерроризм: причины и условия. *Colloquium-Journal*. 2021;(17–4(104)):47–49.
Serebrennikova AV. Cyber Terrorism: Causes and Conditions. *Colloquium-Journal*. 2021;(17–4(104)):47–49. (In Russ.)
3. Васенин В.А. Информационная безопасность и компьютерный терроризм. В: *Научные и методологические проблемы информационной безопасности: сборник статей*. Москва; 2004. С. 67–83.

Vasenin V.A. Information Security and Computer Terrorism. In: *Scientific and Methodological Problems of Information Security: Collection of Articles*. Moscow; 2004. P. 67–83. (In Russ.)

4. Мазуров В.А., Стародубцева М.А. Кибертерроризм как оружие в гибридной войне. *Российско-азиатский правовой журнал*. 2020;(1):46–52.

Mazurov VA, Starodubtseva MA. Cyber Terrorism as a Weapon in a Hybrid War. *Russian-Asian Law Journal*. 2020;(1):46–52. (In Russ.)

5. Хижак Н.П. Эволюция хактивизма: новая реальность киберугроз. В: *Труды IX Международной научно-практической конференции «Дистанционные образовательные технологии»*. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал»; 2024. С. 341–344.

Khyzhak NP. Evolution of Hacktivism: the New Reality of Cyber Threats. In: *Proceedings of the IX International Scientific-Practical Conference “Distance Education Technology”*. Simferopol: LLC “Arial” Publ.; 2024. P. 341–344. (In Russ.)

6. Харланов А.С., Белый Р.В. Новые реалии ведения войны: «кибертерроризм» и информационные войны. *Юридическая наука*. 2021;(6):106–110.

Harlanov AS, Belyi RV. New Realities of Warfare: “Cyber Terrorism” and Information Warfare. *Legal Science*. 2021;(6):106–110. (In Russ.)

7. Шидловский А.В. Некоторые аспекты противодействия кибертерроризму и кибердиверсиям. *Pravo.by* 2017;6(50):96–100.

Shidlovsky AV. Modern Situation and New Approaches to Countering Cyberterrorism and Cybersabotage. *Pravo.by*. 2017;6(50):96–100. (In Russ.)

8. Асрумян А.К. Юридическая природа кибертерроризма: проблемы квалификации и доказательств. *Закон и власть*. 2025;(7):118–122.

Asrumyan AK. The Legal Nature of Cyberterrorism: Problems of Qualification and Evidence. *Law and Power*. 2025;(7):118–122. (In Russ.)

9. Литвинов М.Ю., Алескеров В.И., Баранов В.В., Матвеев Д.А. Противодействие международному кибертерроризму – одно из приоритетных направлений деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2025;(1):25–29.

Litvinov MYu, Aleskerov V.I., Baranov V.V., Matveev D.A. Countering international cyber terrorism is one of the priority areas of activity of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Vestnik Barnaulskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii (Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)*. 2025;(1):25–29. (In Russ.)

10. Витвицкая С.С., Витвицкий А.А., Исакова Ю.И. Киберпреступления: понятие, классификация, международное противодействие. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2023;1(1):126–136. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136>

Vitvitskay SS., Vitvitsky AA, Isakova YuI. Cybercrimes: Concept, Classification, International Countering. *Legal Order and Legal Values*. 2023;1(1):126–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-126-136>

11. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Актуальные вопросы противодействия угрозам национальной безопасности. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(1):47–53. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53>

Alekseeva MV, Filimonova EA. Topical Issues of Counteracting the Threats to National Security. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(1):47–53. (Russ.). <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-1-47-53>

12. Романовский В.Г. Перспективы криминализации кибертерроризма в России и за рубежом. *Академический юридический журнал*. 2022;23(3(89)):302–311.

Romanovskiy VG. Prospects for Criminalization of Cyberterrorism in Russia and Abroad. *Academic Law Journal*. 2022;23(3(89)):302–311. (In Russ.)

Об авторах:

Инга Григорьевна Сагирян, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), sagiryan@yandex.ru

Светлана Ивановна Кузина, доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), профессор кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70), [SPIN-код](#), [ORCID](#), svivk@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

И.Г. Сагирян: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

С.И. Кузина: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Inga G. Sagiryan, Cand.Sci. (Philology), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ScopusID](#), [ORCID](#), sagiryan@yandex.ru

Svetlana I. Kuzina, Dr.Sci. (Politics), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), Professor of the Political Science and Ethnopolitics Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), svivk@yandex.ru

Claimed Contributorship:

IG Sagiryan: formulating the main concept, research methodology, setting the objectives of research, preparing the text, formulating the conclusions.

SI Kuzina: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Поступила в редакцию / Received 07.05.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 04.06.2026

Принята к публикации / Accepted 10.06.2026